

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1984

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бобрин М. П.</i> Сотрудничество СССР — ПНР в деле подготовки и проведения общеевропейского Совецания (1964—1975)	3
<i>Михутина И. В.</i> Международные антифашистские и антивоенные конгрессы 30-х годов: участие в них деятелей культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы	13
<i>Карасев В. Г., Костюшко И. И., Уткина Л. И.</i> Обучение студентов из зарубежных славянских стран в Московском университете (вторая половина XIX — начало XX в.)	35
<i>Мочалова В.</i> К истории восприятия Яна Кохановского в России («Трены» в оценке русской критики и в переводах)	41
<i>Муртузалиев С. И.</i> Идея сопротивления исламизации в устном народном творчестве болгар XV—XVI веков	54
<i>Осипова М. А.</i> К вопросу о сопоставительном описании глагольной префиксации в славянских языках	63

СООБЩЕНИЯ

<i>Титова А. А.</i> Позиция Польской социалистической партии по вопросу аграрной реформы в 1924—1925 годах	72
<i>Николаев С. И.</i> Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Пасквалина»	77
<i>Чернецов А. В.</i> Об одном русском изображении Юстиниана I (XVI в.)	79
<i>Ищенко Д. С.</i> Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита	84

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Колесницкий Н. Ф.</i> Вопросы этногенеза и этнического самосознания славян	88
<i>Волков А. Р. С. В.</i> Никольский. Две эпохи чешской культуры	92
<i>Л. К.</i> Сравнительно литературознание	94

МОСКВА

<i>Смирнов С. В.</i> Славяноведение и балканистика в зарубежных странах	96
<i>Верещагин Е.</i> Супрасьльски или Ретков сборник	99
<i>Смолякова Н. К.</i> Ничева. Българска фразеология	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Дипский А. Е.</i> Научная конференция «40 лет народной Польши»	104
<i>Вышомирская-Кузьминская О.</i> (ПНР). Научные конференции Комиссии историков ПНР и СССР	107
<i>И. М.</i> Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами	111
<i>Заборовский Л. В., Иванова О. В.</i> Международный симпозиум в Москве	115
<i>Машкова А. Г., Попова Т. П.</i> Научная конференция на кафедре славянской филологии МГУ	119
<i>Недорезов А. И.</i> <u>Вацлав Крал</u>	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1984 г.	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117132, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

БОБРИК М. Н.

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР — ПНР В ДЕЛЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ (1964—1975)

В современной международной жизни важную роль играет миролюбивая политика социалистических стран. Большой вклад в осуществление скоординированной внешнеполитической линии социализма вносит сотрудничество Советского Союза и Польской Народной Республики, развивающееся на основе Договора о дружбе, сотрудничестве, взаимопомощи. Подписывая 8 апреля 1965 г. этот договор, СССР и ПНР отмечали, что видят в нем конструктивный фактор мира и безопасности в Европе [1, с. 382—383, 389, 576]. Тем самым было подчеркнуто существенное значение вопроса о европейской безопасности во внешней политике двух государств.

Важнейшим направлением усилий СССР и Польши является борьба за создание системы коллективной безопасности в Европе. Своими истоками эта идея восходит к попыткам Советского государства создать Восточный пакт. Антигитлеровская коалиция явилась воплощением данной идеи в военных условиях. После второй мировой войны, с образованием мировой системы социализма, число сторонников европейской безопасности возросло, и советское предложение о заключении общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе (1954) активно поддержали все социалистические страны, в том числе и ПНР. В дальнейшем, подписывая Варшавский Договор (1955), социалистические государства в 11-й его статье подчеркнули свое стремление к созданию системы коллективной безопасности в Европе и к заключению общеевропейского договора о коллективной безопасности.

В начале 60-х годов существенно изменилось соотношение сил в мире в пользу социализма и прогресса. Анализ новой международной обстановки был дан в документах международного коммунистического и рабочего движения. В советско-польском заявлении от 15 апреля 1964 г. также подчеркивалась возможность предотвращения войны в новых международных условиях [2, с. 485].

В такой ситуации, когда появилась реальная возможность решения насущной проблемы современности: подведения итогов второй мировой войны и создания системы коллективной безопасности в Европе, Польша продолжила внешнеполитический курс социализма и после двенадцатилетних консультаций с СССР 14 декабря 1964 г. предложила с трибуны Организации Объединенных Наций созвать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, с участием США и Канады [3, 1964, № 11—12, с. 1559—1577]. Польская инициатива была поддержана другими социалистическими странами на заседании Политического Консультативного Комитета (ПКК) Варшавского Договора 20 января 1965 г.

Вопрос о созыве Совещания становится со второй половины 60-х годов главной темой диалога Восток — Запад, катализатором в развитии процесса разрядки, а осуществление идеи общеевропейского Совещания — одним из главных направлений во внешней политике Советского Союза и народной Польши. Реализация этой идеи прошла несколько этапов: от достижения согласия Запада на созыв Совещания (1965—1970) до его подготовки (1970—1973) и отстаивания на нем социалистической концепции урегулирования европейских проблем (1973—1975).

Координация внешнеполитических усилий Советского Союза и Народной Польши проходила в рамках Варшавского Договора, а также в ходе двусторонних встреч на высшем уровне, партийно-правительственных делегаций, министров иностранных дел. Активно шла выработка общей социалистической концепции общеевропейского Совещания, в разработку которой советские и польские дипломаты, ученые-международники внесли большой вклад. Вместе с тем социалистические государства вели последовательное дипломатическое наступление в целях склонения Запада к общеевропейским переговорам.

В бухарестской «Декларации об укреплении мира в Европе» от 5 июля 1966 г. социалистические страны впервые выступили с коллективной инициативой созыва общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Созыв такого Совещания рассматривался ими как путь создания системы общеевропейской коллективной безопасности.

Идея созыва общеевропейского Совещания была поддержана на конференции европейских коммунистических и рабочих партий (Карловы Вары, 1967 г.) и на Международном совещании коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.), а также на Всемирной Ассамблее Мира (Берлин, 1969 г.). В работе всех этих международных форумов представители СССР и Польши принимали самое активное участие. †

Одновременно проблемы укрепления мира и безопасности в Европе рассматривались в ходе советско-польского диалога на высшем уровне (октябрь 1966 г., январь и сентябрь 1967 г., 1968 г., март и июль 1969 г.), министрами иностранных дел (декабрь 1967 г., март 1969 г.). Обмен взглядами показывал единство позиций сторон, их солидарность с общей линией стран социализма. Например, в официальном коммюнике от 1 марта 1969 г. о визите в СССР министра иностранных дел ПНР говорилось: «Стороны исходят из того, что предложения, содержащиеся в документах, разработанных социалистическими странами в 1966 г. в Бухаресте и европейскими коммунистическими и рабочими партиями в 1967 г. в Карловых Варах, представляют собой хорошую основу для выработки эффективных мер по обеспечению европейской безопасности, и будут и впредь прилагать усилия к осуществлению этих предложений» [1, с. 457].

В будапештском «Обращении государств — участников Варшавского Договора ко всем европейским странам» (март 1969 г.) содержался призыв к практическим действиям и мерам по разрядке, в частности, к проведению общеевропейских переговоров с целью определения порядка созыва Совещания. Большое значение данного документа было отмечено в польско-советском коммюнике от 4 октября 1969 г. «Обе стороны еще раз подчеркнули, что актуальным вопросом является укрепление мира и создание системы коллективной безопасности в Европе», — говорилось в коммюнике. — «Согласно с глубоким убеждением обеих сторон творческой основой этой программы являются предложения, заключенные в будапештском воззвании государств Варшавского Договора, которые нашли позитивный отклик среди большинства государств и широких кругов общественного мнения в Европе» [2, с. 592]. На пражском совещании министров иностранных дел стран — участниц Варшавского Договора (октябрь 1969 г.) была предложена повестка дня, состоявшая из двух пунктов: 1) обеспечение европейской безопасности и отказ от применения силы или угрозы ее применения в отношениях между государствами Европы; 2) расширение равноправных торговых, экономических и науч-

по-технических связей, направленных на развитие политического сотрудничества между европейскими государствами.

Большое внимание вопросу Совещания обе страны уделяли в своей деятельности в Организации Объединенных Наций, рассматривая органы ООН и особенно Генеральную Ассамблею и Европейскую Экономическую Комиссию как важную трибуну для популяризации идеи общеевропейского Совещания. На XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1966) польская делегация предложила конкретный план проведения общеевропейского Совещания, предусматривавший обсуждение как политических проблем, так и вопросов экономического сотрудничества, а на XXIV сессии (1969) ею были представлены практические рекомендации по договору о коллективной безопасности и сотрудничеству в Европе, который мог бы быть подписан в результате общеевропейской встречи. Одновременно мирные инициативы, выдвинутые с трибуны ООН, создавали благоприятную атмосферу для созыва Совещания. Важно отметить в этой связи предложенный в 1966 г. в Комитете по разоружению Советским Союзом и США Договор о нераспространении ядерного оружия, который вступил в силу в 1970 г., а также конвенцию о нераспространении срока давности на военные преступления и преступления против человечества, принятую по инициативе ПНР.

Считая возможным подготовить многосторонние переговоры путем двусторонних дискуссий, СССР и ПНР проводили активный обмен мнениями по вопросу Совещания с западноевропейскими государствами (польско-английское коммюнике 1965 г., польско-шведское коммюнике 1966 г. и др.). Вместе с тем развитие Советским Союзом и Польшей двусторонних отношений с капиталистическими государствами на основе принципов мирного сосуществования способствовало углублению процесса разрядки на Европейском континенте.

Важное значение имели усилия СССР и ПНР, направленные на нормализацию отношений с ФРГ. Они настаивали на признании суверенного социалистического государства — ГДР, польской западной границы по Одре и Нысе Лужицкой, недействительности мюнхенского договора и недопущении ФРГ к ядерному оружию. Скоординированная принципиальная внешнеполитическая деятельность обоих государств дала позитивные результаты: был подписан договор между СССР и ФРГ (12 августа 1970 г.) и договор между ПНР и ФРГ (7 декабря 1970 г.), что ускорило созыв общеевропейского Совещания.

В будапештском меморандуме 1970 г. стран Варшавского Договора содержались новые конструктивные предложения, дополняющие предлагаемую ими повестку дня вопросом создания на Совещании постоянного органа по безопасности и сотрудничеству в Европе и проблематикой культурного сотрудничества и защиты окружающей среды. Тем самым социалистические страны вновь показали свою готовность искать взаимоприемлемые решения.

На заседании ПКК, состоявшемся в Берлине (1970), в связи с достигнутым уровнем договоренности на двусторонней основе социалистические государства предложили перейти к многосторонним консультациям. В феврале 1971 г. социалистические государства призвали «не затягивать переход к новой, более активной, фазе подготовки общеевропейского совещания» [4, с. 140], к многосторонним консультациям.

Советский Союз и Польша активно участвовали в многосторонних мероприятиях стран — участниц Варшавского Договора. Вместе с тем важные для европейской безопасности задачи ставились ими и в ходе двусторонних переговоров. Так, в сообщении о встрече партийных и государственных деятелей 11 ноября 1971 г. сообщилось: «Стороны выступают за активизацию подготовки общеевропейского совещания, которое может в решающей мере способствовать превращению Европы в континент мира и взаимовыгодного сотрудничества» [1, с. 540]. В 1971 г. состоялись четыре советско-польские встречи на высшем уровне, в ходе которых проблемам европейской безопасности уделялось большое внимание и подчеркивалось единство взглядов по вопросу общеевропейского Совещания.

XXIV съезд КПСС, выработавший комплексную программу мира, VI съезд ПОРП, принявший специальную резолюцию по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе, и съезды других партий, прошедшие также в 1971 г., дали новый импульс дальнейшей борьбе за мир.

В дело подготовки Совещания активно включилась миролюбивая общественность СССР и ПНР и многих европейских стран. 8 июня 1971 г. в Москве был образован Советский общественный комитет, а 22 сентября 1971 г. в Варшаве — Польский общественный комитет. Проводились международные семинары по европейским проблемам, развивались научные и общественные контакты с западноевропейскими деятелями в целях обмена взглядами и достижения взаимопонимания между Востоком и Западом, разворачивалась полемика по европейской проблематике на страницах польской и советской прессы, были организованы международные встречи журналистов в Яблоне (1972, 1975).

В январе 1972 г. страны — участницы Варшавского Договора выработали «Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе», в которой определили принципы европейской безопасности, завершив тем самым фазу теоретической подготовки Совещания.

Ратификация договоров между СССР и ФРГ и между ПНР и ФРГ, а также соглашения по Западному Берлину между четырьмя государствами, подписание в Москве советско-американского временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических вооружений — все эти события 1972 г. создали благоприятную обстановку для проведения общеевропейского Совещания.

Развитие Советским Союзом и Польшей отношений с западноевропейскими государствами и обсуждение в ходе переговоров вопроса подготовки общеевропейского Совещания стимулировали борьбу за его созыв. Например, польская дипломатия в 1969—1972 гг. провела более 100 таких консультаций. Особенно усиленно развивались контакты СССР и ПНР с Францией: 13 октября 1970 г. была подписана советско-французская декларация, в которой обе стороны выразили готовность приступить к активной подготовке общеевропейского Совещания [5, с. 178]; 27 ноября 1970 г. — Декларация о дружбе и сотрудничестве между Польшей и Францией; в 1972 г. — ряд других важных советско-французских и польско-французских документов. Заключенные в 1970—1972 гг. двусторонние договоры и соглашения социалистических стран с капиталистическими странами послужили важной предпосылкой решения многих проблем на Европейском континенте [6, с. 580].

В многосторонних подготовительных консультациях, проходивших в Хельсинки с 22 ноября 1972 г. по 8 июня 1973 г., СССР и ПНР приняли активное участие. В ходе общеевропейских переговоров они проводили согласованную политику. Комментируя начало консультаций, журнал «Nowe drogi» отмечал, что Польша включается в их работу, руководствуясь национальными интересами, а также «обязательствами, которые она взяла на себя будучи членом социалистического содружества. Деятельность польской дипломатии определяют следующие предпосылки: двустороннее сотрудничество с Советским Союзом и развитие системы консультаций, вклад в разработку позиции содружества социалистических стран, продолжение двустороннего диалога с западными государствами, контакты с Финляндией — страной, где проходили подготовительные переговоры, активное участие в них и поддержка всех инициатив, служащих делу укрепления среди европейских народов убежденности в необходимости и целесообразности созыва совещания» [7].

Советский Союз и Польша внесли существенный вклад в разработку организационной структуры Совещания. СССР предложил проект повестки дня, которая впоследствии была уточнена советскими дипломатами с учетом состоявшейся дискуссии и содержала следующие пункты: 1) обеспечение европейской безопасности и принципы отношений между государствами в Европе; 2) расширение торговли, экономических, научно-технических связей на равноправных началах, включая сотрудничество в области защиты окружающей среды; 3) расширение культурного сотруд-

ничества; 4) создание консультативного комитета по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. ГДР дополнила 1-й пункт повестки вопросом о военных аспектах. Польское дополнение ко 2-му пункту касалось производственной кооперации между странами с различным социально-экономическим строем. Представитель ПНР принял активное участие также и в формулировке пункта о расширении культурного обмена.

Представители ПНР и ВНР внесли предложения относительно порядка проведения всей подготовительной работы: организации пленарных заседаний на уровне министров иностранных дел, утверждения ими повестки дня, регламента, процедуры, проведения общей дискуссии и создания рабочих органов Совещания. Важно также отметить, что именно Польша предложила проводить дискуссии на внеблоковой основе [8, 1972, 29 XI], что имело «исключительно важное значение для успешной работы дипломатов в Хельсинки» [9, с. 393]. Следует сказать и о совместном польско-французском проекте проведения Совещания в три этапа и уровнях представительств на каждом из них [8, 1972, 12 XII], в соответствии с которым и проходили впоследствии общеевропейские переговоры. Этот документ имел не только организационное, но и большое политическое значение, демонстрируя, что государства с различным общественно-политическим строем, какими являются Польша и Франция, в состоянии не только согласовать свою точку зрения, но и выступить с совместной инициативой на международной арене. Польский представитель внес предложение и о создании рабочей группы по техническим и финансовым вопросам общеевропейского Совещания, что было оценено как важный вклад в создание организационных основ Совещания [10, с. 158—160].

Все советские и польские предложения легли в основу выработанных в Хельсинки «Заключительных рекомендаций консультаций», что говорит о конструктивном характере этих инициатив. Тем самым деятельность дипломатии СССР и ПНР способствовала реализации основной задачи, достигнутой в ходе консультаций — тщательной подготовке общеевропейского Совещания. Конструктивная внешнеполитическая линия, проводимая советскими и польскими представителями на многосторонней подготовительной встрече в Хельсинки, согласовывалась накануне и во время работы консультаций в ходе советско-польских переговоров на высшем уровне в июне 1972 г. и мае 1973 г., а также на уровне министров иностранных дел в январе и мае 1972 г.

На первом этапе Совещания (Хельсинки, 3—7 июля 1973 г.) министры иностранных дел представили позиции своих государств по проблемам европейской безопасности и сотрудничества. Советскую точку зрения изложил А. А. Громыко. В его речи первостепенное внимание было уделено основным принципам европейской безопасности, сотрудничества и взаимоотношений между государствами Европы. А. А. Громыко подчеркнул, что европейская безопасность может строиться только на основе общего признания и уважения территориальных и политических реальностей в Европе, при осуществлении мер по разрядке напряженности в военной области, при всемерном развитии деловых контактов между всеми европейскими странами, отметив, что «это явится своего рода материальной основой безопасности в Европе, придаст ей дополнительный запас прочности» [10, с. 154]. От имени ПНР выступил Ст. Ольшовский, определивший Совещание как «исторический шанс Европы для создания системы коллективной безопасности». В этой связи он подчеркнул ключевое значение принципа нерушимости границ и территориальной целостности, а также обратил внимание на взаимосвязь военной и политической разрядки, отметил наличие условий для экономического и научно-технического сотрудничества, остановился на необходимости культурного сотрудничества [3, 1973, № 11, с. 1711]. Согласованная и хорошо продуманная концепция социалистических стран сыграла позитивную роль уже в самом начале Совещания.

На первом этапе Совещания социалистические государства представили проекты документов, касавшиеся всех пунктов повестки дня. Советский Союз предложил проект «Генеральной декларации об основах евро-

нейской безопасности и принципах отношений между государствами» [11], провозглашавшей суверенное равенство, уважение прав суверенитета, неприменение силы или угрозы ее применения, территориальную целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела государств, равноправие, право народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Эти принципы были сформулированы с учетом уже имеющегося опыта международных отношений, договоров СССР, ПНР, ГДР и ЧССР с ФРГ и других важных международных соглашений.

ГДР и ВНР представили совместное заявление о развитии сотрудничества в области экономики, науки и техники, а также защиты окружающей среды [10, с. 154]; Чехословакия — проект документа о принципах деятельности Консультативного Комитета [10, с. 158].

ПНР и НРБ подготовили проект документа об основных направлениях культурного сотрудничества, контактов и обмена информацией. Именно эти вопросы оказались наиболее трудными для согласования. Еще до начала Совещания определенные западные круги рассчитывали, что им удастся сорвать созыв Совещания, акцентируя внимание на «обмене людьми, идеями и информацией», называемым ими свободным, и пытались представить социалистические страны противниками развития культурного сотрудничества, обмена информацией и людьми. Однако расчеты такого рода оказались ошибочными. СССР, ПНР и другие социалистические государства не только не стремились препятствовать развитию контактов, но даже, наоборот, включили в предполагаемую повестку дня в качестве отдельного пункта эту проблематику. Поэтому совместный польско-болгарский проект имел такое большое значение. В нем определялись место и роль в системе международных отношений культурного сотрудничества, которое должно способствовать укреплению мира в Европе и во всем мире и имело своей целью взаимное обогащение народов и усовершенствование человеческой личности [10, с. 156]. Важное значение культурных контактов для укрепления мира определяло необходимость соблюдения установленных принципов межгосударственных отношений, в особенности, принципа суверенитета и невмешательства во внутренние дела. В проекте фиксировались основы культурного обмена и конкретные формы сотрудничества в области культуры, просвещения, информации, а также контакты между институтами, организациями и гражданами. В нем отражалась позиция социалистических государств по вопросу культурного сотрудничества.

Выдвинув проекты документов по всем четырем пунктам повестки дня, социалистические государства — инициаторы Совещания — представили свою концепцию ожидаемых от переговоров результатов.

Западные государства также предложили ряд проектов: ФРГ — об экономической кооперации, Англия — о военных аспектах разрядки, Франция — о культурном сотрудничестве. В отличие от проектов социалистических стран, представлявших собой целостную концепцию, большинство западных предложений касалось, главным образом, отдельных и частных вопросов [12].

Общеввропейское Совещание явилось следствием процесса разрядки, развития экономического сотрудничества, расширения контактов стран социализма со странами Западной Европы. Оно должно было формально закрепить на международной основе достигнутый, главным образом в двусторонних контактах, уровень разрядки. Дальнейшее развитие этих контактов способствовало успешному проведению Совещания. Внося весомый вклад в сотрудничество с капиталистическими государствами, Советский Союз и народная Польша всемерно содействовали решению этой проблемы.

Прежде всего следует отметить отношения СССР и ПНР с Францией. В 1973 и 1974 гг. состоялись советско-французские встречи на высшем уровне, в ходе которых дискутировались важные вопросы развития советско-французских контактов и укрепления мира и безопасности в Европе.

Успешно продолжали складываться и польско-французские отношения. 20 июня 1975 г. был подписан «Устав принципов дружественного сотрудничества между Польской Народной Республикой и Французской Республикой» [8, 1975, 21—22 V], в котором фиксировались принципы, определявшиеся на общеевропейском Совещании и касающиеся отношений между государствами с различным общественно-политическим строем. Обе стороны выразили свое стремление углублять процесс разрядки путем политического сотрудничества, обмена мнениями, совместных консультаций и инициатив, неустанно прилагать усилия в целях проведения в жизнь постановлений Совещания.

В ходе развития взаимоотношений Советского Союза и Польши со скандинавскими странами формировалась новая модель всестороннего сотрудничества, охватывающего экономическую, научно-техническую и культурную области, а также сферу защиты окружающей среды. Хорошие отношения со Скандинавией способствовали построению системы регионального сотрудничества в районе Балтийского моря. Новым элементом проявления многосторонних отношений стала создавшаяся по польской инициативе конференция по вопросам защиты богатств Балтийского моря. 13 сентября 1973 г. министры семи прибалтийских государств подписали Гданьскую конвенцию о рыболовстве и охране живых запасов Балтийского моря, определившую международно-правовые основы регионального хозяйствования на водах Балтики. Очередная конференция прибалтийских государств состоялась в марте 1974 г. в Хельсинки и была посвящена проблеме защиты водных пространств от загрязнений. 22 марта была подписана Хельсинская конвенция об охране морской среды Балтийского моря. Таким образом, СССР, ПНР и другие прибалтийские государства приложили немало усилий, чтобы превратить Балтийское море в зону мира.

Вместе с тем советская и польская дипломатия стремились к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества и с остальными западноевропейскими странами: Англией, Австрией, Бельгией, Италией и др., а также с США и Канадой.

Второй рабочий этап Совещания проходил в Женеве и продолжался с перерывами почти два года: с 18 сентября 1973 г. по 21 июля 1975 г. К компетенции I Комиссии относились рассмотрение комплекса проблем безопасности в Европе и подготовка основного политического документа. Обсуждение принципов международно-правовых отношений велось на основе советского проекта. Советский Союз подходил к разработке принципов с позиции равенства всех государств, с позиции мирного сосуществования и учета политических реальностей [9, с. 400]. Советский проект отражал социалистическую концепцию европейской безопасности и изложенные в нем принципы последовательно отстаивали социалистические государства на Совещании. В I Комиссии обсуждались различные интерпретации принципов отношений между европейскими государствами и в особенности принцип нерушимости границ в связи с предложенной делегацией ФРГ оговоркой о «возможном изменении границ в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности» [13, 1973, s. 738; 9, с. 401]. Такая оговорка, ослабляя значение этого принципа, открывала бы возможности для изменения status quo в Европе.

Страны социалистического содружества считали принцип нерушимости границ наиболее важным для европейской безопасности. Именно поэтому они последовательно отстаивали его и были убеждены в неприемлемости западногерманского предложения. В разгоревшихся дебатах активно участвовала польская делегация, которая ясно выразила свою точку зрения при рассмотрении вопроса о нерушимости границ в ходе основной дискуссии и при обсуждении конкретных формулировок во время редактирования [14, р. 49]. Она подчеркивала: «Если мы хотим на совещании ликвидировать одну из главных причин возникновения напряженности и недоверия, мы должны придать этому принципу (нерушимости границ. — М. Б.), который мы редактируем в настоящий момент, понятие ясное, четкое и однозначное. Одновременно формулировка принципа нерушимости границ, делающая невозможным иную его интерпретацию и понятная всем

государственным деятелям, ученым и всем людям. — это именно то, чего ждут от нас правительства и народы» [8, 1974, 15 III].

Только в конце второго этапа Сопствания была достигнута договоренность и возможность «изменения государственных границ в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности» была включена в текст принципа суверенного равенства и уважения прав суверенитета государств. Мирное изменение своих собственных границ является неотъемлемым правом каждого суверенного государства, поэтому социалистические страны согласились на такое решение вопроса. Тем самым в ходе длительных дискуссий удалось отстоять целостность обоих территориальных принципов.

Длительная дискуссия сопутствовала также согласованию проблем укрепления взаимного доверия и некоторых аспектов безопасности и разоружения. Вопрос о взаимном уведомлении о военных учениях и об обмене наблюдателями долго не мог быть урегулирован из-за попыток Запада использовать такой обмен для установления контроля над вооруженными силами социалистических стран. Важную роль здесь сыграла советская инициатива о применении принципа добровольности при осуществлении информации о крупных военных маневрах, а также польское предложение, на основе которого был решен вопрос об обмене наблюдателями на военных учениях: на двусторонней основе, в духе взаимности и доброй воли государств.

Менее спорными оказались вопросы экономического и научно-технического сотрудничества, обсуждавшиеся во II Комиссии.

Большее всего трудностей вызвало согласование вопросов III Комиссии вследствие стремления западных государств развивать сотрудничество в области культуры, просвещения, информации и личных контактов, вмешиваясь во внутренние дела социалистических государств, воздействуя на их идеологическую сферу. СССР, ПНР и другие социалистические страны исходили из принципов равенства, взаимовыгоды, духовного обогащения, а также из суверенных прав каждого государства. Они считали, что культурное сотрудничество, так же как политическое и экономическое, должно развиваться на межгосударственной основе, при соблюдении основных принципов межгосударственных отношений: равенства государств и невмешательства во внутренние дела.

Польская делегация принимала деятельное участие в работе III Комиссии, проводя принципиальную, конструктивную и гибкую политику [14, р. 56]. Польша внесла особый вклад в установление и развитие культурных отношений и в обмен информацией между Востоком и Западом, что подтверждалось статистическими данными по обмену фильмами, художественными произведениями, печатной продукцией и туристами [15]. Активный характер политики ПНР в области широко понятого культурного сотрудничества и контактов позволил Польше занять прочные позиции во время обсуждения проблем «третьей корзины» на втором этапе. Польские представители последовательно отстаивали социалистическую концепцию развития сотрудничества в этой области, их отличала большая инициативность: ПНР была автором и соавтором 14 предложений, касающихся сотрудничества в области культуры, просвещения, контактов и информации, на основе которых составлялись окончательные документы [14, р. 56]. Основная дискуссия велась вокруг польско-болгарского проекта. При этом польская сторона указывала: «Мы хотели бы, чтобы нашему знакомству с западноевропейской культурой и нашему знанию о Западной Европе соответствовало бы знание Запада о нашем обществе. Так как в сотрудничестве и культурном обмене, обмене идеями, людьми, информацией с Западом существует ярко выраженная асимметрия, мы целиком выступаем за то, чтобы европейское сотрудничество действительно основывалось на взаимном, неограниченном обмене наилучшими культурными достижениями и честной информацией на основе принципа равноправия» [8, 1973, 19 III].

Последовательная и гибкая политика Советского Союза, Польши и других социалистических государств дала положительные результаты.

В преамбуле данной части Заключительного акта была подчеркнута необходимость строить отношения, полностью соблюдая принципы, регулирующие отношения между государствами — участниками встречи, как они изложены в соответствующем документе.

Социалистические страны положительно относились к идее институционализации дела Совещания, считая его первым шагом на пути строительства общеевропейской системы коллективной безопасности. Со всей серьезностью расценивая общеевропейское Совещание, они видели необходимость как обеспечения мер по реализации его решений, так и продолжения начатого в Хельсинки процесса. Поэтому представители Советского Союза и народной Польши вместе с дипломатами других социалистических стран последовательно отстаивали проект ЧССР о создании постоянного органа по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Дополнительную трудность при согласовании документа по четвертому пункту повестки дня вызвало стремление стран — членов НАТО выработать соответствующий документ после принятия решений I, II и III Комиссиями. В результате возникла длительная дискуссия процедурного характера. Важным фактором, ускорившим завершение дебатов, явилось польское предложение об одновременном рассмотрении вопросов реализации постановлений, которые будут приняты в Хельсинки, и мер по продолжению дела Совещания.

Принятый на общеевропейской встрече документ «Дальнейшие шаги после совещания» определил меры по выполнению постановлений Заключительного акта и по продолжению начатого в Хельсинки процесса, а также необходимость периодических консультаций представителей, назначенных министрами иностранных дел, первое из которых намечалось провести в 1977 г. в Белграде.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе продолжалось почти два года, что объяснялось сложностью впервые поставленной задачи согласовать позиции столь различных 35 государств по целому комплексу европейских проблем. Вместе с тем существовали причины субъективного характера: противники разрядки, которым не удалось сорвать общеевропейские переговоры, всячески пытались затянуть их и помешать успешному их окончанию. Поэтому социалистическим странам и всей миролюбивой общественности Европы пришлось приложить немало усилий, чтобы довести до конца общеевропейскую встречу.

В апреле 1974 г. ПКК Варшавского Договора призвал к скорейшему завершению работ в Женеве. Вскоре в брссельском заявлении Международного комитета по безопасности и сотрудничеству в Европе также выразил беспокойство в связи с затягиванием женевских переговоров. В начале 1975 г. с аналогичным заявлением выступили участники Белградской парламентской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. СССР и ПНР приняли активное участие во всех этих акциях. Вместе с тем вопрос окончания переговоров усиленно обсуждался в ходе советско-польских встреч. Например, на заседании польского общественного комитета по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором приняла участие делегация Советского комитета, общественные комитеты были призваны воздействовать на правительства и парламенты, чтобы они всемерно содействовали скорейшему завершению второго этапа и увенчанию Совещания встречей на высшем уровне [13, 1974, с. 1046 А].

Понимая большое историческое значение вырабатываемых в Женеве документов, Советский Союз предложил провести заключительный этап на высшем уровне. Польша, как и другие социалистические страны, поддержала эту важную советскую инициативу. В сообщении о советско-польской встрече на высшем уровне от 20 декабря 1973 г. подчеркивалось, что «проведение заключительного этапа на высшем уровне отвечало бы интересам всех стран — участниц Совещания. Это позволит определить эффективные меры, которые содействовали бы обеспечению мирного будущего народов Европы на исторически обозримый период» [1, с. 610].

Третий этап проходил на высшем уровне в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. Все его участники, в том числе представители СССР и ПНР,

высоко оценили Совещание и его результаты. Ими был подписан Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе — «многогранная, масштабная и объемная программа» [16] мирного развития и сотрудничества стран Европы. Подписанием этого важного документа завершилось общеевропейское Совещание. Тем самым был подведен политический итог послевоенному развитию и открыт новый этап разрядки международных отношений в Европе.

Страны социалистического содружества с большим удовлетворением восприняли итоги Совещания. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в документе «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» назвали общеевропейскую встречу событием огромного международного значения и отметили ее существенное влияние на позитивное развитие международных отношений в Европе [17]. Политбюро ЦК ПОРП, Президиум правительства и Сейм ПНР дали высокую оценку результатам общеевропейских переговоров, отметив, что Заключительный акт полностью отвечает жизненным интересам Польши [8, 1975, 5 VIII].

Успешное окончание Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — это прежде всего результат последовательно проводимой согласованной внешней политики Советского Союза, Польши и других стран социалистического содружества.

В. И. Ленин, размышляя над будущим развитием международных отношений, указывал, что социализм, превращаясь из национальной силы в интернациональную, сможет оказывать «решающее влияние на всю мировую политику» [18]. В наши дни гениальное ленинское научное предвидение воплощается в реальную действительность. Примером этого и явилось развитие международных отношений, успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе благодаря конструктивной и гибкой миролюбивой политике социалистических стран в 1960-е и 70-е годы.

Советский Союз и народная Польша руководствуются в своей внешнеполитической деятельности принятыми в Хельсинки решениями, и одним из основных направлений советско-польского сотрудничества продолжает оставаться борьба за мир и безопасность в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы. М., 1974.
2. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945—1972. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1974.
3. Zbiór dokumentów. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych (PISM). Warszawa.
4. Организация Варшавского Договора 1955—1975. Документы и материалы. М., 1975.
5. Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы. М., 1970.
6. Богомолова И. Г. Координация внешнеполитической деятельности Советского Союза и Польской Народной Республики в 1956—1977 гг.— Очерки истории советско-польских отношений. М., 1979.
7. Nowe drogi, 1972, № 11, s. 63.
8. Trybuna Ludu.
9. 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность. М., 1979.
10. Международная жизнь, 1973, № 8.
11. Правда, 1973, 4—5 VII.
12. Dobrostelski M. Konferencja w sprawie bezpieczeństwa i współpracy w Europie.— In: Wybrany problemy międzynarodowe. Warszawa, 1976, s. 259.
13. Kronika PAP. Warszawa.
14. Conference on security and cooperation in Europe, a polish view. Warszawa, 1976.
15. Kultura, 1974, 3 XI.
16. Советская программа мира в действии. Материалы всесоюзной научной конференции в Баку. 23—24 декабря 1975 г. М., 1977, с. 195.
17. Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки. 30 июля — 1 августа 1975 г. М., 1975, с. 9—14.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

МИХУТИНА И. В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АНТИФАШИСТСКИЕ И АНТИВОЕННЫЕ КОНГРЕССЫ 30-Х ГОДОВ: УЧАСТИЕ В НИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Мысль о предотвращении насилия и об устройстве мира без военных конфликтов своими истоками восходит к началам гуманизма, представленным в идеологии эпохи Возрождения. К тому времени относится и появление общественного движения за мир. Благодаря гуманистической природе антивоенного движения весьма заметное место в нем на всех этапах принадлежало ученым, писателям, людям искусства, деятелям общественных организаций. Их профессиональный престиж и нравственный авторитет всегда способствовали популяризации благородных целей антивоенной борьбы в различных общественных слоях.

На протяжении XIX в. сторонники мира стали образовывать пацифистские союзы и общества сначала в национальных рамках, а затем и в международном масштабе. Но при всем многообразии идейных направлений, представленных в пацифистском движении (от консервативно-христианского, различных оттенков либерального, в том числе просветительского, так называемого правового и пр. до радикально-демократического), в нем доминировали аполитичность и утопическое стремление осуществить поставленные цели вне связи с борьбой за экономическое равенство и социальное освобождение, действовать исключительно с помощью аргументов и методов религиозного, общегуманистического и этического характера. Отсюда половинчатость конкретных результатов их деятельности¹, отсюда также изолированность пацифистских организаций от такой мощной антивоенной силы, какую стало представлять после образования в 1864 г. Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала) организованное в международном масштабе рабочее движение.

Исследователи отмечают, что факт учреждения I Интернационала стимулировал создание первых международных пацифистских организаций [1, 2]. В частности, в 1857 г. известные писатели и политические деятели революционного и демократического направлений, в том числе В. Гюго, Д. Гарibaldi, Л. Блан, М. Бакуин, Д. Милль, основали Лигу мира и свободы и приступили к подготовке общеевропейского конгресса мира, предполагая официальное участие в нем и Международного

¹ До первой мировой войны пацифистские организации, развернув соответствующую пропаганду, помогли образованию международной организации Красного Креста и разработке ею так называемой Женевской конвенции о медицинской помощи военнопленным, способствовали учреждению международного арбитражного суда и т. д., что, однако, было явно недостаточно для реализации основной цели — предотвращения войны.

Товарищества Рабочих. Однако абстрактный пацифизм Лиги, нежелание большинства ее членов искать средств предупреждения войн на путях устранения их социальных причин помешали тогда взаимодействию международного рабочего движения с пацифистским. Вскрывая ограниченность концепции пацифизма, К. Маркс писал: «Те люди, которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира». Вместе с тем он подчеркивал, что именно «объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными» [3, с. 100].

Трагедия первой мировой войны, втянув в свой водоворот десятки миллионов людей и поглотив миллионы человеческих жизней, в последующие годы выдвинула проблему защиты мира на первый план. Для многих стала очевидной недостаточность сугубо этической, абстрактно-просветительской, аполитичной позиции буржуазного пацифизма, что увеличило удельный вес радикально-демократического течения внутри сторонников мира и обусловило в дальнейшем его влияние на умеренную часть антивоенного движения. К тому же с началом общего кризиса капитализма прямое насилие и террор перестали быть атрибутами преимущественно внешней политики военного времени и все шире практиковались во внутренней жизни капиталистических стран как метод овладения властью и ее осуществления.

Фашистские диктатуры в Италии, а позже в Германии, антидемократические режимы, установленные как правило, с помощью военных переворотов на протяжении 20-х годов в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, демонстрировали именно такие свойства и методы буржуазной политики.

Все это подтверждало вывод революционного марксизма о том, что источник насилия и войн следует искать в противоречиях эксплуататорского общества, и объективно ставило в авангарде борьбы за мир оформившееся тогда коммунистическое движение. Но мысли о важности единства всех антивоенных течений, о классовой природе войн и о необходимости поэтому сочетания антивоенного движения с борьбой за социальное и политическое освобождение, против фашизма и других форм буржуазной реакции далеко не сразу овладели умами людей, способных составить армию активных сторонников мира.

Немалая роль в пропаганде такого понимания общественных задач принадлежала тем деятелям культуры, которые после раскола мира на две системы верно поняли направление общественного прогресса, вовремя почувствовали, какую разрушительную опасность во всех сферах, в том числе в социальной и духовной, представляют фашизм и другие проявления внутренней и международной реакции, и мобилизовали свою общественную активность, нравственный авторитет и художественный талант для привлечения в ряды деятельных антифашистов и борцов за мир тем многочисленным слоям, которые при других обстоятельствах остались бы в стороне от общественной борьбы.

Прогрессивная интеллигенция, деятели культуры левых убеждений стали организаторами того направления антивоенного движения, которое выступало «за союз людей физического и умственного труда», за единство всех антифашистов и демократов, противников империалистической войны. Основателями его стали известные французские писатели и общественные деятели, имевшие за собой многие годы неутомимой борьбы за мир,— Р. Роллан и А. Барбюс.

Р. Роллан, характеризую образ своих мыслей в середине 20-х годов, отмечал, что пример фашистской Италии убедил его в наличии непосредственной связи между фашизмом и войной: «К преступлениям итальянского фашизма по отношению к итальянцам,— писал он позже о том времени,— прибавилось его преступление по отношению ко всей Европе, ибо Муссолини брядал оружием...., фашизм и война — это были родные брат и сестра... Разбойник заставлял нас отрешиться от последних сомнений, сковывавших тех интеллигентов, которые занимали позицию

„над схваткой“. Кто боролся против войны, тот должен был вступить в борьбу с ее поджигателями» [4, т. 13, с. 52—53].

Но не только разгул итальянского фашизма и милитаризма побуждал к действию. Волновало — и это важно для нашей темы — положение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В большинстве из них после оказавшегося весьма кратким демократического этапа государственные системы эволюционировали от буржуазно-демократических форм к авторитарным диктатурам, сочетавшим фашистские и профашистские тенденции с элементами традиционной автократической власти старого, распространенного в этой части Европы до первой мировой войны, типа. Для них прямое насилие служило основным методом власти. Факты расправы правительств расположенных здесь стран над своими политическими противниками становились достоянием мировой общественности и вызвали возмущение и протест ее прогрессивных представителей.

Весной 1925 г. А. Барбюс поднял свой голос против ареста и заключения в тюрьму С. Ланццого, депутата-коммуниста польского сейма [5, 1925, 10 IV]. Он собирался даже совершить поездку в Польшу, чтобы там выступить в защиту арестованного, но правительство отказало ему в визе [6, с. 122].

Осенью 1925 г. А. Барбюс как вице-президент французской секции Международной организации помощи борцам революции (МОПР) в составе международной общественной комиссии по расследованию фактов террора и преследований за политическую деятельность посетил Балканы. Комиссии открылась, как писал А. Барбюс в письмах из поездки, чудовищная картина «арестов, пыток, расстрелов, разгона демонстраций, нескончаемых диких расправ правительства со всеми, кто не подчиняется существующему режиму» [6, с. 128]. В одном из этих писем А. Барбюс признавался: «Если бы я не был революционером, то, соприкоснувшись с трагическим хаосом на юге Европы, наверняка стал бы им. Думается, что только выражение „балканский ад“... передает атмосферу разнузданного полицейского режима, совершенно не контролируемого призрачными конституциями и пародиями на парламенты» [6, с. 129]. Увиденное он описал в книге «Палачи. Белый террор на Балканах»².

По возвращении А. Барбюс, как свидетельствует его многолетний секретарь А. Видаль, обратился к Р. Роллану, и вместе они предложили ряду известных деятелей образовать расширенный Международный антифашистский комитет, который стал действовать с ноября 1926 г. [6, с. 214; 8, с. 6].

Наряду с протестами против фашистского террора и выступлениями в защиту его отдельных жертв комитет начал подготовку Первого международного антифашистского конгресса, состоявшегося в Берлине 9—10 марта 1929 г. Девизом его стало «единение работников физического и умственного труда», сплочение, как писал А. Барбюс, всех «людей, чутких к голосу справедливости, разума и человечности» [9, с. 1].

Среди делегатов конгресса мы находим посланцев революционных рабочих³ (лесоруба из Югославии, румынского нефтяника, жену горняка из чехословацкого города Кладно), профсоюзных активистов, представителей радикальных крестьянских организаций и профессиональных революционеров, составлявших интеллектуальное ядро коммунистических партий: д-ра Х. Калайджиева, избранного в Народное собрание Болгарии от легальной революционной Рабочей партии, и видного деятеля Коммунистической партии Румынии д-ра Л. Патрашкану, депутата парламента от Коммунистической партии Чехословакии А. Ландову-Штыхову и представителя рабоче-крестьянского блока в польском сейме

² Русское издание [7].

³ Руководство реформистского Социалистического рабочего интернационала не поддержало вышедшую из революционных кругов идею антифашистского конгресса. Печать Социал-демократической партии Германии обрушилась с враждебными нападениями на его инициаторов, а городские власти Берлина, возглавившиеся социал-демократами, запретили проведение демонстраций солидарности с конгрессом [10, 1929, 10 III]. Из-за этого выступления многих делегатов были полемически заострены против реформизма [11, 1929, № 24, S. 520].

Г. Битнера; французских писателей-коммунистов и деятелей культуры левых убеждений из Чехословакии; бывших государственных деятелей М. Карольи и Фан Ноли, в свое время возглавлявших буржуазно-демократические правительства в Венгрии и в Албании; и либеральных интеллектуалов из Лиги защиты прав человека в Германии.

Всего на конгрессе собралось более 250 делегатов из большинства европейских стран и США. По данным пресс-информации Коммунистического Интернационала в конгрессе участвовало 70 представителей из Германии, 34 — Франции, 12 — Англии, 19 — Италии, 11 — Австрии, 7 — Испании, 14 — Норвегии, 9 — Швейцарии, 3 — Швеции, 5 — Дании⁴ [11, 1929, № 24, S. 519].

Делегации большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где революционные организации, а также демократические деятели подвергались преследованиям, были численно невелики. Из Польши прибыло шесть человек, из Болгарии — четыре, по три делегата было от Венгрии и Югославии [11, 1929, № 24, S. 519]. Поскольку свободный выезд революционных и вообще прогрессивных деятелей из этих стран был затруднен, некоторую часть их делегаций составляли лица, попавшие за границу с другими целями (получение высшего образования, научная работа), а также эмигранты, покинувшие родину из-за правительственных репрессий⁵. Некоторые, выехав нелегально, из соображений конспирации выступали на конгрессе инкогнито или под псевдонимами.

Только чехословацкая делегация включала 20 человек: представителей промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, функционеров профсоюзных и молодежных организаций, а также значительную группу интеллектуалов. В ее составе был один из инициаторов данного конгресса, избранный на нем в международный антифашистский комитет, известный чехословацкий ученый, историк, музыковед и искусствовед профессор З. Неедлы [11, 1929, № 24, S. 519; 14, S. 382].

Сейчас достаточно хорошо известно, что авторитарные режимы, формировавшиеся в 20-е годы в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, опираясь на своеобразную, отмеченную печатью отсталости социально-экономическую основу, во многих существенных чертах отличались от собственно фашистских диктатур в Италии и позже в Германии. Фашизм тем и выделялся среди других форм реакции, что с самого начала стремился политически активизировать и объединить на своей идейно-политической платформе большинство населения, включая эксплуатируемые «низы» буржуазного общества. Это дало ему возможность после прихода к власти с помощью различного рода массовых фашистских организаций, пронизывавших все общество, создать качественно новый аппарат принуждения. Реакция же в странах Центральной и Юго-Восточной Европы была направлена на подавление политической активности масс, получившей мощный импульс во времена послевоенного революционного подъема. Характерно, что в документах международного коммунистического движения, содержавших анализ последовавшей затем в капиталистическом мире антидемократической эволюции, отмечались узость и зачастую архаичность социальных сил, двигавших этот процесс в рассматриваемых странах [15, с. 207—208]. Замкнутые монархические, офицерские и прочие группировки овладевали властью и затем диктаторски осуществляли ее, опираясь на традиционные, изолированные от общества и как бы противостоящие ему органы насилия (армию, полицию, карательные институты), что, по существу, означало стремление к реставрации сложившейся здесь в прошлом социально-политической модели, рассчитанной на пассивное повиновение и индифферентность политически и профессионально неорганизованного большинства общества

⁴ Делегации СССР и Бельгии не смогли прибыть к открытию конгресса из-за несвоевременного оформления германским правительством въездных виз. Это вызвало возмущение участников конгресса [12, 1929, 10 III].

⁵ Например, от Болгарии помимо четырех делегатов, приехавших из страны, в работе конгресса участвовали еще два политэмигранта, постоянно проживавших в Югославии и в Германии, и один студент, обучавшийся за границей [13, с. 205].

и прежде всего его трудовых слоев. Такой тип диктатуры при всем произволе и жестокости ее карательных мер не ликвидировал перспективы приобщения трудящихся масс к политике вне сферы воздействия реакционного государства.

Однако по извращенности содержания зачастую не отмененных демократических институтов, по масштабам нарушения гражданских прав и свобод, широте практики политического террора реакционные режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе не уступали фашизму. Поэтому положение в данном регионе приковало к себе внимание собравшихся в Берлине антифашистов. В знак солидарности с теми, кто вел активную борьбу против произвола и поплатился за это свободой, конгресс избрал в свой почетный президиум узников фашизма и реакции, в том числе болгарских коммунистов Т. Костова, Й. Панова, Й. Милева, видного деятеля Коммунистической партии Румынии Б. Стефанова, представителей прогрессивной румынской интеллигенции М. Г. Бужора и А. Добрджану-Геря, члена руководства Коммунистической партии Венгрии М. Ракоши, революционных борцов из Польши и Югославии [12, 1929, 10 III]. Правительствам ряда рассматриваемых стран от имени конгресса были направлены телеграммы протеста против чинимого ими белого террора [16].

Поскольку по двум из четырех вопросов, вынесенных на обсуждение (фашистский террор и преследования национальных меньшинств; положение рабочих, крестьян и интеллигенции в фашистских странах и положение профсоюзов), предусматривались доклады от каждой делегации, драматическая ситуация во внутренней жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы стала достоянием широкой общественности.

Г. Битнер и другие польские делегаты подчеркивали, что террористическое острие режима Ю. Пилсудского обращено прежде всего против национальных меньшинств и что национальный вопрос в Польше теснейшим образом связан с социальным: стремление правительства привлечь на свою сторону имущие классы национальных меньшинств сочетается с беспощадным подавлением революционных рабочих и крестьянских организаций, с уничтожением национальной школы печати, аннулированием гражданских свобод [10, 1929, 12 III; 11, 1929, № 24, 519, 523].

Болгарский делегат Стоянов (под этим именем выступал И. Андреев [17, с. 133]) напомнил о масштабах белого террора, сопровождавшего переворот 1923 г. в Болгарии: 20 тыс. рабочих и крестьян — противников режима убиты; десятки тысяч заточены в тюрьмы. С тех пор 1200 человек находятся в заключении по политическим мотивам и 2 тыс. — в эмиграции [10, 1929, 12 III; 11, 1929, № 24, S. 521]. Х. Калайджиев, главный редактор газеты болгарской Рабочей партии «Работническое дело» говорил о том, что господствующий в стране режим не в силах справиться с расстроеным хозяйством и держится на неприкрытом насилии: трудящиеся лишены восьмичасового рабочего дня, защиты социальных прав и страхования по безработице, их профессиональные союзы подвергаются репрессиям. Тем не менее болгарское правительство не создало еще подчиненных себе профессиональных организаций по фашистскому образцу [11, 1929, № 24, S. 522]. В Болгарии, подчеркивал оратор, есть все предпосылки для создания массового антифашистского фронта. Выступив на митинге берлинских трудящихся, организованном в знак солидарности с конгрессом, он призвал немецкий пролетариат бороться за амнистию политзаключенных в Болгарии [12, 1929, 12 III].

Неизгладимое впечатление на делегатов, как отмечала печать, произвела речь бывшего премьера буржуазно-демократического правительства Албании Фан Ноли. История балканских стран, сказал он, это история насилия, убийств и истребления трудящихся масс и национальных меньшинств. Во всех этих странах применяются кровавые методы военной диктатуры. 40—50% бюджета правительства расходуют на аппарат принуждения. Более половины населения Балкан, по словам Фан Ноли, составляют национальные меньшинства. Для них нет свободы и права на образование, нет национальных школ и печати. Он подчеркнул, что империалистические державы, в первую очередь Великобритания, поддер-

живают реакционные балканские диктатуры [10, 1929, 12 III; 11, 1929, № 24, S. 521].

Хортистский режим в Венгрии, отметил в своем выступлении М. Карольи, опирается на полуфеодалыные слои населения и на их традиции, поддерживает тесные связи с итальянским фашизмом. Он вскрыл преступность милитаристских целей обоих правительств, стремившихся к войне под лозунгами отмены несправедливых условий мирных договоров. Девиз фашизма — война. Предотвратить ее, — подчеркивал М. Карольи, — может только массовая борьба против империализма. Но вместе с тем он высказался в пользу буржуазно-пацифистской идеи пан-Европы [10, 1929, 12 III; 12, 1929, 12 III].

Из выступления члена руководства Румынской компартии, ученого-юриста и публициста Л. Патрашкану следовало, что, хотя в Румынии конституционный строй еще не был нарушен переворотом, и здесь налицо были признаки антидемократической эволюции: румынская олигархия разрушает все рабочие и крестьянские организации, терроризирует Коммунистическую партию, революционные профсоюзы, преследует радикальную интеллигенцию, угнетает национальные меньшинства. Оратор напомнил, что при подавлении восстания в Татарбунаре в 1924 г. по официальным данным только за одну ночь были убиты 2 тыс. рабочих [11, 1929, № 24, S. 521; 5, 1929, 13 III].

З. Неедлы в своей речи обратил внимание на общественно-политическую роль интеллигенции. Он осудил ту часть ее, которая оказалась в лагере реакции, и подчеркнул, что антифашистская борьба — это дело не только рабочего класса и крестьянства, но и людей умственного труда [11, 1929, № 24, S. 523].

Берлинский конгресс стал первой международной антифашистской акцией по организации масс и вместе с тем положил начало столь необходимому сближению и соединению антивоенных течений с антифашистскими силами. В нем участвовали представители Международной ассоциации бывших фронтовиков, а также пацифистские группы из некоторых стран. Доклад А. Барбюса «Фашизм, империализм и военная опасность» стоял первым в повестке дня. А в своей заключительной речи он сказал: «Фашизм — это возросшая империалистическая деятельность, стремление к завоеванию новых колоний и сфер влияния. Фашизм — это доведенное до крайности военное вооружение, милитаризация всей экономики, вовлечение в военную службу всего населения... Фашизм — это искусственное воспитание самых низменных инстинктов, ложного патриотизма, развязывание шовинизма...» [18, с. 75].

Не менее важно, что подготовка к конгрессу стимулировала антифашистское и антивоенное движение на местах. Так, в ответ на призыв А. Барбюса в январе 1929 г. был создан Центральный антифашистский комитет Чехословакии. Во главе его стали известный литературный критик и общественный деятель Ф. К. Шальда и З. Неедлы. В него входили также левые писатели, деятели науки, преподаватели высших учебных заведений. Комитет организовал во многих городах, в промышленных центрах и на отдельных предприятиях собрания, знакомя общественность со своими целями и с работой Берлинского конгресса. В газете чехословацких коммунистов «Руде право» систематически помещалась информация о деятельности Центрального и местных антифашистских комитетов, о митингах и собраниях трудящихся, приветствовавших конгресс в Берлине, принимавших антифашистские и антивоенные резолюции и направлявших телеграммы протеста против террора в соседних странах, а также призывы к правительству Чехословацкой республики оказывать помощь и предоставлять убежище эмигрантам-антифашистам [19, 1929, 21, 22 II, 9, 12 III, 29 IV].

С инициативой движения в поддержку Берлинского конгресса выступила БКП [13, с. 202—203]. Печать сообщала, что антифашистские комитеты с участием представителей легальной Рабочей партии, революционных профсоюзов, а также организации пролетарских писателей стали создаваться во всех крупных городах Болгарии [10, 1929 10 III].

В начале 30-х годов в связи с мировым экономическим кризисом, подорвавшим относительную стабильность капитализма, военные тучи стали сгущаться, предвещая глобальный конфликт. После вторжения Японии в Манчжурию в 1931 г. война на Дальнем Востоке стала реальностью, возникла опасность нападения Японии на СССР. В Германии к власти рвались нацисты, вдохновляя своих приверженцев перспективой перекроя европейских границ и ликвидации таким путем несправедливостей Версальского мира.

Чтобы притушить острие военной опасности, Советский Союз представил в феврале 1932 г. на рассмотрение конференции по сокращению и ограничению вооружений проект всеобщего и полного разоружения. Западные державы, утопив его в море дискуссий, в декабре того же года признали за Германией равенство прав в области вооружений [20, с. 138].

Прогрессивная и миролюбивая общественность не ошибалась, полагая, что генеральной целью милитаристских устремлений империализма является разрешение собственных противоречий за счет Советского Союза. Вопрос о росте военной опасности и вытекавших из этого задачах обсуждался на XI пленуме ИККИ в 1931 г. «Увеличивается, — говорилось в его резолюции, — опасность военных конфликтов между империалистическими державами. Но рост противоречий интересов империалистов не ослабляет, а, наоборот, обостряет опасность интервенционистской войны против СССР» [21, с. 240].

На возможность антисоветской войны обращал внимание на своем заседании в мае 1932 г. и Исполком Социалистического рабочего интернационала [22]. Социал-демократические партии вели кампанию по сбору подписей под петицией о разоружении. Но в то же время лидеры реформизма предупреждали рабочих против сотрудничества с коммунистами, объявляя идею единого фронта «большевистским маневром».

Революционное и реформистское течения международного рабочего движения продолжали взаимную полемику, в основе которой лежало различное понимание путей развития классовой борьбы.

В такой обстановке весьма своевременной оказалась инициатива А. Барбюса и Р. Роллана о проведении международного антивоенного конгресса⁶. Вместе с А. М. Горьким они обратились к известным деятелям культуры и науки на разных континентах с предложением образовать инициативный комитет.

«Мы созываем, — писал Р. Роллан вскоре после их совместного обращения, — все партии, к какой бы точке социального горизонта они ни относились: социалистов, коммунистов, синдикалистов, анархистов, радикалов всех оттенков, свободомыслящих и христиан, беспартийных, все пацифистские ассоциации и объединения..., всех тех, ...кто твердо решил всеми средствами воспрепятствовать войне» [4, с. 285].

Международный инициативный комитет согласился поддержать ученых-физиков А. Эйнштейн, П. Лауэвен, известные писатели Э. Синклер, Т. Драйзер, Д. Дос-Пассос, Г. Мани и М. Андерсен-Нексе, один из лидеров национально-освободительного движения в Латинской Америке генерал А. Сандино, видный деятель коммунистического движения в Японии Сен Катаяма и многие другие. Центральную и Юго-Восточную Европу в Инициативном комитете представляли М. Карольи (Венгрия), а также публицисты, деятели Коммунистической партии Румынии А. Добрджану-Геря и К. Г. Коста-Фору [6, с. 231].

План созыва конгресса получил поддержку коммунистического движения. Лидеры же социалистического интернационала, несмотря на разъяснения инициативного комитета, что целью последнего является «использовать против войны рабочие организации и видных деятелей..., сохраняя за всеми полную независимость» [4, с. 295], отклонили приглашение под

⁶ 19 апреля 1932 г. А. Барбюс направил Р. Роллану «Проект воззвания» о созыве антивоенного конгресса. Роллан поддержал эту идею, и 27 мая 1932 г. «L'Humanité», а затем и газеты других направлений во многих странах опубликовали обращение двух французских писателей о проведении всемирного антивоенного конгресса [8, с. 13].

предложением несогласия с принятым принципом надпартийности и индивидуального участия в конгрессе и дали соответствующие инструкции реформистским партиям и профсоюзам [8, с. 17—18].

Деятельность Международного инициативного комитета встретила живой отклик в рабочих организациях, среди крестьян и прогрессивной интеллигенции стран Центральной и Юго-Восточной Европы. 25 июня 1932 г. в печати появилось обращение 97 известных мастеров культуры и общественных деятелей Чехословакии «ко всем, кто хочет бороться против войны». В нем одобрялась идея международного антивоенного конгресса всех сторонников мира без различия партийной или профессиональной принадлежности и объявлялось об образовании чехословацкого инициативного комитета. Воззвание подписали известные чешские и словацкие писатели и литературные деятели: В. Клементис, С. К. Нейман, Г. Малиржова, Ф. Крейчи, М. Пуйманова, Ф. К. Шальда, профессор З. Неудлы, художник А. Гофмейстер, архитектор Ю. Крейчар, деятели Коммунистической партии Б. Шмераль и Л. Новомеский и многие другие [12, 1932, 25 VI]. В течение ближайших месяцев после этого в Чехословакии пирилась антивоенная пропаганда. Местные антивоенные конференции, организованные по всей стране несмотря на противодействие правых политических кругов (владельцы предприятий и правые лидеры реформистских профсоюзов грозили активистам антивоенных комитетов увольнением) [11, 1932, № 69, S. 2219], выдвинули своих представителей на конгресс и развернули сбор средств для их отправки. Благодаря такой активизации движения сторонников мира чехословацкая делегация на конгрессе была одной из самых крупных — 55 членов, в том числе 32 рабочих, 4 земледельца, 19 работников умственного труда [23].

В странах, где господствовали антидемократические режимы, открыто пресекавшие общественную и политическую деятельность вне рамок реакционного государства, еще сложнее было развернуть пропаганду в пользу антивоенного конгресса, собрать необходимые материальные средства и получить выездные визы для делегатов. Один из польских делегатов, например, рассказал конгрессу, что за создание антивоенного комитета на металлургическом заводе в Верхней Силезии (гута Бисмарк) он и его коллеги были уволены с работы. А его товарищ по делегации — студент в течение нескольких недель питался одним хлебом, чтобы сэкономить средства для поездки на конгресс [11, 1932, № 76, S. 2445].

Но тем красноречивее были факты антивоенной деятельности в таких условиях, тем весомее, превращаясь в акты гражданского мужества, звучал здесь голос передовых деятелей науки, искусства и литературы, выступавших с призывом к объединению сторонников мира, против реакционной внутренней и внешней политики своих правительств, против военных замыслов мирового империализма, и тем внимательнее прислушивалась общественность этих стран, лишенная права свободного волеизъявления, к голосу своей интеллигенции. Пусть из Польши удалось прибыть на конгресс только восьми делегатам, из Югославии — четырем, стольким же — из Румынии, Грецию представляли три делегата, а Болгарию — один — писатель-революционер К. Белев [11, 1932, № 73, S. 2352], незадолго до того вырвавшийся из тюрьмы; делегат, представлявший Венгрию, был арестован по пути следования на конгресс на германо-нидерландской границе [10, 1932, 1 IX]. Значительно полнее, чем численный состав делегаций этих стран передают степень заинтересованности их общественности проблемой предупреждения войны факты активной подготовки к конгрессу на местах. Так, в Польше выборы делегатов состоялись во всех крупных городах, в промышленных центрах и даже в сельской местности, что позволило 17 июня 1932 г. нелегально провести общегосударственную конференцию сторонников мира. С призывом поддержать антивоенный конгресс выступила группа польских писателей, деятелей искусства и науки. Под обращением варшавской интеллигенции стояла и подпись сенатора С. Богушевского, снискавшего себе авторитет тем, что, порвав с правящей группировкой, он использовал трибуну парламента для разоблачения бесправия и террора, чинимых

«санацией». Свой антивоенный комитет создали также студенты варшавских вузов [11, 1932, № 67, S. 2161; 10, 1932, 25, 26 VIII].

С мужественным обращением против подготовки под предлогом «защиты» западной цивилизации антисоветской империалистической войны выступили известные румынские интеллектуалы — университетские профессора И. Кристия, П. КонстантINESКУ-Яшь, Р. Чернатеску, И. Христеску, Дарабан, врачи Поповичи-Луца, В. Ангелеску, С. Синкулеску, писатели и деятели искусства Д. Артарену, Г. Актериан, Н. Д. Коча, М. Стефанеску, Р. Боуряну, С. Александреску, адвокаты Д. Ботез, Р. Олтяну, С. Калин, В. Мургур [11, 1932, № 66, S. 2193]. По инициативе революционных организаций был создан комитет борьбы с империалистической войной, который начал издавать информационный бюллетень и приступил к созданию своих организаций на местах [24, с. 163]. Однако в феврале 1933 г. его деятельность была запрещена властями [25, с. 32].

В Югославии, где, как рассказал один из прибывших оттуда делегатов, антивоенная и антиимпериалистическая деятельность жестоко каралась, вплоть до смертной казни, причем зачастую людей пытали до смерти уже в следственной тюрьме [26, 1932, 29 VIII], все-таки многие видные деятели, в том числе известный не только в своей стране скульптор А. Аугустинчич, поэты О. Жупанчич, Д. Максимович, писатели и публицисты Б. Аджия, С. Галогажя, А. Цесарец, а также студенческая молодежь солидаризировались с антивоенным движением, послав приветствия в адрес международного подготовительного комитета [6, с. 253; 27, 1932, № 26, с. 12; 28, с. 46].

В Болгарии с инициативой создания общегражданского комитета для подготовки к международному антивоенному конгрессу выступил Союз трудовых борцов-писателей [18, с. 449—450]. Вскоре комитет объединил представителей более 50-ти различных организаций — от Рабочей партии и революционных профсоюзов до левого крыла крестьянского Болгарского земледельческого народного союза и левых национальных организаций [13, с. 265].

В этом движении принял деятельное участие Л. Стоянов — одна из самых крупных фигур болгарской литературы, в чьем творчестве, как и у А. Барбюса, давно звучала антивоенная тема. Он председательствовал на первом антивоенном собрании общественности Софии, вошел в Центральный антивоенный комитет, выезжал на периферию и под видом лекций по литературе, ибо власти преследовали антивоенную пропаганду, организовывал там собрания противников войны, а также редактировал многие антивоенные периодические издания [29, с. 27; 30, с. 21, 159].

Конгресс состоялся 27—29 августа 1932 г. в Амстердаме. Он представлял более 30 млн сторонников мира различной социальной и политической принадлежности из 29 стран. Делегация СССР во главе с А. М. Горьким не смогла присутствовать из-за отказа правительства Нидерландов выдать ей въездные визы.

По данным мандатной комиссии наряду с делегатами от рабочих партий (830 коммунистов, 291 социал-демократ, поддерживавшие начание вопреки решениям Социалистического рабочего интернационала, и 24 представителя социалистических рабочих партий, не входивших в эту международную организацию) в нем участвовали 35 представителей от национально-революционных партий, 10 — от «различных других», т. е. буржуазных партий и 1115 беспартийных. Из 2195 делегатов было 1865 рабочих, 72 представителя крестьянства, 249 работников умственного труда [11, 1932, № 72, S. 2316] ⁷. Среди них писатели, ученые, деятели искусства, политики, чье профессиональное творчество и общественная деятельность снискали им международную известность. В президиум были избраны А. Барбюс, Р. Роллан, М. Горький, М. Кашен, деятельница французского пацифистского движения мадам Дюшен, К. Цеткин, Г. Манн и немецкие пацифисты бывший генерал-майор П. Шёнах и Е. Стокер, американские писатели Т. Драйзер, Д. Дос-Пассос и профес-

⁷ В «L'Humanité» вместо последней приводится цифра 258 [5, 1932, 30 VIII].

сор Гарвардского университета Дана, М. А. Нексе и Сен Катаяма, один из лидеров партии Индийский национальный конгресс Патель, проф. З. Неедлы из Чехословакии и проф. Д. Влахов, представлявший национально-освободительную Внутреннюю македонскую революционную организацию (объединенную)⁸ [11, 1932, № 72, S. 2310; 32, 1932, № 34, p. 828].

Состав делегатов Амстердамского конгресса — а в нем приняли участие известные деятели пацифизма и целые группы пацифистских и других, ранее подчеркивавших свою аполитичность организаций — показал, что взгляды революционного течения на проблему защиты мира оказывали все большее влияние на другие направления антивоенного движения. Об этом же свидетельствовало и содержание работы конгресса. Там были высказаны различные точки зрения на суть противоречий, являющихся источником войны, на методы и тактику борьбы за мир. Делегат из Индии, бывший председатель партии Индийский национальный конгресс Патель говорил о действенности гандизма, писательница из Дании К. Михаэлис предлагала в качестве антивоенной меры организовать в единую ассоциацию всех, кто отказывается нести военную службу [10, 1932, 29 VIII]. А. Эйнштейн в своем приветствии участникам конгресса подчеркивал нравственные аспекты и призывал к тому, «чтобы над грубым насилием и безграничной жаждой наживы восторжествовало, наконец, право на мирное разрешение конфликтов» [11, 1932, № 72, S. 2312].

Но доминировало мнение о классовой природе войн, вытекавшей из противоречий эксплуататорского общества. Принятый подавляющим большинством голосов манифест призывал посвятить все силы и средства, «выступая против вооружений, против подготовки войны и тем самым, — как говорилось в тексте, — против наших собственных империалистических правительств» [10, 1932, 15 IX].

Вместе с тем отчетливо звучали общегуманистические мотивы и аргументы. «Сила и достоинство /конгресса/, — говорил в заключительном слове его председатель А. Барбюс, — в том, что он, избежав ужасной западной официального пацифизма..., свел вопрос о войне на землю, рассматривая его как вопрос о людях, истекающих кровью» [6, с. 254].

Все эти мотивы переплетались в выступлениях делегатов из Центральной и Юго-Восточной Европы. С особой силой они подчеркивали террористический и антигуманный характер господствовавших в большинстве стран этого региона режимов и связь между практикуемыми ими антидемократическими методами власти и реакционными целями внешней политики. Представительница Польши Яновская (или Яворская), д-р Кассман (или Кессман) из Югославии, болгарский писатель-антифашист К. Белев, делегат из Бессарабии, чье имя не было названо, рассказали, что правительства их стран, руководствуясь антисоветскими целями, проводят политику милитаризации и в то же время жестоко преследуют антивоенное движение. Но и в этих трудных условиях, отмечали ораторы, их народы проявляют волю в борьбе против новой империалистической войны [10, 1932, 29, 30 VIII; 11, 1932, № 72, S. 2314—2315; 13, с. 265]. Д-р Б. Шмераль — видный теоретик, один из лидеров Коммунистической партии Чехословакии посвятил свою речь насущной проблеме единства рабочих-коммунистов и социал-демократов в антивоенной борьбе [11, 1932, № 72, S. 2316].

Как и антифашистский форум в Берлине, конгресс возвысил свой голос против реакции и произвола в рассматриваемой части Европы. Он направил протест правительству Хорти против смертного приговора, вынесенного рабочим-коммунистам за революционную деятельность [11, 1932, № 73, S. 2337], выразил солидарность с народом Польши, ведущим мужественную борьбу против социального и национального гнета [11, 1932, № 72, S. 2316], принял резолюции протеста против белого террора на Балканах [11, 1932, № 72, S. 2316]. В дни работы конгресса была принята также декларация особого совещания делегатов Чехословакии,

⁸ Более подробно об этой организации см. [31, с. 813].

Румынии, Югославии и Венгрии по вопросу о военной опасности [11, 1932, № 76, S. 2444—2445].

В то время было уже очевидно, что империалистическая реакция попытается разрешить собственные противоречия за счет Советского Союза. Но Германия еще не выдвинулась в качестве ударной силы такой политики. Поэтому на конгрессе особо подчеркивалось, что большая опасность для дела мира представляет антисоветизм правительств стран Центральной и Юго-Восточной Европы, способный превратить их в инструмент империалистической реакции. «Мы призываем трудящихся Юго-Восточной Европы, — говорилось в декларации упомянутого совещания, — не направлять оружия против Советского Союза..., политике натравливания народов друг на друга мы противопоставляем пример федерации народов СССР. Мир достигим путем социального освобождения» [11, 1932, № 76, S. 2445].

Работе конгресса, сопутствовали антивоенные конференции отдельных профессиональных, социальных и др. групп (рабочих военных предприятий, врачей, транспортников, бывших фронтовиков, женщин, молодежи), что конкретизировало направления деятельности борцов за мир и способствовало вовлечению в нее новых общественных слоев.

Амстердамский конгресс помог организационному оформлению антивоенных сил во Всемирную организацию борьбы против империалистической войны. На нем были созданы руководящие органы движения: Постоянный международный комитет борьбы против империалистической войны и Интернациональное бюро. Среди 141 члена комитета, возглавлявшегося А. Барбюсом, Р. Ролланом, П. Ланжевенном, и включавшего известных всему миру деятелей культуры: А. Эйпштейна, Г. Манна, М. Горького, Б. Рассела, Т. Драйзера, Д. Дос-Пассоса, Э. Синклера, М. А. Нерсе, В. Инклян, мы находим пять представителей Польши, в том числе, как его называли, «красного сенатора» С. Богушевского; из Чехословакии — профессора З. Неедлы, архитектора Ю. Крейчара, д-ра Б. Шмерала, посланцев революционных и реформистских профсоюзов, крестьянских и национально-революционных организаций — всего одиннадцать членов; М. Карольи — из Венгрии; румынских революционных деятелей и публицистов А. Добрджану-Геря и К. Г. Коста Фору. Фамилии двух членов комитета от Болгарии, одного — от Греции, как и одного представителя от Румынии, не были оглашены, по-видимому, из соображений конспирации. В состав комитета входили также два делегата от Югославии (в том числе д-р Кессман); проф. Д. Влахов представлял Внутреннюю македонскую революционную организацию (объединенную) [11, 1932, № 78, S. 2501].

Амстердамское движение, основанное известными деятелями культуры, было одной из первых организаций, где стало осуществляться столь назревшее в те годы сотрудничество коммунистов с социалистами, примкнувшими к движению вопреки противодействию официального руководства социал-демократии.

Новая стадия движения против фашизма и войны наступила в связи с установлением нацистской диктатуры в Германии. Гитлеровский террор служил разрушению не только всех организаций рабочего класса — революционных и реформистских, он был обращен против любых проявлений политического и общественного демократизма, терпимости, прогрессивных и гуманистических воззрений в интеллектуальной сфере. Наряду с функционерами коммунистической, социал-демократической партий Германии и профсоюзов первыми узниками нацизма стали революционный писатель Л. Ренн, левый журналист из Чехословакии Э. Э. Кипш, большая группа преподавателей, деятелей искусства и литературы, связанная с запрещенными гитлеровцами пацифистскими организациями, в том числе беспартийный публицист К. Оссецкий, П. Шёнах и многие другие. В немецких университетах запылали костры из книг.

Наступление фашизма и кровавые злодеяния нацистов всколыхнули во многих странах волну антифашистских действий, включавших все новые общественные слои. Проблема единого фронта против фашизма и войны

заняла центральное место в рабочем движении. Социалистический рабочий интернационал в своем обращении «К трудящимся всего мира» от 19 февраля 1933 г. признавал необходимость сочетания борьбы против фашизма с борьбой против опасности новой войны и заявил о согласии вести об этом переговоры с Коммунистическим Интернационалом [33, 1933, 22 II]. Исполком Коминтерна в обращении от 5 марта 1933 г. призвал все коммунистические партии «сделать еще одну попытку установления единого фронта с социал-демократическими рабочими массами при посредстве социал-демократических партий» [10, 1933, 5 III].

В это время Амстердамский комитет, исходя из того, что между Коммунистическим и социалистическим интернационалами нет расхождений в оценке фашизма и в осуждении его стремления к войне, в своих воззваниях, принадлежавших перу А. Барбюса, также призывал к единству коммунистов и социалистов [8, с. 39].

Но и на этот раз враждебность реформистов к революционному движению оказалась сильнее общих задач борьбы пролетариата. Руководство Социалистического интернационала запретило прямые контакты социал-демократических партий с соответствующими секциями Коминтерна до соглашения между двумя интернационалами [34].

Мысль о международном антифашистском конгрессе родилась среди немецких коммунистов [35]. С инициативой его проведения выступили в феврале 1933 г. революционные профсоюзы Германии, Италии и Польши, призвав к участию все производственные и местные организации, в его подготовку энергично включилась левая интеллигенция Чехословакии. Э. Э. Киш, которого как гражданина Чехословакии нацисты после ареста вынуждены были выпустить из тюрьмы⁹, возглавил национальный подготовительный комитет. За проведение конгресса высказались такие известные интеллектуалы, как К. Библ, Я. Доланский, Ф. Галас, В. Каплицкий, Г. Малиржова, З. Неядлы, С. К. Нейман, Л. Новомеский, И. Ольбрахт, Б. Шмераль, Ф. К. Шальда, И. Секанина, Л. Штолл и многие другие. В опубликованном ими в начале апреля 1933 г. специальном обращении говорилось, что защитить культуру от фашистского варварства может только организованное рабочее движение при поддержке других трудящихся слоев. «Поэтому в едином выступлении всего рабочего класса без различия партийной принадлежности мы видим самое действенное средство в борьбе против фашизма и поэтому хотим поддержать это единство всеми силами» [39, 1933, № 14, с. 209]. Широкое участие интеллигенции и некоторых ее творческих организаций показало, что подготовка антифашистского конгресса в Чехословакии переросла границы акции, проводимой преимущественно компартией и красными профсоюзами, и превращалась в кампанию широкого антифашистского фронта. В ходе ее была избрана делегация, насчитывавшая 47 членов. Группа столичных деятелей науки и культуры предпринимала меры, чтобы конгресс состоялся именно в Праге, но городские власти и правительство не дали на это разрешения [38, с. 147]. Местом его проведения стал Париж.

Подготовительные комитеты действовали также в Польше, Румынии, Болгарии, Югославии, Греции. В ряде случаев, несмотря на противодействие властей, им удавалось придать подготовке к конгрессу довольно массовый характер. Митинги в поддержку его созыва, собрания, на которых избирались делегаты, сбор денежных средств для их отправки были организованы во всех крупных городах и промышленных центрах Польши. Приняли решение поддержать конгресс 120 тыс. лодзинских текстильщиков, проводивших в марте 1933 г. всеобщую забастовку [31, 1933, № 18, р. 400]. 28 мая в Варшаве состоялась общепольская антифашистская конференция с участием представителей столицы, а также Кракова, Люблина, Домбровского бассейна и Верхней Силезии [40, с. 29—30]. Было избрано 380 делегатов, в том числе лодзинский текстильщик, депутат сейма от

⁹ По возвращении он опубликовал брошюру «Пленник Гитлера» — одно из первых свидетельств жестокости нацистского террора [38, с. 136].

революционного рабоче-крестьянского блока Х. Розенберг, сенатор С. Богушевский, известный социолог и историк культуры проф. С. Чарновский. Однако прибыть в Париж удалось лишь незначительной части избранных делегатов (по одним данным — десяти [41, с. 494], по другим — семи представителям [36, 1933, № 13, с. 16]). Не получил заграничного паспорта и сенатор С. Богушевский, о чем сообщил на конгрессе один из членов польской делегации [5, 1933, 7 VI].

Подобным образом из многочисленных делегатов, выдвинутых антифашистскими организациями Румынии, на конгресс удалось прибыть только проф. П. Константинуеску-Яшь. В Париже к нему присоединились представители румынской эмиграции и румынских студентов, обучавшихся во Франции [25, с. 29].

Югославское правительство помешало выезду в Париж хорватских делегатов и представителей сельскохозяйственных рабочих Словении [5, 1933, 5 VI]. Малочисленны были также делегации Болгарии, Греции. По данным мандатной комиссии конгресса все балканские страны были представлены девятью делегатами [5, 1933, 9 VI]¹⁰.

В почетный президиум Европейского антифашистского конгресса, заседавшего 4—6 июня в парижском зале Плейель, были названы имена М. Горького, Р. Роллана, А. Барбюса, а также революционных и демократических деятелей, принявших на себя самые жестокие удары реакции и фашизма: А. Грамши — одного из основателей Компартии Италии, крупного ученого-марксиста, заточенного Муссолини в фашистскую тюрьму, схваченного нацистами вождя германского пролетариата Э. Тельмана, известного деятеля болгарского и международного рабочего движения, теоретика-марксиста Г. Димитрова, которого нацистские погромщики пытались сделать объектом чудовищной антикоммунистической провокации, а также Б. Тарашкевича — белорусского ученого-просветителя, депутата польского Сейма от Западной Белоруссии, осужденного «санационным» судом за революционную, национально-освободительную деятельность [5, 1933, 5 VI].

87% делегатов конгресса составляли рабочие, но немалое значение имело участие в нем известных деятелей культуры, что поднимало авторитет антифашистского движения среди демократической интеллигенции и средних слоев.

В руководившее работой конгресса Бюро наряду с антифашистами различных политических убеждений и разнообразного социального статуса из Западной Европы — М. Кашеном, одним из лидеров Французской компартии, Ж. Ракамон, руководителем Унитарной всеобщей конфедерации труда Франции, профессором Сорбонны М. Пренаном, заместителем председателя Компартии Германии В. Флорином (выступал под псевдонимом Мюллер) и представителями социал-демократической партии Германии, английских лейбористов, итальянских анархистов, республиканской партии и т. д. — вошли и посланцы стран Центральной и Юго-Восточной Европы: от Польши — Х. Розенберг и функционер профсоюза горняков Стельмах; от Чехословакии — секретарь одной из конфедераций профсоюзов (его имя не было названо в опубликованных документах), горняк из Карвинского бассейна Михальский и работница химического предприятия из Праги Клабанова; Болгарию и Югославию представляли рабоче-революционеры соответственно Петров и Матиевич, Румынию — проф. П. Константинуеску-Яшь [5, 1933, 5 VI].

Открывая первое заседание, Ж. Ракамон специально отметил присутствие вместе с посланцами революционных профсоюзов и революционных партий представителей многочисленных организаций единого фронта: антивоенных комитетов и обществ друзей СССР, ассоциации бывших фронтовиков, антиимпериалистической лиги и международной

¹⁰ Нелегальный выезд многих представителей стран, где господствовали фашистские и диктаторские режимы, и сейчас затрудняет исследователям уточнение состава делегаций, ибо в опубликованных материалах конгресса многие участники обозначены анонимно или под псевдонимами.

женской лиги борьбы за мир, профсоюзов различной ориентации и социал-демократических партий [5, 1933, 5 VI].

Естественно, что центральное место в работе конгресса заняла проблема борьбы германского пролетариата и всех антифашистов против нацизма. В докладе В. Флорина, говорилось об уроках последних событий в Германии, их внутренних и международных последствиях, а также о задачах, формах и методах борьбы против нацизма. Участники конгресса с гневом осудили новые акты кровавого террора нацистов. А. Барбюс, П. Пренан, З. Неядлы, С. Панкхерст и др. в дни работы конгресса направили в германское посольство телеграмму протеста против очередной расправы нацистов над рабочими Альтоны и Хемница [37, 1933, № 18, S. 591].

Э. Э. Кипш в своем выступлении заклеил нацистские преступления против культуры и человечности, «Гитлер, — сказал он, — сжигает на кострах книги Маркса и Ленина, но он не сожжет марксизм: костры только помогут общественности увидеть, чем является фашистская „цивилизация“» [5, 1933, 6 VI]. О солидарности с этим выступлением заявил от имени революционных писателей и деятелей искусства П. Вайян-Кутюрье [5, 1933, 6 VI].

Обсуждалось положение и в других странах, где активизировались фашистские силы, а террор и подавление оппозиции стали нормой государственной политики. Польские делегаты (один из них выступал с докладом, еще двое приняли участие в дискуссии) описали бедственное материальное положение рабочих, крестьян, средних слоев и бессилие правительства справиться со стоящими перед страной экономическими проблемами, привели факты казней, жестоких приговоров за революционную, национально-освободительную деятельность и даже за забастовочную борьбу [5, 1933, 5, 7 VI].

Болгарский делегат говорил о том, что несмотря на отставку кабинета А. Цанкова¹¹, запятнавшего себя кровью десятков тысяч болгарских рабочих и крестьян, сменившие его правительства только прикрывались демократическими фразами, но, по существу, продолжали террор в более замаскированном виде. Об этом свидетельствовали, в частности, по-прежнему переполненные политзаключенными тюрьмы с невыносимыми условиями содержания. Отметив активность военно-фашистских группировок в Болгарии, оратор подчеркнул, что с их помощью крупная буржуазия стремится установить диктатуру, способную искоренить коммунизм [5, 1933, 5 VI].

О нищете югославских трудящихся, усилившейся в годы монархической диктатуры, о невыносимом положении крестьян, покидавших разоренные деревни, чтобы в городе просить подаяние, об остроте национального вопроса и волне шовинизма, искусственно поднимаемой режимом, рассказал конгрессу югославский делегат Матиевич [5, 1933, 6 VI].

Представитель Внутренней македонской революционной организации (объединенной) Калинов заклеил диктаторские правительства балканских стран за их политику ассимиляции национальных меньшинств, осуществлявшуюся самыми грубыми средствами: уничтожением их революционного авангарда, натравливанием фашистских экстремистов, а также путем искоренения национальной культуры [5, 1933, 7 VI].

Проф. П. Константинеску-Яшь рассказал о классовых боях румынского пролетариата, о поддержке его борьбы крестьянским движением а также обратил внимание на связи между нацистами и румынскими фашистами, которые превратились в агентов Гитлера в собственной стране [5, 1933, 7 VI].

Чехословацкий делегат Г. Климент и представитель Греции констатировали, что и при сохранении конституционно-республиканского строя в их странах наблюдается антидемократическая эволюция [5, 1933, 7 VI].

Большинство делегатов конгресса сходились в том, что события в Германии повлекут за собой важные международные последствия, поэтому

¹¹ Правительство, образованное в результате реакционного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии.

антифашистская борьба также должна приобрести международный размах и что успех ее в главном зависит от формирования единого антифашистского фронта. И хотя его трактовка во многих выступлениях еще не была свободна от сектантской узости и псевдоавангардизма, тем не менее внимание к проблеме союзников пролетариата, к повседневным нуждам трудящихся, а также требования защиты демократических свобод делали платформу, изложенную в манифесте конгресса, приемлемой для широких масс антифашистов.

Участники конгресса избрали Международный антифашистский комитет и его исполнительный орган — Интернациональное бюро, которые должны были организовывать и координировать антифашистскую борьбу народов разных стран. В комитет вошли и представители антифашистского движения стран Центральной и Юго-Восточной Европы: от Польши — С. Богушевский, Х. Розенберг, социалист Стельмах, профсоюзный функционер Ромер, рабочий-горняк Горский, представители Западной Украины Старовойский, Ольшанский, Клименко, Западной Белоруссии — Яновский; от Чехословакии — лидер красных профсоюзов А. Запотоцкий, Г. Климент, член немецкой социал-демократической партии Р. Шлоссер, национальный социалист Новотны и не названный по имени крестьянин из Словакии; от Венгрии был избран М. Карольи, а также рабочий металлург с завода Чепель; от Болгарии — секретарь профсоюзного объединения Попов и писатель Г. Бакалов; Калинов представлял македонскую национально-революционную организацию; Румынию — проф. П. Константинеску — Яшь и рабочий-железнодорожник Валеану; Югославию — писатель Иованович и участник хорватского национального движения Корач; Грецию — деятель конфедерации моряков Скарафидас [5, 1933, 9 VI].

Парижский конгресс не обошел вниманием и роль фашизма в военных замыслах империализма. А. Барбюс, представлявший на конгрессе Международный и Французский комитеты борьбы против империалистической войны, в своей речи особо подчеркнул необходимость убедить мелкую буржуазию, что фашизм — это самая гнусная форма диктатуры, направленная не только против пролетариата, но и против крестьянства и всей городской мелкой буржуазии и следовательно в борьбе против него необходимо единство рабочих и крестьян с трудовой интеллигенцией, служащими и мелкой буржуазией. Он призвал не отделять антифашистского движения от борьбы против военной опасности и стремиться к взаимодействию [5, 1933, 5 VI; 10, 1933, 6 VI].

Такая позиция встретила понимание и поддержку. В августе 1933 г. произошло объединение Амстердамского и Плейельского движений и образование на паритетных началах Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма.

Парижский конгресс стимулировал антифашистскую деятельность в Румынии, где в связи с его работой во многих городах прошли антифашистские митинги и собрания. В июле 1933 г. был основан Национальный антифашистский комитет во главе с профессором Й. Йорданом. В него вошли также профессора П. Константинеску-Яшь, И. Кристя, И. Миронеску, К. Моташ, поэт Ч. Теодореску, публицист Б. Лазаряну, режиссеры Я. Стернберг, С. Элиад, рабочий-печатник И. Станеску, текстильщик Г. Попа, железнодорожник И. Илиаску и др. [42, р. 73].

В то же время из делегатов парижского конгресса был создан под председательством А. Запотоцкого Антифашистский комитет Чехословакии, а также местные антифашистские комитеты. Они информировали общественность о международном антифашистском и антивоенном движении, прислушались к денежным сборам для целей антифашистской борьбы и помощи жертвам террора. Однако в сентябре того же года деятельность этих организаций была запрещена правительством [38, s. 159—160; 43, s. 26—27].

Отрицание либеральных и демократических начал, нетерпимость и жестокость в политике, пренебрежение к достоинству человека и к самой человеческой жизни, характерные для фашизма и проявившиеся особенно

резко в практике нацизма, возмущали и побуждали к протесту широкие круги интеллигенции, чтившей традиции и принципы гуманизма.

Вот почему К. Чапек, ранее избегавший прямых политических манифестаций, не отказал обратившемуся к нему летом 1932 г. незнакомому болгарину — им, как позже выяснилось, был Г. Димитров, приехавший на короткое время в Прагу — поставить свою подпись под требованием свободы для участников Сентябрьского восстания 1923 г. [44, с. 106].

Вот почему виднейшие юристы и общественные деятели многих стран организовали в Лондоне общественный контрпроцесс, который помог разоблачить провокационный характер лейпцигского суда над Г. Димитровым и его товарищами. А чехословацкие деятели культуры, ученые, юристы, когда их страна стала пристанищем для многочисленной антифашистской эмиграции, взяли на себя ведущую роль в многообразной помощи эмигрантам, начиная от ходатайств о разрешении на въезд в страну¹² и актов одновременной материальной помощи (на эти цели, например, передал присужденную ему государственную премию поэт В. Пезвал), до организации издания запрещенной нацистами прогрессивной литературы, художественных выставок, театральных постановок и т. д. [43, с. 49—51].

В Польше наряду с левыми оппозиционными партиями против фашизма и реакции выступала Лига защиты прав человека и гражданина, объединявшая демократическую интеллигенцию. В те годы ее возглавил известный писатель-социалист А. Струг, не принявший избрания в пользовавшуюся официальным покровительством Академию литературы, заявив, что совесть велит ему быть в рядах противников режима [45, с. 253]. Под его руководством Лига активно выступала в защиту жертв нацизма, а также провела эффективную кампанию за амнистию политических узников «санации».

Фашизм вызывал возмущение у всех, кто видел, «как растет,— по словам А. М. Горького,— смертоносное, ядовитое действие его идей и безнаказанность его преступлений», побуждая к протесту и сочувствию его жертвам [46, т. 27, с. 449].

Будила тревогу также антиинтеллектуальная сущность фашизма. «Целая нация,— писал К. Чапек по поводу гитлеровской диктатуры, называя ее „величайшей культурной катастрофой“, — целая империя приняла духовную веру в звериные начала, в расу и тому подобные бессмыслицы..., целая нация — с университетскими профессорами, священниками, литераторами, врачами и юристами» [44, с. 105].

Отрицание фашизмом исторически сформировавшихся нравственных и духовных ценностей оттолкнуло от него многих деятелей культуры и способствовало политизации общественных позиций и творческой манеры даже тех, кто раньше сторонился политической деятельности. Вот как писал об этом, анализируя деятельность Т. Манна, талантливый венгерский критик-антифашист Д. Балинт: «Мрачный, проводящий подозрительные операции с человеческими страстями, туманный, но агрессивный антиинтеллектуализм, составляющий духовную основу „массовых“ и „авторитарных“ движений, постепенно, но неуклонно радикализировал Томаса Манна. Он начал писать необычные для него резкие статьи и произносить речи, направленные против национал-социалистского движения» [47, с. 72].

Кристаллизация политических взглядов, обостренное чувство нравственной ответственности побуждали многих представителей творческой интеллигенции к четкому выражению общественных позиций и к организованным акциям.

Из рядов французских писателей во главе с Р. Ролланом, А. Барбюсом, Ж. Р. Блоком, Л. Арагоном, А. Мальро, В. Маргеритом прозвучал призыв о созыве международного конгресса писателей с тем, чтобы, как писал А. Барбюс, «обсудить все большие проблемы, которые имеют каса-

¹² Вмешательство общественности, в частности, оказалось решающим, когда генлейновцы в городском совете Либерца пытались отказать в политическом убежище Г. Манну [43, с. 50].

тельство одновременно к жизни социальной и жизни интеллектуальной, в частности, литературной» [48, 1935, 20 IV]. Эту идею горячо поддержали Л. Фейхтвангер, Г. Манн, К. Чапек, В. Инклар, Ш. Андерсен и многие другие известные писатели.

На международный конгресс в защиту культуры, состоявшийся в Париже 21—25 июня 1935 г., собралось 230 деятелей литературы из 38 стран, среди них — немало писателей, пользовавшихся мировой известностью. В советскую делегацию, официально возглавлявшуюся А. М. Горьким (из-за болезни он не смог прибыть в Париж), входили В. Иванов, А. Толстой, П. Тычина, Я. Колас, Ф. Панферов, Б. Пастернак, И. Эренбург, М. Кольцов и др. Обсуждался широкий круг профессиональных и общественных вопросов: проблемы культурного наследия и гуманизма, соотношения понятий «нация» и «культура», «мысль» и «творчество», защиты культуры; роль писателя в обществе и взаимоотношения личности и общества [49].

Естественно, что при многообразии творческих индивидуальностей мировоззрений и политической ориентации писателей не обошлось без различий во мнениях по многим из обсуждавшихся вопросов, но участники конгресса были солидарны в одном — в неприятии фашизма как проявления нравственного и духовного регресса и в понимании необходимости протеста против его разрушительной силы. Они выразили это в резолюции, в которой говорилось: «Бюро ассоциаций (конгресс образовал Ассоциацию писателей в защиту культуры и избрал ее бюро. — *И. М.*), составленное из писателей различных философских, литературных и политических направлений будет всегда готово бороться в области культуры против войны, фашизма и против всяких других опасностей, угрожающих цивилизации» [49, с. 488].

В конгрессе участвовали литераторы из некоторых стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Но даже по поводу более многочисленной по сравнению с другими группы из Чехословакии (в нее входили В. Незвал, Э. Э. Киш, М. Брод, аккредитованные в Париже корреспонденты чехословацких газет Г. Винтер и Р. Вейнер) «Руде право» сетовала, что из-за недостаточной финансовой поддержки со стороны правительства чехословацкая литература оказалась представленной весьма неполно [19, 1935, 21 VI]. В печатных отчетах упоминалось также присутствие на конгрессе греческого литератора К. Варналиса, избранного в бюро Ассоциации, и писательницы Л. Нафос, а также венгерской писательницы И. Пауль [26, 1935, 26 VI]. Румынию представлял проживавший во Франции председатель Всеобщего союза румынских студентов журналист П. Теодореску [25, с. 218].

Столь скромное представительство стран Центральной и Юго-Восточной Европы было связано с недостатком средств и с ограничением в них гражданских прав и свобод, в том числе и права на выезд за границу. Вот почему А. Барбюс, председательствуя в первый день конгресса, с особым вниманием отнесся к появлению в зале Л. Стоянова: «Как радостно, — приветствовал он болгарского писателя, — что мы имеем делегата от Болгарии»¹³ [50, с. 170].

В своем слове к конгрессу Л. Стоянов выразил нравственную оценку реакционной диктаторской власти и показал несостоятельность попыток ее идеологического оправдания. «Право человека бороться за лучшее будущее, — сказал он, — за более совершенное общество, — это священное право, которое никто не может у него отнять. И если сегодня есть философы, которые теоретизируют об отречении от этого права, возводя в культ мертвый фетиш государства, то это ли не злейшее покушение на культуру, худшее надругательство над человеческой судьбой, какое возможно только в эпохи умственного бесплодия и моральной суши» [51, с. 25—26]. Открытое порицание фашизма и авторитаризма в условиях системы именно такого типа требовало немалого гражданского и личного мужества даже от человека, широко известного своим писательским талантом. Реакцион-

¹³ В этом конгрессе также участвовал болгарский писатель Г. Бакалов.

ная болгарская печать за это выступление травила Л. Стоянова как «национального предателя». По возвращении из Парижа он подвергся нападению неизвестных офицеров, объяснявших в оставленной рядом с жертвой записке свою расправу мстью за неугодные армии взгляды [50, с. 171].

Отсутствие на парижском конгрессе представителей некоторых стран не означало пассивности их творческой интеллигенции в демократическом движении. Хорошо известно, например, какой действенный отклик конгресс писателей получил в Польше. Осенью 1935 г. большая группа польских литераторов публично выразила согласие с решениями международного писательского форума и, назвав свою декларацию «За соглашение» (после опубликования к ней присоединилось еще несколько групп писателей), призвала деятелей культуры к участию в движении рабочих и крестьянских масс за единый фронт [52, с. 189].

Затем последовала инициатива революционных кругов львовской интеллигенции провести в Польше по примеру парижского антифашистский съезд в защиту культуры. Он собрался в мае 1936 г. вскоре после самых крупных в те годы антиправительственных выступлений польских трудящихся во Львове и вылился в крупную, прозвучавшую на всю страну манифестацию в защиту непреходящих принципов гуманизма, за единение интеллигенции с рабочим классом и крестьянством в борьбе против фашизации Польши. В заключительной резолюции съезда говорилось также о борьбе за мир как первейшем долге работников культуры.

Участвовали в этом съезде или солидаризировались с ним люди науки, искусства и литературы различного мировоззрения, политической и национальной принадлежности — сторонники Компартии: выдающийся польский поэт В. Броневский и драматург Л. Кручковский, революционные западноукраинские писатели Я. Галан, С. Тудор и представители революционной интеллигенции Западной Белоруссии, левые социалисты А. Струг, В. Василевская, писатели и публицисты из радикального крыла крестьянского движения, представители интеллигенции, порвавшие с «санацией» из-за своей приверженности демократии, а также писатели и публицисты разных поколений, в своих духовных исканиях пришедшие из круга католических воззрений к признанию революционных идей. Среди них — маститый прозаик, проделавший уже немалый путь в жизни и в литературе — Э. Зегадлович. Это он, заканчивая свою речь, бросил в зал слова, хорошо передававшие настроение приподнятости, царившее среди делегатов и во всем городе: «До встречи в красной в недалеком будущем Варшаве!» [53].

Чтобы в должной мере оценить вклад прогрессивной польской интеллигенции в антифашистскую борьбу 30-х годов, необходимо помнить, что в немалой степени именно благодаря ее причастности развернувшееся тогда движение народного фронта обрело такое эффективное средство пропаганды, как легальную, выходящую немалыми тиражами, печать. Во всех крупных культурных центрах стали издаваться в те годы литературно-общественные периодические издания, пропагандировавшие антифашизм и передовые общественные идеи. В главном органе народного фронта газете «Dziennik Popularny» наряду с ведущими публицистами Компартии, левого крыла социалистической партии и радикальных крестьянских организаций, образованными редакционную коллегию, печатались другие писатели и поэты высокого профессионального ранга — В. Броневский, А. Струг и Л. Кручковский, М. Чухновский и С. Р. Добровольский, Э. Зегадлович и М. Домбровская, что вызывало неослабевающий интерес и помогало популяризировать политическое кредо газеты [54].

В середине 30-х годов в международном движении за мир наступила новая стадия. Это совпало с важным поворотом в коммунистическом движении — на VII конгрессе Коминтерна были пересмотрены многие устаревшие и не оправдавшие себя установки, в том числе и относительно источников военной опасности. Конгресс пришел к выводу, что главными поджигателями войны являются фашистские державы. Отсюда — признание возможными и заслуживающими поддержки национально-освободительных войн не только в колониях, но и в Европе, новый подход к меро-

приятиям по обороне тех капиталистических стран, которым угрожала фашистская агрессия.

Параллельно с этим менялись настроения не связанных с революционным движением противников войны. Если до тех пор большая часть буржуазных пацифистских организаций, избегая вмешиваться в социально-политическую проблематику, не вступала в контакт со Всемирным комитетом борьбы против войны и фашизма, то после нападения Италии на Эфиопию (октябрь 1935 г.) тезис о связи между фашизмом и войной получил столь убедительное подтверждение, что стимулировал интеграционные процессы среди всех направлений сторонников мира. Именно тогда в различных политических и общественных кругах созрела мысль об образовании новой организации, способной слотить противников войны на самой широкой идейно-политической платформе — Всеобщего объединения за мир (ВОМ) [5, 1935, 12 X]. Образованный в октябре 1935 г. Инициативный комитет приступил к оформлению движения и подготовке Всеобщего конгресса мира [55, с. 138].

В первой половине 1936 г. был учрежден Генеральный совет ВОМ, приняты основные принципы движения: нерушимость международных договоров, сокращение и ограничение вооружений, укрепление Лиги Наций и коллективная безопасность, создание в рамках Лиги Наций действенной системы предупреждения войны [56, с. 24].

За это время национальные комитеты возникли практически во всех странах (кроме Германии и Италии), а также в США, Канаде, Латинской Америке, Индии и Китае. Движение опиралось на различные общественные организации: Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма, Ассоциацию бывших фронтовиков, Союз друзей Лиги Наций, Всемирный союз международного братства церквей и др., а также на инициативу наиболее авторитетных общественных и культурных деятелей различной политической ориентации, философских взглядов, верований, оттенков мысли. В движении участвовали или приветствовали его английские пацифисты консерваторы лорд Р. Сессил и лорд Г. Литтон, французские радикалы — сторонники народного фронта бывший министр П. Кот и неоднократно глава правительства Франции Э. Эррио, испанский президент республиканец М. Асанья и президент Чехословакии Э. Бенеш, известный румынский дипломат Н. Титулеску, М. Ганди, Д. Нору и К. Менон, коммунисты М. Кашен, Г. Поллит, Н. Н. Шверник, Б. Шмераль, К. Готвальд, социалисты П. Жуо, Э. Вандервельде, К. Эттли и де Бруккер, католики и протестанты, неутомимый поборник мира Р. Роллан и английский писатель Н. Эйнджел, А. Толстой и Г. Манн, профессора П. Ланжевен, З. Неэдлы, Я. Козак и многие другие.

Большой отклик движение получило в Центральной и Юго-Восточной Европе. Обрисовавшееся к тому времени восточное направление экспансии фашистских держав обостряло в расположенных здесь малых и средних странах интерес к проблеме ее предупреждения. Этим объясняется, что еще до начала Всеобщего конгресса мира, состоявшегося 3—6 сентября 1936 г. в Брюсселе, 25—26 июля 1936 г. в Праге была проведена конференция представителей движения за мир из Чехословакии, Румынии, Югославии, Австрии, Польши и других стран. В принятом на ней «Обращении малых народов к Всеобщему объединению за мир» говорилось, что залогом коллективной безопасности является единение малых народов, содержалось требование равной безопасности на Западе и на Востоке и подчеркивалась необходимость международной солидарности [55, с. 140]. Президент Э. Бенеш, присутствовавший на конференции, в своей речи подчеркнул заинтересованность правительства его страны в одобренных конференцией принципах сохранения мира [10, 1936, 27 VII].

В Чехословакии, где состоялась эта конференция, движение за мир приобрело подлинную масштабность, объединив в своих рядах до 3 млн человек. Они направили на конгресс 337 делегатов [57, р. 15]. Естественно, что столь массовое, одухотворенное действенным гуманизмом движение привлекло в свои ряды многих деятелей культуры и передовую интеллигенцию в более широком смысле. Председателем Чехословац-

кого комитета действия за организацию коллективной безопасности стал проф. Я. Козак — национальный социалист (на Брюссельском конгрессе он был избран вице-председателем парламентской комиссии ВОМ), его заместителями — д-р Л. Сыхрава (избранный в Брюсселе председателем комиссии ветеранов войны ВОМ) и коммунист д-р В. Прохазка. Неутомимым участником движения и делегатом Брюссельского конгресса был проф. З. Неядлы. В руководство комитета действия входили также коммунисты: известный юрист И. Секанина, публицист Я. Доланский, представитель Студенческого фронта за мир, прогресс и свободу С. Рейнберг. В движении участвовали также интеллигентские по составу организации, как объединение революционных литераторов Левый фронт или принадлежавшая к левому крылу социал-демократии группа просветительской организации Рабочая академия, Союз друзей СССР во главе с известным врачом и общественным деятелем Б. Врбенским, Общество экономического и культурного сближения с СССР, объединения учителей, студенческие союзы, начиная от революционных до организаций высшей школы, представлявших этическое течение христианского социализма [55, s. 145—149].

Положительными особенностями движения ВОМ в Чехословакии по сравнению с абстрактным пацифизмом и декларативностью его организаций в некоторых западных странах, отмечают исследователи, был открытый антифашизм и постановка требования обороны республики [55, s. 148]. При неполитическом характере движения в целом в нем были представлены самые крупные партии межвоенной Чехословакии: Коммунистическая, социал-демократическая, национально-социалистическая, народная, аграрная. Однако аграрная, ведущая партия правительственной коалиции, добивалась пересмотра внешней политики Чехословакии и, в частности, отказа от принципа коллективной безопасности, что сводило на нет выступления некоторых ее деятелей в пользу движения за мир. С точки зрения руководства социал-демократов и национальных социалистов, для их партий, также входивших в правительственную коалицию, движение за мир имело значение прежде всего в дипломатическом аспекте, поэтому они ценили контакты с международной организацией ВОМ, отклоняя сотрудничество с ее чехословацким комитетом. Все это привело к внутренним разногласиям и ослаблению движения в Чехословакии в период после Брюссельского конгресса [55, s. 149—158].

Перспективу использовать движение за мир исключительно в своих внешнеполитических целях имели в виду и некоторые антисоветски настроенные диктаторские правительства, не признававшие идеи коллективной безопасности и других принципов ВОМ. В Польше, например, под эгидой «санационного» правительства был сформирован комитет мира в составе представителей федерации Польского общества друзей Лиги Наций, чиновников МИД, а также — для создания видимости общественного характера комитета — некоторых деятелей легальных оппозиционных партий. Революционная оппозиция и представители национальных меньшинств не были допущены в эту организацию. Поскольку это противоречило основополагающей идее ВОМ, при Лиге защиты прав человека и гражданина был образован другой Комитет мира, в который входили или активно поддерживали его писатели А. Струг, В. Василевская, Я. Броневская, Л. Кручковский, широко известные своими выступлениями в политических процессах адвокаты Т. Дурач и В. Барчиковский, профессора левых взглядов микробиолог З. Шимановский, социолог С. Чарновский, математик А. Райхман, публицисты, видные деятели крестьянского движения И. Косповская и С. Тугутт, деятели театра и кино. По инициативе этого комитета при самом деятельном участии интеллигенции различных профессиональных групп во всей стране развернулась массовая, с участием почти 600 тыс. человек, подготовка к конгрессу. Руководство Компартии, поддерживавшей левый Комитет мира, считало в соответствии с целями движения желательным объединение с официальным комитетом [52, s. 293—301]. Однако правительство обрушило репрессии на левых сторонников мира: были запрещены все их издания, про-

пагандировавшие идею конгресса, а избранные левыми комитетами сто делегатов не получили заграничных паспортов, что специально отмечалось в документах Брюссельского конгресса [57, р. 239]¹⁴.

Оказалось невозможным прибытие в Брюссель и 16-и сторонников мира, избранных на состоявшейся 19 августа в Софии конференции с участием общественно-культурных и профессиональных организаций Болгарии [58, с. 163]. Ее представляли всего четыре делегата: М. Геннадиев и К. Ламбрев от национального комитета ВОМ и два — от Союза садоводства [57, р. 224].

В Югославии, где представители правящей группировки, войдя в инициативный комитет по подготовке конгресса, стремились подчинить своему влиянию движение в целом, правительство также не допустило выезда большинства демократически настроенных сторонников мира. Из 60-и избранных представителей в Брюссельском конгрессе участвовало только девять [57, р. 224; 56, с. 25].

В Греции принявшая широкий масштаб подготовка к конгрессу (уже было избрано 500 делегатов) оказалась прерванной реакционным переворотом И. Метаксаса. Вследствие этого Греция была представлена символической, не отражающей всего политического и общественного спектра сторонников мира делегацией из трех членов [57, р. 235].

Из Венгрии в списках конгресса значился один делегат (Э. Кувер) от Венгерского общества за мир и Лигу Наций [57, р. 235].

Румынское правительство также отказало в выездных визах нескольким левым деятелям, избранным делегатами конгресса. Но другие 13 делегатов приняли участие в брюссельском форуме. Среди них д-р Н. Лупу — один из инициаторов и пропагандистов движения ВОМ, член руководства Национал-царанистской партии, выступивший с большой речью на конгрессе; А. Жожа, известный ученый, писатель и публицист, генеральный секретарь Блока демократических свобод; выдвинутые этой же организацией журналисты Ш. Фориш и В. Роман, представительница Фронта женщин С. Груя; член Национал-царанистской партии публицист А. Андерко, Э. Сергие [57, р. 239]. После конгресса был образован Румынский комитет ВОМ (ранее действовали местные комитеты), в руководство которого вошли писатели, ученые, общественные и политические деятели: Н. Лупу, П. Гроза, Г. Филипеску, М. Садовяну, В. Евтимиу, Т. Теодореску-Браниште, Э. Сергие, К. И. Пархон и др. во главе с почетным председателем Н. Титулеску. Комитет выпускал «Информационный бюллетень», а также другие издания, популяризовавшие идеи ВОМ [25, с. 219—225].

Брюссельский конгресс был большим достижением сторонников мира. Однако успех движения в целом, осуществление его главной цели зависели от единства и последовательности входивших в него паправлений и организаций. Весьма существенным в этом плане, как и в перспективе развития антифашистской борьбы, оказалось отсутствие единства рабочего движения в большинстве капиталистических стран и в международном масштабе. Ослабило движение ВОМ также распространение в его рядах накануне второй мировой войны так называемого интегрального пацифизма, который, став идеологическим выражением политики попустительства агрессору, по существу, расколол сторонников мира и в международном масштабе, и в национальных рамках, ибо его не могли принять те народы, которым в первую очередь угрожала фашистская агрессия, а также антифашисты и сторонники демократии во всем мире.

¹⁴ На конгресс выехала делегация официального комитета, но, как сообщила печать, она получила в пути распоряжение вернуться назад [10, 1936, 6 IX].

ЛИТЕРАТУРА

1. Spalt K. N. Der weite Weg. Ein Handbuch über den Pazifismus. Aachen, 1947, S. 124.
2. Flodor K. Ruch pacyfistyczny. Studia nad genezą i formami działania do 1939 roku.— Dzieje Nalnowsze, 1980. № 2, s. 53—54.
3. Генеральный Совет Первого Интернационала 1866—1868. Протоколы. М., 1963.

4. *Роллан Р.* Собр. соч. Т. 13. М., 1958.
5. L'Humanité.
6. *Видадь А.* Анри Барбюс — солдат мира. М., 1962.
7. В преисподней Европы. Белый террор на Балканах. М., 1926.
8. *Покровская С. А.* Движение против войны и фашизма во Франции 1932—1939. М., 1980.
9. *Барбюс А.* Международный отпор фашизму.— Путь МОПРа, 1929, № 6.
10. Правда.
11. Internationale Presse-Korrespondenz.
12. Die Rote Fahne.
13. Интернационализмът на БКП 1891—1944. Документи и материали. София, 1974.
14. *Červinka F. Sdeněk Hejedy.* Praha, 1969.
15. Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 г.). Отчет. М., 1923.
16. La federation balkanique, 1929, № 114, p. 25—27.
17. *Валева Е. Л.* Международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа (1925—1929).— Диссертация на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978.
18. Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932). М., 1960.
19. Rudé právo.
20. Сборник документов по международной политике и международному праву, вып. 5. М., 1934.
21. XI пленум ИККИ. Военная опасность и задачи Коминтерна. Вып. 2. М.—Л., 1931.
22. International Information. Periodische publikation, 1932, 28 V.
23. *Krivý A.* Otázky vojny a mieru v politike Komunistického hnutia. Bratislava, 1970, s. 107.
24. История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
25. *Бабич И.* Боевая антифашистская солидарность (1933—1939). Бухарест, 1974.
26. Известия.
27. Proleter.
28. *Сумарокова М. М.* Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны 1929—1939. М., 1980.
29. *Зидаров К.* Людмил Стоянов. Критико-биографичен очерк. София, 1958.
30. *Людмила Стоянов.* Исследования и статьи за творчеството му. София, 1961.
31. Энциклопедия България. Т. I. София, 1978.
32. International Press Correspondence.
33. Právo lidu.
34. *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. Bd. 2. Hannover, 1963, S. 412.
35. *Gypner R.* Der Antifaschistische Arbeiter kongress Europas im Jahre 1933. In: Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, 1959, № 1, S. 99.
36. Красный Интернационал профсоюзов.
37. Rundschau.
38. *Hrbata F.* Evropský protifašistický sjezd v roce 1933.— Československý časopis historicky, 1960, № 2.
39. Tvorba.
40. Księga wspomnień (1919—1939). Warszawa, 1960.
41. *Kowalski J.* Trudne lata. Warszawa, 1966.
42. Constantinescu-Jași. P. Partidul Communist Roman — polarizator și dinamizator al luptei antifaschiste — Anale de istorie, 1973, № 3.
43. Dejiny socialistického Československa. Sv. 5. Praha, 1982.
44. *Малевиц О.* Карел Чапек. М., 1968.
45. Z pola walki, 1972, № 2.
46. Горький М. Собр. соч.
47. «Антифашизм — наш стиль». Венгерское искусство. Путь к социалистическому реализму. М., 1971.
48. Литературная газета.
49. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления. М., 1936.
50. Людмил Стоянов, Чудомир, Ламар. В спомените на съвременниците си. София, 1981.
51. *Стоянов Л.* Статии, речи, писма. Избрани произведения. Т. 6. София, 1955.
52. *Kowalski J.* Komunistyczna Partia Polski. 1935—1938. Warszawa, 1975.
53. Антифашистский конгресс работников культуры во Львове в 1936 г. Документы и материалы. Львов, 1956.
54. Prasa frontu ludowego.— Polityka, 1967, 18 III, 2 IV.
55. *Kuklíková M.* Rassemblement universel pour la Paix.— Československý časopis historicky, 1969, № 2.
56. *Шмераль В.* Значение международного конгресса мира в Брюсселе.— Коммунистический Интернационал, 1936, № 15.
57. Congres Universel pour la Paix, Bruxelles, 3, 4, 5, 6 September 1936. Paris, Bruxelles, 1936.
58. *Димитров И.* Българската демократична общественост, фашизмът и войната 1934—1939. София, 1976.

КАРАСЕВ В. Г., КОСТЮШКО И. И., УТКИНА Л. И.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—НАЧАЛО XX В.)

Московский университет, основанный гениальным русским ученым М. В. Ломоносовым и носящий теперь его имя, уже в первые десятилетия своей деятельности стал крупным центром высшего образования и науки в России и занял почетное место среди университетов мира.

Высокая квалификация профессорско-преподавательского состава, возможность приобретения глубоких знаний, разнообразной специализации и другие благоприятные условия обучения в университете привлекали к нему внимание многих молодых людей, желавших получить высшее образование, стать специалистами в избранной области.

Среди обучавшихся в университете немало было и иностранцев. Изучение дел канцелярии Совета университета показало, что в 1826—1850 гг. в университете учились 68 подданных европейских государств и США и 42 иностранца неустановленного подданства, в том числе 4 болгарина, 1 серб и, вероятно, 3 выходца из польских земель Австрии и Пруссии. Кроме того, в нем обучались 167 студентов из Королевства Польского и 3 из Финляндии, входивших в состав Российской империи.

Во второй половине XIX — начале XX в. (1851—1914) в университете учились 407 иностранцев, из них подданных Швейцарии было 56, Франции — 36, Греции — 30, Турции (за исключением болгар) — 28, Ирана — 26, Великобритании — 23, Австро-Венгрии — 22, Бельгии — 10, Швеции — 8, Италии — 7, Пруссии — 6, Нидерландов — 4, Саксонии — 4, Румынии — 3, 18 — неустановленного подданства (табл. 1).

Данные, относящиеся к обучению в университете студентов из зарубежных славянских стран и Королевства Польского в этот период, на наш взгляд, представляют значительный интерес и позволяют сделать некоторые наблюдения и выводы.

Русское правительство придавало важное значение обучению в России молодых людей из южнославянских земель. Высочайшим повелением от 31 декабря 1857 г. предписывалось принимать южнославянских студентов и оказывать им всестороннюю помощь для получения образования в России. Многие молодые люди из этих земель, желавшие учиться в России, использовали благоприятные для этого условия. В рассматриваемый период в университете учились из Болгарии 83 студента, из Сербии и других югославянских земель 33 (в том числе 5 черногорцев, 2 македонца, 1 из Герцеговины). Они составляли около 30% всех студентов-иностранцев. Из Королевства Польского обучалось 269 человек. Среди выходцев из зарубежных славянских стран, обучавшихся в университете, были лица, окончившие гимназии (в Софии, Пловдиве, Варне, Сливене, Русе, Белграде, Нише, Пироте, Цетинье, Царьграде, Москве, Одессе, Ялте, Твери, Варшаве и других городах), специальные учебные

Студенты Московского университета иностранного подданства и из Финляндии и Королевства Польского¹

Страна	Годы				Всего
	1851—1861	1862—1881	1882—1905	1906—1914	
Австро-Венгрия	2	1	7	12	22
Бельгия	2		5	3	10
Болгария	20	41	17	5	83
Брауншвейг	1				1
Великобритания	5	1	9	8	23
Греция	3	1	13	13	30
Дания			1		1
Иран			3	23	26
Италия			2	5	7
Любек (вольный город)	1				1
Люксембург	1		1		2
Нидерланды	2		1	1	4
Пруссия	6				6
Румыния			2	1	3
Саксония	4				4
Сербия и другие югосл. земли	1	24	6	2	33
США	1		1	2	4
Турция		1	14	13	28
Франция	6		16	14	36
Швейцария	8	3	34	11	56
Швеция		1	2	5	8
Мекленбург-Шверин	1				1
Не установлено подданство	18				18
Финляндия	2	3	4	10	19
Королевство Польское	135		2	132	269
Всего	219	76	140	260	695

¹ Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 418, Московский ун-т, канцелярия Совета.

заведения (лицей в Белграде, богословскую школу в Призрене, училище в Филиппополе, Румянцевский лицей в Одессе, духовную академию, семинарию, коммерческое училище в Москве и т. п.), учившиеся прежде и других учебных заведениях (Казанской духовной академии, Киевском в Новороссийском университетах, медико-хирургической академии, Петербургском университете) и получившие так называемое домашнее образование.

В сентябре 1876 г. последовало распоряжение, в соответствии с которым молодые славяне, получившие образование за границей или в России, но не имевшие аттестата зрелости, принимались в университет только в качестве сторонних слушателей. Они освобождались от платы за посещение лекций. После окончания обучения и сдачи экзаменов они, однако, не получали служебных прав, которыми пользовались лица, окончившие русские классические гимназии и университеты. Имеются сведения, что в университет были приняты сторонними слушателями в 1876 г. 1 серб и 1 черногорец; в 1879 г. — 6 болгар, 7 сербов, 1 черногорец; в 1880 г. — 6 болгар. С 1881 г. славяне с таким образованием принимались в число студентов, но после окончания университета не пользовались упомянутыми выше правами.

Весьма значительным было число студентов из Болгарии. Большая их часть (около $\frac{2}{3}$) приходилась на годы до восстановления независимости страны. Во второе тридцатилетие численность студентов-болгар заметно уменьшается. Это объяснялось в определенной мере положением страны до освобождения от игоземного гнета и, вероятно, ее внешнеполитической ориентацией в последующий период. Из Сербии в 1862—1905 гг. обучались 22 студента, остальные трое — до и после этого вре-

мени, из других югославянских земель в 1875—1879 гг. — 8. Среди поданных Австро-Венгрии были 3 студента «из чехов» (Франц Яреш, Антони Палица, Николай Рекач), 1, прибывший из Праги, — Ив. Августович (Кораль), и 9, судя по именам, чешского, польского и югославянского происхождения (например, Вячеслав Прохазка, Тадеуш Крайский, Иован Мачкин). Особенно много было студентов из Королевства Польского, и это естественно. В 1851—1861 гг. учились 135 человек, примерно столько же (132) в 1906—1914 гг. (сведений за 1862—1881 гг. не обнаружено), в 1882—1905 гг. числилось только два студента. Это объяснялось прежде всего польским восстанием начала 60-х годов, его последствиями и восстановлением университета в Варшаве.

Студенты рекрутировались из различных социальных классов, прослоек и групп. Поскольку для обучения в гимназии, училище или на дому требовались значительные средства, то преобладали лица из более или менее состоятельных семей. Серб Милош Милоевич был сыном священника, болгарин Васил Мишайков — племянником епископа. Предоставление стипендии или пособия открывало путь в университет и лицам малообеспеченным. Известно сословное положение студентов из Королевства Польского, обучавшихся в 1851—1861 гг.: из 135 человек к сословию дворян принадлежали 82 (60%), разночинцев — 16 (11%), мещан — 8 (6%), духовенства — 5 (3%), сыновьями обер-офицеров были 28 (17%), социальное положение одного студента не установлено.

О материальном обеспечении студентов имеются фрагментарные сведения. Часть из них, преимущественно малообеспеченных или не располагавших средствами, получали стипендии или пособия от казны (русское правительство с 1857 г. на содержание учащихся из зарубежных славянских стран выделяло ежегодно 5 тыс. руб.), Московского славянского комитета (отлично учившиеся — 20 руб. в месяц) и частных лиц. В 1855—1862 гг. 16 студентов-болгар содержались за счет комитета, 2 — на средства московского купца-болгарина И. Н. Денкоглу. В 1858—1868 гг. 8 студентов из Сербии находились на содержании комитета, сведений относительно остальных нет. Боснийский серб Васа Пелагич, будучи вольнослушателем университета, в 1863—1865 гг. как стипендиат комитета получал 30 руб. ежемесячно. В 1851—1861 гг. 35 студентов из Королевства Польского были стипендиатами казны, а 100 — своекоштными.

Обучение проходило на четырех факультетах университета: историко-филологическом, юридическом, физико-математическом и медицинском (табл. 2). Выбор специализации в основном зависел от личных интересов студента, соображений его семьи и окружения и, в определенной мере, от потребностей страны, из которой он прибывал. Некоторые иностранцы связывали свою специализацию с намерением остаться в России. Исходя из неполных данных, можно предположить, что большая часть студентов из Болгарии стремилась получить медицинское (25) и историко-филологическое (12) образование, в меньшей мере их интересовали юридические (8) и физико-математические (5) дисциплины. Сведений о специализации остальных (33) пока нет. Подобная ориентация была и у студентов из Сербии. Из 22 сербов учились на медицинском факультете 15, историко-филологическом — 4 и юридическом — 3. В 1875—1879 гг. обучались на юридическом 4 черногорца, на медицинском — 1 черногорец, 2 македонца и 1 из Герцеговины.

Иначе выглядела специализация студентов из Королевства Польского. Они предпочитали юридическое (113) и медицинское (82) образование, значительный был удельный вес обучавшихся на физико-математическом факультете (20%), относительно мало было студентов на историко-филологическом (8%). Это в известной мере определялось обстановкой в Королевстве Польском и его положением в Российской империи.

Бывали случаи, когда студенты оставляли университет по состоянию здоровья, недостатку средств или другим обстоятельствам (например, серб М. Стайкович в 1864 г. прекратил занятия из-за болезни и бедности). В начале 60-х годов студенты-поляки ушли из университета, чтобы принять участие в освободительном движении на родине.

Специализация студентов Московского университета иностранного подданства и из Финляндии и Королевства Польского в 1851—1914 гг.²

Страны	Факультеты				Фак. не известен	Всего
	ист.-фил.	юрид.	физ.-мат.	мед.		
Австро-Венгрия		3		1	18	22
Бельгия				2	8	10
Болгария	12	8	5	25	33	83
Брауншвейг				1		1
Великобритания	1		1	5	16	23
Греция	1	1		2	26	30
Дания					1	1
Иран	1	2	1	1	21	26
Италия				1	6	7
Люксембург		1			1	2
Любек (вольный город)				1		1
Нидерланды	1		1	2		4
Пруссия			2	4		6
Румыния					3	3
Саксония			1	3		4
Сербия и др. югосл. земли	4	7		19	3	33
США			1	1	2	4
Франция		2	2	6	26	36
Швейцария	1	2		10	43	56
Швеция					8	8
Мекленбург-Шверин		1				1
Финляндия		2	2		15	19
Королевство Польское	23	113	51	82	71	269

² Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 418, Московский ул.-т. канцелярия Совета.

Среди обучавшихся в университете было немало одаренных людей. Проф. Р. Брандт так аттестовал А. Белича, окончившего в 1899 г. историко-филологический факультет и получившего диплом первой степени: «Белич, как на университетских занятиях, так и в частных беседах со мною, успел обнаружить и большой интерес, и выдающиеся способности к славянской филологии, соединенные с таким же трудолюбием; не лишено значения и то обстоятельство, что Белич тяготеет преимущественно к менее у нас разработанной грамматической части означенной науки. Зачетное сочинение Белича „Черты сербского языка в памятниках XII—XV вв.“, основанное как на печатных, так и на рукописных источниках, представляет цельное исследование, которое после некоторой доработки заслуживало бы напечатания. Иностранные языки Беличу достаточно знакомы». Было сделано предложение об оставлении Белича при университете для приготовления к профессорскому званию [1].

Обучаясь в университете, студенты из зарубежных славянских стран устанавливали и поддерживали связи со своими земляками. В конце 1857 г. студентами-болгарами была создана литературно-просветительная организация, получившая название «Болгарская дружина». Ее основателями были главным образом студенты историко-филологического факультета. Одна из задач «дружины» заключалась в том, чтобы «знакомить русских с болгарами письменно». Председателем «дружины» стал студент медицинского факультета Христо Даскалов. Ранее он учился в Ришельевском лицее в Одессе, за революционную деятельность в 1848—1849 гг. был выслан из России. Во время Крымской войны сражался добровольцем в русской армии и в 1856 г. был принят в университет. «Дружина» имела свой печатный орган — «Братски труд», являвшийся одним из первых болгарских журналов. В числе его создателей был Любен Каравелов. В журнале печатались произведения членов «дружины». В 1859—1861 гг., были выпущены четыре номера журнала. Члены «дружины» содействовали про-

паганде болгарского национально-освободительного движения среди русской общественности [2].

Некоторые студенты из Королевства Польского были связаны со студенческой организацией взаимопомощи «Огул» (1857—1861), объединявшей учащихся польской национальности из Литвы и Белоруссии, или участвовали в ее деятельности. В состав «Огула» входил кружок, целью которого было «изучение произведений польских писателей, подготовка к гражданской и патриотической деятельности по возвращении на родину, согласованность в общественных делах нашего „Огула“, наконец, соответствующая пропаганда в этом направлении» [3, с. 28].

Существовали контакты и между студентами из отдельных зарубежных славянских стран, но о них пока мало известно. Есть упоминание, что в одной студенческой сходке в 1861 г. участвовали поляки, русские и болгары [3, с. 53].

Сравнительно легко и быстро устанавливались связи учащихся из зарубежных славянских стран с русскими студентами, часто превращавшиеся в дружеские отношения, способствовавшие приобщению иностранцев к университетской жизни и русской действительности. Студенты знакомились с произведениями великих русских писателей, общественным движением в России, революционно-демократическими и социалистическими идеями. Болгарин Л. Каравелов за чтение рукописей «непозволительного содержания», «за чтение нелегальной герценовской литературы» находился под тайным надзором полиции [4]. Студенты из Королевства Польского активно участвовали в движении русского студенчества, принявшего значительный размах в начале 60-х годов XIX в.

Студенты из зарубежных славянских стран при помощи своих университетских коллег или самостоятельно познакомились с деятелями русской культуры и науки, пользовались их советами и поддержкой. Нередко они принимали участие в культурной и общественной жизни России. Югославянский революционер В. Пелагич, в частности, сотрудничал в русской периодической печати.

После окончания университета выходцы из зарубежных славянских стран (за некоторым исключением) возвращались на родину. Они становились учителями, врачами и юристами, принимали живое участие в общественной жизни. Многие из них, восприняв идеи передовой русской общественности, революционных демократов, являлись горячими поборниками прогрессивного развития своей страны. Многие болгары участвовали в борьбе за освобождение своей страны. К. Кесяков, закончив физико-математический факультет со степенью кандидата, затем учился в Константиновском военном училище. Он стал командиром первой дружины болгарского ополчения, сражался под Старой Загорой и на Шипке. Среди участников войны были врачи К. Бонев, К. Вязанков и другие болгары, учившиеся в университете [5]. Р. Жинзифов, М. Дринов, П. Каравелов, Л. Каравелов и другие болгары впоследствии стали видными деятелями культуры и науки. М. Дринов в 1878—1879 гг. был министром просвещения в Болгарии и многое сделал для развития народного образования в стране на демократических началах. Л. Каравелов — известный писатель и публицист, обогатил педагогическую мысль новыми передовыми идеями.

Из югославян, обучавшихся в университете, в дальнейшем прославились просветитель и революционер В. Пелагич, Й. Дреч, Г. Филипович, Й. Лепава, М. Ценич, Г. Нешич, А. Белич и др. В 1854—1858 гг. учился в университете Б. Лимановский — позднее известный деятель польского социалистического движения.

В итоге можно констатировать, что в Московском университете в рассматриваемое время обучалось много иностранцев, в том числе выходцев из зарубежных славянских стран, а также молодых людей из Королевства Польского. Русское правительство и русская общественность оказывали определенное содействие выходцам из Болгарии, Сербии и других югославянских земель в получении высшего образования в России, что имело существенное значение для выбора южными славянами места обучения,

одним из которых и являлся Московский университет. Специализация студентов в известной мере определялась их социальным положением и обстановкой в стране, из которой они прибывали. Обучение в университете, знакомство с положением в России, контакты с представителями различных кругов общественности имели важное значение для формирования общественно-политических взглядов и дальнейшей деятельности воспитанников университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГИАМ, ф. 418, оп. 68, д. 380.
2. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 184—186.
3. *Федосова Т. Ф.* Польские революционные организации в Москве в 60-е годы XIX в. М., 1974, с. 28.
4. Проблемы обучения и воспитания в зарубежных странах. М., 1972, с. 14.
5. *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. Кишинев, 1981, с. 150—151.

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ЯНА КОХАНОВСКОГО В РОССИИ («ТРЕНЫ» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ И В ПЕРЕВОДАХ)

Когда ровно сто лет назад, в 1884 г. русская общественность отмечала 300-летие смерти величайшего польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530—1584), равному которому не было в современных ему славянских литературах, «Исторический Вестник», представлявший поэта как «одну из основ духовного единства нации», писал: «Должно признать за юбиларом действительную заслугу по части обновления польского языка и письменности, которые взяли в тогдашней литературе верх над средневековой латынью» [1].

Имя Кохановского к этому времени уже было известно в России. О знакомстве с его творчеством свидетельствует состав русских библиотек XVII в. — эпохи заметного оживления русско-польских литературных связей и распространения знания польского языка среди образованной части русского общества [2].

Другим важным свидетельством известности поэзии Кохановского в России явился факт, что Симеон Полоцкий при переводе своей «Псалтыри» [3] избрал за образец «Псалтырь Давида» («Psałterz Dawidów», 1583) польского поэта [4, 5]. Это, в частности, вызвало гневные нарекания со стороны патриарха Иоакима, обвинявшего Симеона в том, что он «Псалтырь» «готовую преведе, от Яна некоего Кохановского, латинина суща» [6]. Симеон был вынужден оправдываться в выборе данного образца. Таким образом, на первый план в восприятии польского поэта представителями ортодоксальной русской культуры XVII в. выдвигались конфессиональные различия, что, тем не менее, не мешало произведениям Кохановского бытовать в русской среде, о чем свидетельствуют рукописные сборники стихов [7].

Начиная с петровской эпохи происходит культурная переориентация России — Польша утрачивает свою посредническую роль в ее литературном обмене с Западом, в результате постепенно исчезает и знание польского языка в образованных русских кругах, и возможность знакомиться с польскими книгами в оригинале.

Переводов же на русский язык произведений Кохановского суждено было ждать долго — до XIX в. Хронологически первым из них считается [8] прозаический перевод первых шести произведений его знаменитого цикла стихотворных плачей — «Тренов» («Треноу», 1580) А. Писемского.

Пятидесятилетний поэт написал этот цикл из 19 надгробных плачей по своей умершей трехлетней дочери Уршule за четыре года до собственной смерти. По существу это последнее его крупное произведение, своеобразное завершение творчества, а одновременно свидетельство глубокого человеческого потрясения и мировоззренческого кризиса. Это был кризис гуманистически ориентированного сознания с присущей ему светлой уверен-

ностью в гармонии человека и мира, во всемогуществе разума, порожденный столкновением с непостижимостью страдания, иррациональностью зла, с непереносимой человеческой болью. Гуманист Кохановский, человек классической образованности, ориентированный на образцы античной поэзии и мудрости, исповедующий культ человеческого разума, предстает в цикле тренов просто отчаявшимся отцом, потерявшим опору в привычных для него ценностях, остро переживающим коллизии разума и веры. Чрезвычайно показательной в этом отношении является его полемика с Цицероном в XVI трене:

Przec z płaczem idziesz, Arpinie wymowny,
Z miłej ojczyzny? Wszak nie Rzym budowny,
Ale świat wszytek miastem jest mądrymu
Widzeniu twemu.
Czemu tak barzo córki swej żałujesz?
Wszak się ty tylko sromoty wiarujesz;
Insze wszelakie u ciebie przygody
Ledwie nie gody!
Śmierć — mówisz — straszna tylko niezbożnemu.
Przecże się tobie umrzeć, spotliwemu,
Nie chciało, kiedyś prze dotkliwą mowę
Miał podać głowę? [9, s. 612].

Зачем, Цицерон, слезами своими
Изгнанье омыл? Ты плачешь о Риме,
А мудрость твоя дарует отраду
Вселенскому граду.
По дочери ты зачем убивался?
Ведь ты одного бесчестья боялся,
Мол, прочее все тебя не тревожит,
Что случиться может.
Сказал: смерть страшна одним лишь бесчестным,
А сам дрожал пред убийцей безвестным,
Как только пришлось за слово прямое
Платить головою [10, с. 150].

Пер. Д. Самойлова

Кохановский здесь опровергает три положения цицероновской этики — для мудрого домом является весь мир; непереносимо лишь бесчестье; добродетели смерть не страшна, — показывая, что при реальном жизненном столкновении с такими событиями его собственной биографии, как изгнание из Рима, смерть дочери и гибель от руки посланных Антонием убийц, сам Цицерон не смог сохранить равновесие духа, к которому призывал.

Этот спор с Цицероном, а в его лице и со всей традицией античной гармонии, просветленности духа, превознесения разума, традицией, питающей новоевропейский гуманизм, одним из виднейших представителей которого был Кохановский, был для него труден. Характерно при этом, что он ведется «внутри» античного же жанра, средствами гуманистической поэзии, с использованием многочисленных явных и скрытых цитат из античных авторов, классических реминисценций и мифологических образов. Эта критика раздается «внутри» стана приверженцев классической традиции разума и гармонии, представляя собой скорее страстное вопрошание, диалог, поиск выхода, решения и успокоения, так и не приводя в итоге к окончательному разрыву с нею.

Эпиграф к циклу — именно цицероновский перевод двустипхия из «Одиссеи» Гомера о человеческих душах —

«Tales sunt hominum mentes, quali pater ipse
Iuppiter auctiferas lustravit lumine terras» (XVIII, 136—137) —

то самое место «Одиссеи», где говорится о скоротечности всего земного, особенно человеческой жизни, о беспечности человека, одаренного богами счастьем и не помышляющего о беде. Эти темы, разнообразно варьируясь, присутствуют во всем последующем цикле. Как эпиграф, так уже и первый трен задают и определяют философскую и стилистическую тональность

всего целого:

Wszystki płacze, wszystkie łzy Heraklitowe¹
I lamenty, i skargi Symonidowe²,
Wszystki troski na świecie, wszystkie wzdychania
I żale, i frasunki, i ręk łamania,
Wszystki a wszystkie za raz w dom się mój noście,
A mnie płakać mej wdzięcznej dziewczki pomożcie,
Z którą mię niepobożna śmierć rozdzieliła
I wszystkich moich pociech nagłe zbawiła.
Tak więc smok, upatrzysz gniazdko kryjome,
Słowiczki liche zbiera, a swe łakome
Gardło pasie, tymczasem matka szczebiece
Uboga, a na zbójcę coraz się miecc,
Próżno! bo i na samę okrutnik zmierza,
A ta nieboga ledwie umyka pierza³.
«Próżno płakać» — podobno drudzy rzeczenie.
Cóż, prze Bóg żywy, nie jest próżno na świecie?
Wszystko próżno! Macamy, gdzie miękcej w rzeczy,
A ono wszędy ciśnie! Błąd — wiek człowieczy!
Nie wiem, co złej: czy w smutku jawnie żałować,
Czyli się z przyrodzeniem gwałtem mocować?

[9, s. 601].

Темы отчаяния, утраты смысла, сомнения в разумности мироустройства и в оправданности его рационалистических обоснований по-разному варьируются на протяжении всего цикла, смелясь умиротворением, обретением вновь единственно подлинных, по мнению поэта — гуманистических — ценностей. Ю. Кшижановский разделяет установившийся взгляд на «Трены» как на исповедание веры поэта, справедливо отмечая, что они, имея исходным пунктом факт утраты любимого ребенка, вырастают до масштабов философской драмы — драмы первоначально поколебленного, но в конце концов устоявшего мировоззрения [9, s. 21].

И вот этот поэтический цикл великого польского поэта первым увидел свет в русском переводе в 1842 г. Цитированный выше 1-й трен в русском прозаическом переложении выглядел так:

«Стекитесь ко мне вы все — ах! все слезы, все стенания Гераклита, все жалобы, все сетования Симонида, все печали, все воздыхания, все скорби, все горести целого света, о, стекитесь ко мне... помогите мне заломать руки, помогите мне оплакать мою милую дочь, которую отняла у меня алчная смерть!... ах! эта смерть вдруг лишила меня всех радостей на земле!.. Вот, так точно дракон, заметив укрытое соловьиное гнездо, похищает из него неоперившихся птенчиков, и без жалости насыщает жадную свою гортань — тогда, как бедная соловьиная самка щебечет, мечется, кидается на алчного похитителя, кидается... но тщетно! дракон устремляется на нее, и она сама едва уносит перья! ... я знаю, люди скажут мне: „не плачь, горесть об умершем тщетна!“ Ах! что же не тщетно на свете? все прах, все суета! мы ищем радостей, а горе преследует нас! да, жизнь человеческая есть цепь заблуждений!... но я не знаю, что легче: заливать ли

¹ Упоминание Гераклита имеет здесь особый смысл. С одной стороны, Гераклит Эфесский (ок. 544—484 г. до н. э.), древнегреческий философ-диалектик, развивавший идею всеобщей изменчивости («все течет» или, как это трактовал Ф. Энгельс, все существует и в то же время не существует, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения» [11]), мог выступать воплощением печали по поводу преходящести всего земного. С другой, в своем учении о логосе Гераклит сочетал идею судьбы с понятием природной закономерности, что отразилось в философском содержании тренов Кохановского.

² Симонид Кеосский (ок. 556—468 до н. э.) — древнегреческий поэт, в чьих знаменитых тренах развивалась мысль о мимолетности и преходящести счастья, тонко отражались человеческие чувства.

³ Строки 9—14 являются реминисценцией из «Илиады» Гомера (II, 308—316):

Там на стебле высочайшем в гнезде под листьями тянся
Восьмь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая мать, недавно родившая пташек...
Всех дракон их пожрал, испускавших жалкие крики.
Мать кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стениющую мать [12].

слезами горе свое, или задавить чувство в груди, борясь и с природою и с несчастием?..» [13, с. 36—39].

Автору комментария к этим переводам было важно подчеркнуть прежде всего то, что «преобладание языческих идей и отсутствие христианских — отличительная черта сего поэта» [13, с. 36]. Одновременно он является и автором первого в русской критике отзыва о Кохановском.

Вообще анализируя хронологически различные характеристики творчества Кохановского, свидетельства его рецепции на русской почве, можно заметить, насколько в тех или иных исследованиях, помимо объекта описания, отразился уровень современного знания, система ценностей, специфика сознания и характерная для времени проблематика. Обратившись к эволюции оценок, даваемых русской наукой и критикой творчеству польского поэта, его отдельным произведениям, мы можем отметить и смену аспектов рассмотрения, и перенесение акцентов с одних сторон на другие, и изменяющуюся глубину анализа. Неизменность объекта исследования делает более очевидной закономерную и обусловленную процессом развития культурного сознания, эстетических представлений, социально-исторических требований изменчивость взглядов, оценок, суждений, связанных с данным объектом, в нашем случае — с произведениями Яна Кохановского.

Что касается характеристик личности и творчества польского поэта, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, то они по-своему также примечательны. Так, в посвященной поэту довольно обширной статье в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, далекой от сухого академизма и научной четкости, личность Кохановского определяется следующим образом: «Настоящий человек эпохи возрождения, светлый, спокойный, любящий, он не был способен к сильной страсти». Показателен отбор данных о поэте: отмечается его дворянское происхождение, сообщается о принадлежности к гербу Корвин, подчеркивается элитарность, причастность к античной традиции и отрыв от отечественной [14].

Ориентация редактора явно отражается на облике и направлении издания, ощущается в самих статьях. Например, в «Большой энциклопедии», одним из редакторов которой был С. Н. Южаков, принадлежавший к идеологам либерального народничества. Кохановский, напротив, представлен как истинно национальный поэт, чей вклад в развитие поэзии на отечественном языке аналогичен заслугам Ронсара перед французской поэзией. Редактору, высоко ценившему всякое проявление национального, пришлось сблизить польского и французского поэтов в гораздо большей степени, чем это имело место в действительности [15].

В наиболее популярном, рассчитанном на самую широкую публику, энциклопедическом словаре «Гранат» Кохановский предстает героем тривиального мифа — возвышенным отшельником, бегущим от мирской суеты, вдохновенным поэтом, убежденным в своем высоком призвании, отказывающимся от блестящей придворной карьеры ради деревенского уединения. Несколько выпренне-слащавая по тону, написанная вполне во вкусе средних классов начала века статья является первой подписанной энциклопедической статьей (автор — Л. Козловский) [16].

Такова информация, которую мог почерпнуть русский читатель конца XIX — начала XX в. из научно-популярных изданий своего времени, представлявших Кохановского то изысканным аристократом, далеким от судеб всего народа, то, напротив, выразителем народного духа, то придворным, то отшельником (см. также [17; 18]).

По-видимому, первым научным осмыслением творчества Кохановского в России явился монографический очерк В. Д. Спасовича в его совместном с А. Н. Пышиным «Обзоре истории славянских литератур» (1865) [19]. Спасович попытался дать достаточно объективную характеристику жизни и творчества поэта, избегая крайних оценок и используя достижения современной ему науки. Теоретический уровень очерка в целом отражает состояние литературоведческой мысли второй половины XIX в., ее методологические основания, в соответствии с которыми литературная критика и публицистика не были резко отделены от научного анализа.

Отмечая «беспредельную» любовь современников к Кохановскому, Спасович, однако, полагает, что «современной критике приходится значительно изменить этот приговор и отказать Кохановскому, при всей его художественности, в названии народного польского поэта». Ученый усматривает в близости Кохановского духу античной поэзии ущерб оригинальности его собственного творчества, что позволяет ему назвать поэта «величайшим и талантливейшим подражателем древним образцам». Заслуга польского поэта — в преобразовании, отделке, смягчении польского языка, который он «довел почти до степени музыкального инструмента».

Говоря о влиянии современных итальянских и французских поэтов, Спасович отмечает, что Кохановский не мог понимать Данте, ибо ему не мог быть «доступен глубокий восторженный мистицизм и страшная энергия воли» автора «Божественной комедии», а с другой стороны, Кохановский не мог воспринять Ариосто, поскольку доминанты его творчества — рыцарство и романтизм — были совершенно чужды славянскому миру. Кроме того, «тонкая ирония и шуточный скептицизм, знаменующие упадок и разложение общества итальянского, не могли приходиться по вкусу народу молодому, свежему, верующему в свои идеалы, к которому принадлежал Кохановский» [19, с. 381].

Для подхода Спасовича характерен учет социальных и историко-культурных факторов в интерпретации творчества поэта. Творчество это, в соответствии с тэновскими концепциями, под влиянием которых очевидно находился Спасович, оказывается изначально обусловленным состоянием тогдашнего общества (чуждость романтизму, склонность к нововведениям в религии, довольство своим настоящим и пренебрежение к своему прошлому), а сам поэт завоевывает свое значение постольку, поскольку «он был полнейшим выражением своего общества и умел высказать те благородные республиканские чувства, которые одушевляли это общество, чувства свободы, человеколюбия и глубокого сознания личного достоинства» [19, с. 386].

В мировоззренческом отношении Кохановский характеризуется Спасовичем также как «дитя своего века», чья гармоничная натура не допускала в себя сомнений и избежала внутренней борьбы. Спасович указывает, что в системе мировоззрения Кохановского спокойно уживались антагонистические воззрения, не приводившие к драме и конфликту. С одной стороны — римский католицизм, с другой — широко понимаемый теизм пластично совмещались с целым языческим Олимпом, позволяя носителю этих, как будто бы несовместимых взглядов, оставаться совершенно равнодушным к религиозным спорам своего времени, причем до такой степени, что остается неизвестным, на чью сторону — протестантов или католиков — он более склонялся. Спасович отмечает характерный факт отсутствия в творчестве Кохановского элементов христианской мифологии [19, с. 387].

Первая русская монография, посвященная жизни и творчеству Кохановского, была написана молодым ученым Н. Э. Глокке на историко-филологическом факультете императорского университета св. Владимира под руководством Т. Д. Флоринского [20]. К ней были приложены анонимные (возможно, выполненные автором) переводы некоторых произведений (в частности 1, 2, 3, 7 и 8 тренов) Кохановского⁴. Так выглядел первый русский стихотворный перевод того же 1-го трена:

Все слезы, что в мире лился от века,
Все вздохи и жалобы древних певцов.
Все думы над горькой судьбой человека
Я слить в моей скорби глубокой готов,
Чтобы ими оплакать мою дорогую.
Мою ненаглядную, милую дочь,
Чью жизнь, словно ангел небесный, святую
Успела безбожная смерть превозмочь.
Так ястреб птенцов из гнезда похищает...

⁴ Следует отметить, что они отсутствуют в польской библиографии «Новый Корбуль» [21], как и в библиографии переводов Кохановского А. Бара [8].

Напрасно щебечет несчастная мать,
 Напрасно за хищником дерзким летает,
 Стараясь детей своих милых отнять...
 Мне скажут, что горькие жалобы тщетны...
 А что же не тщетно на вашей земле?
 Все в мире ничтожно, как прах, незаметно,
 Все суетно, ложно и тонет во зле.⁵
 Не знаю, что лучше: дать волю рыданиям⁶
 Иль молча бороться с жестокой судьбой,
 С одним неизменным, глубоким сознанием
 Ничем не окончить свой дерзостный бой? [20, с. 297].

Автор его счел необходимым сохранить эквилинеарность, однако пожертвовал размером (у Кохановского — 12-сложник), давая чередование 12- и 11-сложных стихов, а также принципом рифмовки — у Кохановского она парная (аавв), здесь же — перекрестная (авав). Кроме того, силлабический стих Кохановского он передает четырехкратным дактилем.

Здесь же дан первый в русской научной литературе подробный анализ «лебединой песни» поэта — «Тренев» [20, с. 254—280], внутреннего развития цикла и его идейных коллизий. Ученый внимательно исследует содержание отдельных тренов, движение лирического сюжета: столкновение чувства и разума, веры и сомнения, нарастание отчаяния до «крайних пределов» (X трен), начинающийся перелом «в душе поэта», когда «прежний скептицизм постепенно уступает место смирению, невозможность постигнуть тайны природы объясняется несовершенством человеческого разума» (XI трен); наступающее затем «полное раскаяние» (XVIII трен) и «утешение» (XIX трен), в котором Глокке обнаруживает элементы заимствования не только у Сенеки, но и у «христианских писателей» [20, с. 276, 278]. Несмотря на обнаруживаемые в цикле влияния и заимствования, Н. Глокке, интересовавшийся в «Тренах» прежде всего духовным содержанием, считает их отражением всех лучших сторон поэтического дарования Кохановского, всей его «индивидуальности» [20, с. 281].

В монографии применен биографический метод исследования, при котором жизнь и творчество рассматриваются в неразрывном единстве, как бы просвечивая друг в друге, а интерпретация основана на отражении биографии в творчестве. С современной точки зрения приходится признать метод Глокке, обусловленный романтическими и постромантическими концепциями биографии художника, в большей степени наивно-сентиментальным, чем научным. Подобный неделимый синтез психологии поэта, поступков и произведений, который осуществлен на страницах монографии, отражает направление современных автору воззрений и состояние научных изысканий в области литературы. Творчество рассматривается как источник биографических данных, а биография — как объяснение творчества. Кохановский предстает здесь истинным гуманистом, человеком с быстрым умом, впечатлительной натурой, свойственной «истому поляку и славянину», эклектиком в философских убеждениях, чья вера колеблется, а нрав портится под воздействием современных вопросов и сомнений, однако, подлинным христианином в лучшем значении этого слова. Глокке в конце своей книги отмечает и факт литературной, а не только биографической обусловленности произведений Кохановского, не подвергая при этом сомнению свой метод в целом: «Отражая живую действительность в своих произведениях, он старался сглаживать ее, подводя под условные литературные формы, что составляло особенность писателей-гуманистов, влияние которых на каждом шагу сказывалось в Кохановском» [20, с. 290].

Учитывая общий характер работы Глокке, следует, тем не менее, признать значительность первого обширного биографического труда, посвященного жизни и творчеству Кохановского в русской научной лите-

⁵ Н. Глокке видит здесь заимствование из 39 псалма (в Синодальном издании — 38): «... век мой, как ничто перед Тобою. Подлинно, совершенная суета всякий человек живущий».

⁶ Эту дилемму Глокке считает существенной и для всех остальных тренов цикла. Очевидно, поэтому он вдвое увеличивает количество стихов, отводимых ей в оригинале.

ратуре, написанного с учетом имевшейся польской литературы по данному вопросу и дававшего образованным кругам русского общества возможность детального ознакомления с выдающимся явлением польской поэзии.

Примечательно, что в том же 1898 г. и в том же научном центре — киевском императорском университете св. Владимира выходит работа И. Ф. Кожина «Критические этюды о некоторых лирических произведениях Яна Кохановского» [22], отчасти полемическая по отношению к монографии Н. Э. Глокке. Задачи, которые ставит перед собой исследователь, сформулированы в начале работы достаточно четко и скромно: во-первых, к ним относится попытка установить, «имеет ли любовная лирика Кохановского биографическую ценность» (заметим, что этот вопрос связи жизни и творчества постоянно волнует русских ученых), и во-вторых, «дают ли трены право заключать о пожизненных сомнениях поэта в христианском догмате». Область исследования по сравнению с трудом Глокке здесь значительно уже, однако, рассмотрение проблем носит гораздо более глубокий характер и осуществляется в идейно-эстетическом контексте европейского гуманизма XVI в., с которым Кожин связывает генеалогию идей и эстетических принципов Кохановского. При этом исследователь полагает, что классические авторитеты более привлекали Кохановского, чем новоевропейские, благодаря чему он «не сделался сонетистом во вкусе итальянской школы», хотя и был с нею хорошо знаком. «Избранником» Кохановского, по мнению Кожина, является Тибулл (элегия к Делии), как внутренними, мировоззренческими (горестный характер любви), так и внешними, литературно-стилистическими элементами (отсутствие периодической речи, приемы усиления впечатления) близкий польскому поэту.

Кожин отмечает и следы влияния других элегиков на Кохановского — отдельные заимствования у Овидия и Катулла, более серьезную связь с Проперцием. Эти наблюдения ученого позволяют ему сделать вывод, противоположный Глокке, а именно определить характер элегий как литературный.

Отрицательно отвечает исследователь и на второй из поставленных им вопросов — о «неустойчивости поэта в христианских верованиях», отразившейся в «Тренах». Ученый обнаруживает в них и признаки «поступательного движения его духа», в результате чего христианская идея восторжествовала над «гуманистическими заблуждениями». Примечательно, что этот вопрос мировоззрения поэта Кожин рассматривает на фоне более широких идейных процессов в современном Кохановскому польском обществе.

Выдвигая на первый план именно духовный аспект тренов Кохановского, И. Кожин уподобляет внутреннюю драму Кохановского драматическим событиям того времени, переживаемым польским обществом в целом, с той, однако, разницей, что «поэт возвратился к вере отцов от язычества, а народ — от протестантских волнений. Эта аналогия поднимает трены до высоты исторического памятника, служащего символом духовного просветления целой нации в последней четверти XVI столетия» [22, с. 37]. Скептицизм поэта в догматах веры ученый считает случайным, вызванным скорбью по поводу утраты дочери.

Работа И. Ф. Кожина, как и следующие хронологически за ней статьи Г. Э. Зенгера 1904—1911 гг., посвященные латинским произведениям Кохановского [23—26], свидетельствуют о переходе к следующему этапу более глубокого, тщательного и детального изучения творчества поэта, отдельных его произведений.

Новый вклад в изучение творчества польского поэта был сделан университетским профессором-славистом А. Л. Погодиным в его «Лекциях по истории польской литературы» (1915), где анализ сопровождался подстрочным переводом целого ряда произведений Кохановского (в частности 1, 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 18 тренов и «Отказа греческим послам»). Основной идеей Погодина является новаторство Кохановского, в котором он видит поэта, намного опередившего свою эпоху, «исключительное явле-

ние в польской литературе XVI в.» По мнению ученого, Кохановский — «истинный поэт, для которого поэзия была стихией, а не побочным занятием», нимало не уступавший величайшим поэтам того времени (например, Петрарке), силой своего таланта поднял литературу на недостижимую высоту [27, с. 260].

Анализируя «Трены», Погодин пишет: «Горе с течением времени становится рефлексивным. Кохановский начинает уже считаться с Богом. Зачем нужны добродетели и стремления к совершенству, когда возмездием является незаслуженная смерть дорогого ребенка? Эта проблема, которая возникает и у современного человека, но средневековый человек смотрел иначе: „ходит коса и жизнь косит“ — вот взгляд средневекового человека» [27, с. 255].

Весьма характерны расхождения русских ученых в оценке «Тренов», также, на наш взгляд, свидетельствующие о достижении новой, более высокой стадии научного осмысления объекта, на которой возникает полемика. А. Л. Погодин, проводя свою главную мысль о том, что Кохановский опередил свой век, указывает именно на «Трены», в которых, по его мнению, поэтическое чувство Кохановского совершенно оригинально и достигает своего апогея. В этой связи, полагает ученый, — «Трены» не были по достоинству оценены современниками, заслужив признание лишь в XVIII в.

«Шедевром творчества» Кохановского в художественном отношении, выражением безысходного родительского горя считает «Трены» и Н. С. Державин, разделяющий с Погодиным общую высокую оценку польского поэта: «Со времени Кохановского историк польской литературы впервые может говорить о польской поэзии в истинном смысле этого слова, так как до Кохановского поэзии, собственно говоря, Польша не знала» [28].

Иной взгляд на «Трены» представляет Н. Петровский, воздающий, однако, должное заслугам Кохановского в деле «создания настоящей польской поэзии, значительной по содержанию, изящной по форме и доступной по языку каждому поляку». «Трудно подписаться, — считает он, — под дипломом на звание лучшего произведения Кохановского, который желают выдать „Тренам“ некоторые ценители. Несомненно, что в основе этих элегий лежало искреннее скорбное чувство, но выражено оно в таких формах, которые несколько заслонило его. Во-первых, Кохановский не сумел и здесь обойтись без реминисценций из чужих, главным образом, античных писателей (Сенека, Цицерон, Квинтилиан, Плутарх, Софокл, Мосх, Архилох, Лукреций, Гораций, а может быть и Проперций и Ариост). Подобные заимствования, нимало не портя впечатления в рефлексивной лирике, ослабляют его в непосредственной поэзии скорби, поэзии, за которую критика выдает „Трены“» [29, с. 12].

Показательно, что во многих высказываниях русских ученых явно или подспудно присутствует постулат непосредственности выражения, подлинности чувства, аутентичности переживания. Преимущественное внимание к идее, содержанию, отличающее вообще и русскую литературу и русскую науку о литературе, способствует постановке в первую очередь вопроса о самобытности, оригинальности, самостоятельности. Характерной в этом отношении представляется интерпретация Н. Петровским «Отказа греческим послан» Кохановского. Для исследователя важно прежде всего, насколько, где, как и в чем в форме античной трагедии проявляется личность автора — христианина и поляка XVI в., его самостоятельность в рамках заимствованного у драматургов античности жанра. Отличие обнаруживается именно в общей идее «Отказа», ибо в античной трагедии герои страдают независимо от своих добродетелей или пороков, в силу необходимости, карающей их за грехи предков, в то время как в понимании Кохановского Троя гибнет в результате преступлений самих троянцев, что является, по мнению Петровского, уже не языческим, а христианским принципом (соблюдение нравственного закона). Далее в своем анализе исследователь вскрывает ряд деталей, обнаруживающих в авторе поляка (например, изображение совещания троянцев как совещания польского сейма и др.), т. е. акцент ставится на национальной

определенности и гражданской zaangażированности творчества, что показательно для одной из ведущих тенденций русской науки того времени.

В советской науке также возникает полемика по вопросу оценки и интерпретации последнего поэтического цикла Кохановского. Новый этап его рецепции на русской почве был ознаменован выходом в 1960 г. первого сборника избранных произведений польского поэта (в академической серии «Литературные памятники»), открывающегося — вопреки хронологии создания — полным переводом «Тренов», выполненным С. Советовым и Вс. Рождественским.

Приведем для сравнения с предыдущими перевод 1-го трена из этого издания:

Потоки горьких слез, все плачи Гераклита,
Скорбь Симонидова, что тернием обвита,
И все страдания, и каждый вздох людской,
Ломанье рук и вопль, сплетенные с тоской:
Неситесь все в мой дом, в мое гнездо родное,
Чтоб девочку мою оплакивать со мною,
Ту девочку, что смерть так незаконно вдруг,
Усладу дней моих, похитила из рук.
Не так же ли дракон, вокруг гнезда летая,
Соловухек берет и жадно их глотает,
Стремясь насытиться: а в это время мать ?
Щебечет, бедная, их рвется защищать;
Но тщетно! И она подвластна пасти зверя.
Сама, несчастная, едва спасает перья,
Другие скажут мне: бесплодно слезы лить?
Что ж не бесплодно там, где дышит власть земли?
Все суетно. Искать, где мягче, где спасенье,
Напрасно, — всюду гнет: жизнь наша — заблужденье!
Кто облегченье даст: скорбь, что всегда со мной.
Иль дерзкая борьба с природою земной? [30, с. 9—19].

Пер. С. Советова

Этот перевод можно признать довольно точным в смысловом отношении. Неизбежные при поэтической передаче этого относительно сложного текста неудачи (к ним следует отнести неточные переводческие добавления во 2-й — «скорбь.., что тернием обвита» — и в 16-й строке — «где дышит власть земли», а также некоторые досадные недостатки типа «подвластна пасти», «спасает перья») не снижают в целом благоприятного впечатления сравнительной верности оригиналу. Сохраняя парную рифмовку этого трена и количество его строк, С. Советов, однако, чередует парные 13-сложники с 12-сложниками, а не придерживается последовательно одного размера, и чередует парные женские и мужские рифмы, а не использует лишь женские, как в оригинале. В обращении к этому размеру, в использовании четырехдольника ощутимо стремление переводчика учесть опыт русских поэтов-силлабистов, хотя и передавая силлабическое произведение средствами силлаботонической системы.

В опубликованной в «Приложениях» к этому изданию статье В. Б. Оболевича «Ян Кохановский и его литературная деятельность» «Трены» рассматриваются как вершина творчества поэта, большое новшество в современной ему поэзии, превзошедшее все известные в то время шедевры ее «скорбного» направления [30, с. 303]. Исследователь выделяет два основных на его взгляд элемента цикла — психологическую достоверность и бытовой реализм описаний: «В „Тренах“ наиболее выразительно проявилось дарование польского поэта. Раскрыв психологически правдиво эволюцию переживаний человека в большом горе (взрыв отчаяния, поиски утешения, постепенное затихание боли, признание законов природы и примирение с жизнью), Кохановский одновременно дал яркие зарисовки быта и семейных отношений средних кругов польского общества XVI в. Все здесь жизненно и колоритно» [30, с. 303].

И. Н. Голенищев-Кутузов, напротив, не согласен с мнением тех историков литературы, которые считают «Трены» Кохановского его лучшим лирическим произведением, ибо, по его мнению, «тема смерти не была темой Кохановского», и в этих произведениях «он не достигает ни той выра-

зительности, которая так часто встречается в его польских песнях, ни отточенности мысли и ясности образов, свойственных его польским и латинским эпиграммам. Конечно, можно найти и в надгробных элегиях Кохановского отдельные стихи несомненного поэтического достоинства, но они соседствуют весьма часто со стихами риторическими, религиозно-декларативными и с расхолаживающими реминисценциями там, где им не должно было бы быть места». Здесь его оценка близка цитированному суждению Н. Петровского. Единственное достоинство цикла ученый видит в создании образа Уршулы, глубоко вошедшего в польскую культуру и живущего в ней своею жизнью, «заставляя забывать о художественных недостатках „траурного цикла“» [31; см. также 10, с. 20—21].

Если И. Н. Голенищев-Кутузов указывает на древность традиции и распространенность жанра, вместе с М. Берсано-Бегей [32] ставит вопрос о влиянии Понтано на Кохановского (оговаривая, впрочем, что классическое образование могло вызвать схожие образы у обоих поэтов), то В. Б. Оболевич, напротив, считает все рассуждения о заимствованиях и влияниях в «Тренах» преувеличенными. По его мнению, «в те времена повального увлечения античностью вся мифология, философские концепции древних мудрецов и основы классической поэтики служили для гуманистов художественными средствами, обычной формой выражения мыслей, чувств, настроений современников, отображения общественно-политической, культурно-бытовой и умственной жизни своего времени» [30, с. 302].

Настоящая на оригинальности, самобытности «Тренов», на их глубоко национальном характере [33, с. 142], утверждая, что «нет ничего более несостоятельного, как отыскивать (по случайным, формальным признакам) в глубоко самобытных по форме и содержанию произведениях (...) Кохановского только фундамент античной и западноевропейской культуры» [34, с. 30], В. Б. Оболевич впадает в другую крайность. Связь Кохановского, как и многих подлинных гуманистов его времени, с античной культурой, с классическим наследием отнюдь не была поверхностной и формальной, но составляла живую основу создаваемой ими новоевропейской ренессансной культуры. Если бы это было не так, «Трены» утратили бы значительную часть своего драматизма, превращаясь лишь в поэтический дневник родительского горя (каким, по существу, они и представляются В. Б. Оболевичу), но не становясь философской трагедией, лирическим свидетельством внезапно рухнувшей системы мирозерцания. А для ренессансного сознания, воспитанного на античных идеалах соответствия действий, поступков — идеям и словам, образа жизни — образу мысли подобное крушение оборачивалось не просто кризисом взглядов, известным скорее более поздним эпохам и разрешающимся обычно сменой идейных установок, но жизненной катастрофой, крахом самого существования. Вот почему так высок трагизм «Тренов», восходящий от единичного, случайного, частного — к всеобщему, философскому, и возвращающийся вновь — но уже на новом уровне постижения — к той высшей ценности и мере всех вещей, какой был для мыслителей античности и для их наследников — гуманистов — человек.

Останавливаясь лишь на элементах психологической достоверности и реалистичности зарисовок цикла (которые безусловно в нем присутствуют), В. Б. Оболевич оставляет вне поля своего внимания весь его философский драматизм, напряженные поиски поэтом «символа веры», глубокий внутренний смысл сюжетного развития цикла. Подобный подход философовского наполнения «Тренов», которое предстает исследователю «холодными рассудочными умозаключениями о жизни и смерти» [34, с. 30].

Иная по существу интерпретация «Тренов» Кохановского представлена в работах Б. Ф. Стахеева, уже в краткой энциклопедической статье характеризовавшего их как сочетание психологически правдивого воспроизведения человеческого горя с «драматизмом философской рефлексии, источник которой — сознание трагического противоречия между челове-

ческими привязанностями и неумолимостью законов природы» [35]. В написанном Б. Ф. Стахеевым совместно с Л. В. Разумовской монографическом очерке о Кохановском в академической «Истории польской литературы» при анализе «Тренов», названных авторами шедевром поэта, основное внимание уделено тем внутренним идейным коллизиям и перипетиям цикла, благодаря которым он становится «философско-поэтическим трактатом». Авторы исследуют, как в результате трагического вынесения — под влиянием жизненной драмы — вечной проблемы жизни и смерти за пределы сферы чистого размышления «философ становится псалмопевцем: наступает капитуляция, возникает убеждение в невозможности обрести спокойствие через доводы разума, происходит обращение к религии, к мысли о полной зависимости человека от непостижимой воли божьей, о смерти как избавлении от зла и страдания. Но и это не успокоение, не исчерпывающий вывод». Они, по мнению авторов, приходят лишь тогда, когда «трагическая коллизия разрешается все-таки возвращением к жизни и к доводам разума» [36].

Продолжая углубление исследования именно этого — смыслового, философского — уровня «Тренов», Б. Ф. Стахеев в своей статье, предваряющей хронологически последнее издание русских переводов из Кохановского, приуроченное к 450-летию со дня рождения поэта, анализирует уже то внутреннее идейное движение цикла, которое осуществляется «за» примиряющей и рефлексивно-успокоительной итоговой чертой: «Кризис как бы отдаляется от израненного сердца, несчастью не удастся раздавить поэта, он — со всеми своими понятиями — остается непобежденным и остается собой (ибо немислимо было для его натуры духовное преобразование — например, в вечного бунтаря, живущего в сознательной ссоре с богом). И все-таки борьба оставила след неизгладимый. (...) „Трены“ стали и свидетельством того, что людские несчастья и противоречия бытия до конца не охватывались и не исчерпывались той системой понятий, которую диктовала гуманистическая гармония, что не было в этих понятиях всецелительной силы, что жизнь была сложнее и труднее любой этики». При этом исследователь, подобно русским ученым прошлого века, стремится рассмотреть драматический конфликт Кохановского в сопоставлении с гуманистическим направлением польской поэзии в целом, также отразившим кризис гуманизма [37, с. 13—14].

Продолжается и художественное освоение наследия Кохановского на русской почве. Вступающие в поэтическое соревнование с предшественниками современные поэты-переводчики все более увеличивают дистанцию мастерства, отделяющую их работы от первых, иногда наивно-простодушных, порой слащаво-сентиментальных (ср. первый приводившийся здесь прозаический перевод 1-го трена 1842 г.), не удовлетворяющих современным требованиям и нормам, переводов произведений Кохановского на русский язык. Современных переводов достаточно много и в нашу задачу не входит их обзор и оценка (см. об этом [38]), отметим лишь, что если в первое упомянутое русское издание Кохановского [30] входили лишь переводы его польских произведений, то последующие были дополнены также переводами с латинского языка [10; 37]. Примером возросшего уровня переводческого мастерства может послужить опубликованный в них перевод 1-го трена, выполненный Д. Самойловым:

Все слезы Гераклита, его рыдания,
 Все плачи Симонида и причитанья,
 Все скорби, печали, молящие руки,
 Все заботы на свете, всю боль, все муки —
 Все несите ко мне, у дома сложите
 И оплакать дочурку мне помогите;
 Ведь безбожная смерть, за что-то в отмщенье,
 Навсегда отняла мое утешенье.
 Так зловещий дракон из гнезда соловьиных
 Слепышей похищает, птишек невинных,
 Чтоб натешить свой зоб: а мать-соловьяха,
 Щебеча, отвести старается лихо.
 Но напрасно! Злодей на нее уже мчится,
 Еле перья уносит бедная птица!

Скажет кто-то: «Рыданья тщетны!» И что же?
 Что не тщетно в сем мире, о боже, боже?
 Все тщетно! Мы плавать хотим, где глыбко,
 И стоим на мели. Наш век — ошибка.
 И что легче: стонать в печальном смиренье
 Иль с природой сойтись в неравном борежье? [40, с. 136].

Как представляется, этот перевод может быть сочтен наиболее адекватным оригиналу и в содержательно-смысловом, и в формальном отношении (сохранены и размер, за небольшим исключением: 13 строка является 13-сложником, а 17 и 18 — 11-сложниками — и парный принцип рифмовки оригинала, а главное — поэт создал силлабический перевод, в значительно большей степени, чем предыдущие силлаботонические, передающий специфику польской поэтической речи). При этом стихотворение прекрасно и легко звучит по-русски, достойно представляя польского поэта русскому читателю. Издержки перевода здесь минимальны: к ним можно отнести неточность передачи смысла 18 строки, в данном случае более удачно получившейся у С. Советова (ср. — «жизнь наша — заблужденье!»), неловкость интонационно-смыслового стыка (перехода) между 18 и 19 строкой, и, пожалуй, использование просторечного «глыбко» в 17 строке. Однако эти мелкие недостатки не умаляют достоинств этого мастерского перевода, свидетельствующего о новом качественном уровне освоения поэтического наследия поэта польского Возрождения.

Проследив некоторые моменты истории восприятия творчества Яна Кохановского русской литературой и критикой, мы надеемся тем самым способствовать большей осознанности и целенаправленности этого интересного процесса, еще далекого от желаемой полноты и глубины. Интересного, в частности, потому, что благодаря ему происходит обогащение русской культуры, не знавшей Ренессанса в том его полноценном облике, который известен культуре польской, высшими достижениями гуманистического наследия Возрождения родственного славянского народа. При этом следует отметить, что изучение, освоение и интерпретация творчества величайшего поэта польского Возрождения еще не занимают в отечественных славистических исследованиях должного места, хотя в высшей степени этого заслуживают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический Вестник. Т. XVII. СПб., 1884, с. 223.
2. Лавицкая Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей реценции польской книги и литературы в России XVII в. — Советское славяноведение, 1980, № 6, с. 74—78; Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели. — В кн.: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983, с. 165—179.
3. Полоцкий Симеон. Псалтир царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слога, и согласноконечно, по различным стихом родом предложена. М., 1680.
4. Глокке Н. Э. Римотворная псалтырь Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского. Киев, 1896.
5. Державина О. А. Симеон Полоцкий в работе над «Псалтырью рифмотворной». — В кн.: Русская старопечатная литература XVI — первая четверть XVIII в. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, с. 116—133.
6. Слово поучительное святейшаго Иоакима патриарха всероссийскаго. — В кн.: Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865, с. 137.
7. Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 56—70; Позднеев А. В. Польский элемент в русских рукописных песенниках XVII в. — В кн.: Литературные связи древних славян. ТОДРЛ, Т. XXIII. Л., 1968, с. 143—170.
8. Ваг А. Jan Kochanowski w obcych językach. Próba bibliografii. Kraków, 1930.
9. Kochanowski Jan. Dzieła polskie. Opr. J. Krzyżanowski. Wyd. 7, Warszawa, 1972.
10. Кохановский Ян. Лирика. М., 1970.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 19—20.
12. Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. СПб., 1884, с. 31.
13. Кохановский Иоанн. Трени на смерть маленькой дочери. Пер. с польского Писемского. — Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности. Т. III. СПб., 1842.

14. *Брокгауз и Эфрон*. Новый энциклопедический словарь. Т. 16, СПб., 1895, с. 455.
15. Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милокова. Т. II. СПб., 4-е изд., 1903, с. 428.
16. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 25, изд. 7е, 1909, с. 312—314.
17. Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. В. Старчевского-Крайя. Т. 1—12. СПб., т. 6, 1847, с. 875.
18. Русский энциклопедический словарь. Т. III. Под ред. И. Н. Березина. СПб., 1878, с. 379.
19. *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.
20. *Глобке Н. Э.* Ян Кохановский и его значение в истории польской образованности XVI в. Киев, 1898.
21. Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut, t. 2, Warszawa, 1964, s. 338.
22. *Кожин И. Ф.* Критические этюды о некоторых лирических произведениях Яна Кохановского. Киев, 1898.
23. *Зенгер Г. Э.* К латинским стихотворениям Яна Кохановского. Киев, 1904.
24. *Зенгер Г. Э.* Ответ проф. Ф. Ф. Вержбовскому. СПб., 1904.
25. *Зенгер Г. Э.* Две петербургские рукописи латинских стихотворений Яна Кохановского. СПб., 1905.
26. *Зенгер Г. Э.* Об одном недоразумении у Яна Кохановского и Торквато Тассо. Нежин, 1911.
27. *Погодин А. Л.* Лекции по истории польской литературы. Харьков, 1915.
28. *Державин Н.* Литература независимой Польши.— В кн.: Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Пг., 1916, с. 370.
29. *Петровский Н.* Введение к кн.: Ян Кохановский. Отказ греческим послам. Казань, 1917.
30. *Кохановский Ян.* Избранные произведения. Изд. подгот. С. С. Советов. М.—Л., 1960.
31. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, с. 291.
32. *Bersano-Begey M.* «Treni» e «Tumuli».— Rivista di Letterature Slave, maggio-giugno, 1930, p. 167—173.
33. *Оболевич В. Б.* История польской литературы. Л., 1983.
34. *Оболевич В. Б.* Ян Кохановский и проблема народности древнепольской литературы.— Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук. Л., 1971.
35. КЛЭ. Т. 3. М., 1966, стлб. 781.
36. *Разумовская Л. В., Стахеев Б. Ф.* Ян Кохановский.— В кн.: История польской литературы. Т. I. М., 1968, с. 75—76.
37. *Стахеев Б. Ф.* Ян Кохановский.— В кн.: Ян Кохановский. Стихотворения. М., 1980.
38. *Cybienko H.* O tłumaczeniach utworów Jana Kochanowskiego na język rosyjski.— «Rocznik Świętokrzyski» Kieleckiego Towarzystwa Naukowego, t. IX, 1981, s. 337—346.

ИДЕЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИСЛАМИЗАЦИИ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ БОЛГАР XV—XVI ВЕКОВ

Завоевание болгарских земель османами сопровождалось разгромом многих монастырей и монастырских библиотек. Естественным результатом этого явилось ослабление книжных центров. Установление османского господства вызвало смещение, переориентацию основных функций, исполняемых уцелевшими монастырями и церквами. Продолжая сохранять славянское богослужение и старую рукописную традицию, эти культовые центры болгар стали выполнять не только и не столько религиозную, сколько «народно-болгарскую культурно-историческую функцию» [1, с. 352]. Возрастание значения этой «народной» функции, превращение ее в одну из ведущих, произошло вследствие уничтожения прежних политических институтов болгар и обусловлено османской политикой обращения православного населения в ислам.

Одно из наиболее ярких проявлений антагонизма между православным болгарским населением и османами-мусульманами выражалось в столкновении двух религий, вскоре приведшем болгар к осознанию взаимосвязи между принятием ислама и утратой народности.

Сокращение объема и уменьшение значения рукописной книжной деятельности как фактора национального общения компенсировались устным общением, фольклором. Именно этим объясняется один из парадоксов болгарского литературного развития, когда фольклор опережает книжность [2, с. 342—343], а «вся культура болгарского народа... принимает крестьянско-фольклорный характер и облик» [1, с. 354]. Болгарский фольклор «был значительно богаче письменной литературы в смысле идеологии и принял на себя ее многие идеологические функции» [3, с. 186]. Будучи непосредственным свидетельством исторического мировоззрения народа, эпос являлся самой массовой и доходчивой формой воздействия на умы и сердца болгар. Мы воспользуемся этим фольклорным материалом как своеобразным историческим источником для реконструкции идейной стороны сопротивления болгар османской исламизации.

Возникшие в первые века османского господства, исторические песни болгар дошли до нас, передаваясь от поколения к поколению, и привлекли внимание деятелей культуры. В числе первых собирателей и исследователей болгарского песенного творчества имена В. Караджича (в 1815—1822 гг. опубликовал 28 песен) и Ю. Венелина [4—5]. Долгое время основным источником изучения болгарского фольклора служил сборник песен, изданный П. А. Бессоновым [6]. В 1861 г. были опубликованы песни, собранные братьями Миладиновыми [7]. Сбором и изданием болгарских народных песен занимались Н. В. Гербель [8], В. В. Качановский [9], П. Михайлов [10] и др.

Новый этап в сборе, научном осмыслении и издании болгарского фольклора начался после 1944 г. За последние десятилетия в Софии вышло многотомное издание «Болгарское народное творчество» [11]; были изданы ле-

тенды, предания и песни Родопского края [12] и ряд других сборников; состоялась первая научная сессия по проблемам родопского фольклора [13]. В 1978 г. издается монография С. Стоева [14], в которой на основе анализа болгарского фольклора прослеживается процесс формирования и развития сознания болгарского народа на протяжении его тринадцативековой истории. Значительное место автор уделит эволюции мировоззрения своего народа в период османского ига. В следующем году вышла книга Н. Примовского о гайдуцких песнях в Родопах [15] и др.

Ценным вкладом в изучение болгарского фольклора служат работы советских ученых: Н. С. Державина [16], Н. Гридасовой [17], Н. И. Кравцова [18]; И. М. Шептунова [19] и др. Издаются «Антология болгарской поэзии» [20] и «Эпос славянских народов» [21]; выходят статьи о специфике болгарских гайдуцких песен [22, с. 120—133]. Новое решение некоторых методологических вопросов изучения истории славянского фольклора, в том числе и болгарского, дается в монографии Ю. И. Смирнова [23], являвшегося также составителем и автором статьи к «Песням южных славян» [24]. Опубликованные здесь тексты представляют наиболее характерные образцы южнославянского устного народного творчества. Значительное место в этой антологии уделено болгарскому фольклору. Можно с уверенностью сказать, что в нашей стране сложилась надежная источниковая и историографическая база для дальнейшего изучения фольклора, который, как и различные формы проявления духовной культуры, вызывает все больший интерес исследователей. И это понятно, ибо «фольклорным способом» широкие народные массы создали «исторически переменный (в плане содержания) информативный фонд, зафиксированный в слове и образе» [25, с. 3—4]. Будучи отражением действительности, преломленной через призму определенного исторического миропонимания, произведения народного творчества, разумеется, не могли быть неизменными на протяжении всего времени своего существования. Поэтому изучение фольклорного творчества болгар XV—XVI вв. (как и других народов) требует учета стиля мышления народа в этот период, и главных задач, стоявших перед ним¹.

Завоевание Болгарии привело к перелицовке многих уцелевших текстов песен. В них наблюдается смена сюжетов и персонажей: на первый план выдвигаются идеальные «вечные» защитники народа (в основу песен положены либо воспоминания о таких исторических лицах — участниках борьбы против иноземных завоевателей, как Момчил, либо обобщенные эпические образы — например Стоян, не имеющий конкретного исторического прототипа), подвиги юнаков и гайдуков, сопротивление насильственной исламизации, драматические судьбы «потурченных» (бегство, гибель в муках, чудесное спасение, возвращение и «узнавания» и т. п.) [27; 23, с. 37; с. 11].

Хотя для преданий, легенд и народных песен зачастую невозможно установить прообраз или выяснить, по какому конкретному поводу они создавались, однако связь многих преданий с местной топонимикой дает основания предполагать их историчность. Их широкое распространение отмечал еще К. Иречек [28, с. 413, 492]. Те из них, которые связаны с первыми годами ига, обычно указывают на время «когда турки пришли в наши земли» [11, т. XI, с. 201—207].

В этих преданиях часто фигурируют «Момин камък» (девичий камень), «Невестин камък» (камень невесты), «Момин скок» (девушка прыгнула), восходящие к одному и тому же сюжету: болгарки, спасаясь от надругательства либо от обращения в ислам, выбирали смерть и бросались в реку или в пропасть. Этот мотив встречается в преданиях Восточно-Родопской области о девушках Искре, Кере, Ирине, чьими именами названы определенные местности. Даже после гибели они оказывали помощь своему народу. Во время завоевания османами Родопского края на «момин камък» сидела «камана мома» (каменная девушка) забрдовчанка (из с. Забрдо),

¹ Говоря словами А. Я. Гуревича: «...внимание исследователя должны привлечь и содержание и форма памятника, и его социально-культурная функция» [26, с. 7].

которая предупреждала крестьян о грозящей опасности [13, с. 179; 29, с. 70; 12, с. 133—134].

Нередко в народные исторические предания, связанные с исламизацией, вплетается и мотив об исполнении молитвы, обращенной к богу. В центре двух таких преданий — красавицы Кани (первое — «Станин гроб» из с. Джерово, второе связано с каменистой местностью недалеко от с. Широко поле), пожелавшие «камнем стать», но сохранить «честь и веру свою». Г. Каменов верно отмечает, что, используя мотив «вкамевяването» (окаменения, превращения в камень), народный сказитель хотел показать стойкость болгарок. Не случайно предание гласит, что твердость Кани стала примером и для тех болгарок, которые уже изверились, стали малодушными [29, с. 70]. Связь указанных преданий с антиосманскими настроениями объясняется тем, что молодые болгарки чаще всего становились объектом насилия и посягательств со стороны османов. Стремясь сломить стойкость болгарок, они применяли самые жестокие меры не только к ним, но и к родным (хотя не исключено, что здесь мы имеем дело с гиперболой):

<...> трима турци анадолци
машко дете на шип пекот.
Майка му са нагодили
да му върти' шишовене,
баща му са нагодили!
да му стика огъшовене,
братче му са нагодили,
да му сбира сухи дърва

[13, с. 112—113].

<...> трое турок анатолійцев
мальчина ребенка на вертеле цекут.
Мать его заставили
вертела вертеть,
отца его заставили
поддерживать огни,
брата его заставили,
собирать сухие дрова²

Похищенные или захваченные, болгарки не только лишались прежней свободы, но и производили на свет потомство, которое уже считалось османским. Но это еще не значило, что болгарки смирились со своим положением. Согласно сюжету песни «Калина — пленница татар», которая часто исполнялась в период османского ига³, похитители спустя десять лет («девять лет по полю и десять по морю») возвращаются с ней в Болгарию, считая, что она уже стала «молодою татаркою». Один из похитителей разрешает ей идти на хоро. Однако, придя на хоро, Калина стала в круг рядом с братом,

<...> нето при моми, при булки,
най са ѝ фанала Калина
при миян брайно Ивана,
та че брайну си думаше:
— Брайно ле, бачо Иване,
убийте, брайно, татари,
убийте кого убийте,
мъжка ми рожба оставете...

[11, т. III, с. 224—225].

<...> но где девушки и невесты,
а схватилась Калина
рядом с милым братом Иваном,
и ему она говорила:
— Братец, братец Иван,
убейте, братец, татар,
убейте, кого убьете,
мальчика моего мне оставьте...

Этот тип песен свидетельствует о любви к родному краю, решимости на все — лишь бы вырваться из неволи. Вместе с тем они раскрывают материнскую любовь и уверенность в том, что болгарки сумеют вырастить из своих малолетних мальчиков освободителей от тяжкого гнета завоевателей (см., напр., песню «Турок и рабыня» [24, с. 401]).

Реализация этой надежды составляет сюжет другой группы песен, например «Сыновья освобождают мать свою рабыню» [11, т. III, с. 256—257].

О насильственном принуждении болгарок к принятию ислама поется в песне «Бедная Кана» («Жална Кана»), которую «свирицы турки» броси-

² Здесь и далее перевод песен сделан автором статьи.

³ Мотив этой песни в первоначальной редакции, возможно, связан с похищением девушек цыганами [11, т. III, с. 30, 617].

ли в тюрьму, подвергая истязаниям:

<...> с тежок тумрук на подзето,
дребен синджир на гърлото,
белезни на ръцето.
Судна мъка ми те мъчат,

сакат да ми те потурчат...

[11, т. III, с. 327].

<...> тяжелые кандалы на ногах,
тонкая цепь на горле,
оковы на руках.
Адской мукой тебя (Кана.— С. М.)
мучают,
хотят тебя они потуречить...

Из сострадания мать советует дочери покориться и принять ислам, но Кана упрекает ее:

мълчи, мале, онемела! <...>
как си вера да предадам, <...>
как дочуха върли турци,
още в мъка я удриха; <...>
в нокти спици и набиа <...>

[11, т. III, с. 328].

молчи, мама, онемей! <...>
как я веру свою предам, <...>
как услышали злые турки,
еще хуже ей сделали; <...>
в ногти спицы ей забили <...>

однако своего добиться не смогли. Кана «душу отдала, но не веру».

Стойкость болгарок воспевалась и в широко распространенной в Болгарии песне о Янке, которая девять лет лежит в темнице и говорит своей матери:

<...> и още девет ще лежа,
пак си вѣрана не давам,
вѣрана и христѣнскуно

[13, с. 143].

<...> и еще девять лет буду сидеть.
но веры своей не отдам,
веры христианской

Главной идеей этих песен о трагической судьбе болгарок являлось их героическое сопротивление исламизаторской политике осман. Народ воспевал тех, кто предпочел длительное заточение или смерть, но не отступился от своего народа, от своей «перы христианской».

Во всех народных песнях, когда речь шла о вере, христианство всегда являлось «болгарской», «отцовской» верой. Таким образом народная песня подобно церковной книжности идентифицировала веру и народность. Поэтому в песне «Не иска моме да си потурчи» когда паша заставляет Бонку принять ислам, та отвечает:

Не мога, паша, не искам
вярата да си потурча,
вярата, паша, бащина

[30, с. 413].

Не могу, паша, не хочу
веру свою потуречить,
веру, паша, отцовскую

Одним из наиболее широко распространенных мотивов народной песни было восхваление православной (болгарской) веры и отрицательное отношение к исламу (османской вере). В песне «У турчина да не гледаш, мила черко» мать учит свою дочь, что «турска вера е неверна» [31, с. 270]. В другой песне мать также наставляет дочь не выходить замуж за османа, так как «турска вяра не е вяра» [32, с. 621].

Однако пахотились болгарки, которые соблазнились предложением осман и становились их женами. Сюжеты песен о таких потурченках обычно заканчиваются их раскаянием в своем поступке. Осуждение народа к принявшим ислам болгаркам было столь велико, что в своих песнях он заставлял даже осман жестоко поступать с принявшими ислам. В песне «Марча потурчилася» рассказывается о том, как вопреки уговорам и предостережениям матери Марча решила принять мусульманство и «стать белой кадыней» (турчанкой). Но уже через два дня после свадьбы в воскресенье на Пасху муж заставлял ее идти работать в поле. Марча завидует болгаркам, которые могут отдыхать в воскресенье и устраивать среди села большое «хоро». Проезжая мимо «хоро», Марча, раскаявшись в содеян-

ном, предостерегает односельчан:

Слушайте, мало й голямо,
който майка си не слуша,
проклетата да му й душата!

Слушайте от мала до велика,
кто мать свою не слушает,
да будет проклята его душа!

[11, т. III, с. 277—278].

Хотя во всех песнях этого цикла болгарки и болгары часто предстают как «христиане», которые борются и умирают за «веру Христову», было бы ошибкой считать это выражением какой-то глубокой религиозности. Земное, житейское мировоззрение болгар, как верно отметил С. Стоев: «...оказывало задерживающее воздействие на абстрактные внушения религии, тем более, что она представлялась в ряде случаев греческими фанариотами»⁴. Вследствие этого христианство болгар вело не к примирению с османским господством, чтобы заслужить «царство небесное», а толкало их к активному сопротивлению против насильников и к борьбе за освобождение и независимость [14, с. 92].

Наглядным свидетельством утверждения и распространения этих идей служит песня, известная в Болгарии под названием «Даваш ли, даваш, балканджи Йово?» (Отдашь ли, отдашь, горец Йово?), пронесшая через века силу братской любви и верности болгарскому народу. Па все требования османов отдать сестру Яну «в турецкую веру» Йово отвечает решительным отказом, за что османы «(. . .) руки по локоть ему отрубили, (. . .) обе ноги ему отрубили, (. . .) выдрали очи (. . .)» [24, с. 397—398], но своего не добились. Протест болгар прежде всего был направлен против завоевателей, которые принуждали их изменять свою веру. Этот протест ширился и поддерживался стойкостью многих борцов. В свою очередь эти подвиги отражались в легендах и песнях, которые сплачивали народ в его борьбе за сохранение болгарской народности.

В одном из преданий повествуется о схватке османов, проводивших насильственную исламизацию, с укрывавшимся от нее населением. Из-за костей убитых болгар, оставшихся на поле боя, эта местность получила название «Кокалица» (кокал — кость) [13, с. 179]. Об упорном сопротивлении исламизации в Кырджали свидетельствует предание «Юмрук кая» из с. Дружинцы о пастухе Мартине, который предпочел погибнуть, но сохранить свою приверженность христианству [29, с. 71—72].

Среди богатейшего песенного материала, отражающего в образной художественной форме свободолюбивый дух и борьбу болгарского народа против завоевателей, большое место занимают две жанровые разновидности эпических песен — юнацкие и гайдуцкие⁵ [34, с. 244]. Как подчеркивают советские и болгарские фольклористы [35, с. 53—66; 36, с. 460—473; 18; 23], в юнацких песнях присутствуют элементы древнего народного эпоса — мифологических песен. В них мифологическое, сверхъестественное связано с реальным, историческим⁶. Через гиперболизацию образов и качеств юнаков Момчила, Марко Краевича и других безвестные авторы выражали и утверждали свое физическое и нравственное превосходство над завоевателем, преимущество своей веры, традиций и обычаев и, одновременно, мечту о защите от насилий и злоупотреблений османов, об отмщении поработителям. В юнацких песнях XV—XVI вв. герои становятся уже более земными, наделяются обычными человеческими добродетелями и слабостями. Вероятно, этому способствовало и воплощение в эпических песнях конкретных исторических лиц, каковым являлся живший в XIV в. Момчил. Песенные мотивы о нем очень популярны среди болгар. Выходец из крестьян, ставший самостоятельным правителем не-

⁴ Для периода XV—XVI вв. более точным было бы употребить слово *иерархами*, а не «фанариотами» [33, с. 35].

⁵ И. М. Шептулов определял гайдуцкую песню как «героико-эпическую в широком смысле слова, считая переходной формой от юнацкой песни к исторической» [19, с. 61]. Вопрос о типах, видах и жанровой принадлежности болгарского (как и южнославянского в целом) эпоса сложен и во многом остается нерешенным.

⁶ О проблеме соотношения фольклора и мифологии см. [18, с. 113—142].

большой области на берегу Эгейского моря (совр. залив Бургьол), он храбро сражался против завоевателей и остался в памяти болгарского народа как народный герой [37, с. 91—109; 18, с. 339; 30, с. 133—135; 15, с. 33—35].

Как отмечает Ю. Н. Смирнов, в условиях османского ига «южные славяне почти перестали... создавать песни о герое с одной определенной ролью, о герое одной песни. Им не помогли защититься ни бог, ни царь..., ни враждовавшие между собой феодалы... Испытывалась острейшая потребность в духовной компенсации..., нужно было хотя бы в песнях утешить себя или укрепить свой дух образом идеального защитника, беззаветно выполняющего свою многотрудную миссию» [24, с. 11]. Таким всеобъемлющим универсальным героем на Балканах стало другое историческое лицо — Марко Кралевич⁷. В первоначальном образе эпического юнака Марко позднее воплотились черты наиболее решительных людей — гайдуков (болгарск. «хайдут»), которые боролись против османского ига с оружием в руках.

Конечно, не следует преувеличивать индивидуализацию эпических героев, ибо наряду с конкретными историческими прототипами (Момчил, Марко) в болгарском фольклоре не менее популярны такие нарицательные герои как Стоян⁸, Иван, Добри и др. весьма распространенные имена болгар [23, с. 36—37].

В рассматриваемое нами время широкое распространение в юнацких песнях получает сюжет «Марко освобождает рабов», «Марко Королевич освобождает три вереницы пленников»⁹ и т. п., который часто имеет следующую канву: Марко, отправляясь в монастырь (церковь) для получения причастия, по просьбе матери оставляет оружие дома. В пути юнак нагоняет (встречает) три цепи невольников, которых гонят «три черных арапа»¹⁰. Марко уговаривает османов освободить невольников за выкуп: те не только отказываются, но хотят (угрожают) пленить и самого Марко:

Прочь ступай, свихнувшийся болгарин,
И тебе одно звено найдется,
И тебя среди пленников поставим

[24, с. 189].

Тогда конь шепчет ему о сабле, спрятанной предусмотрительной невестой (женой). Марко уничтожает осман и освобождает пленных, но тем самым теряет право войти в храм для причастия — «в храм войти я не имею права». Однако старый игумен нарушает существующие церковные установления и говорит, что даст Марко не одно, а «целых три причастья»¹¹:

Первое тебе, а матушке второе,
Третье же твоей супруге, Марко,
Что складную саблю положила

[24, с. 190—191].

⁷ Марко Кралевич (Марко Королевич) — владетель удела с центром в г. Прилепе в Вардарской Македонии и османский вассал. Османы, быть может, благосклонно относились к исполнению песен о Марко, поскольку он изображался сыном или вассалом султана. Подробнее о нем и о превращении его в эпического героя см. [38, с. 172—175; 39, с. 34—52; 24, с. 11—12, 249, 455].

⁸ О распространении и соотношении песенных сюжетов о Стояне и Марко см. [27, с. 525; 40, с. 22, 37].

⁹ Сюжет «три синджира раби» известен у всех южнославянских народов. Но его массовое распространение и территориальная частота особенно велики в болгарских землях, что, по-видимому, объясняется угоном мирных жителей османами для продажи на невольничьих рынках [24, с. 187—191, 444].

¹⁰ В южнославянском эпосе периода османского ига образ «черного арапа» стал синонимом обобщенного образа завоевателей [24, с. 10].

¹¹ Тем самым игумен снимает заклиять матери, которое, по существовавшему верованиям, не в силах отменить даже бог. Таким образом «христианское слово оказывается сильнее материнского заклиять. Это — показатель поздней трактовки мотива» [24, с. 445].

В других вариантах песен «три синджира роби» освобождение невольников, расправа Марко с османами и пролитие крови на Пасху также получает одобрение народных певцов — глашатаев и выразителей дум и чаяний своего народа. Действия Марко оцениваются как эквивалентные постройке трех новых церквей, врата монастырей и церквей сами раскрываются перед ним, так как даже святые мощи осуждают православное духовенство, которое боится нарушить церковный запрет [11, т. I, с. 300—301].

Болгарские исследователи обратили в этом сюжете внимание на такие важные нравственные установки, которые не только оправдывают пролитие крови, но и выдвигают освобождение из неволи как нравственный императив, стоящий над всеми другими требованиями — даже христианства [41, с. 188; 38, с. 175]. Для рассмотрения этого вопроса особый интерес представляют материалы исследований Д. Маринова [42] и С. Стоева [14], которые позволяют говорить о трансформации правовых и нравственных норм болгар в результате политического, экономического и идеологического господства завоевателей. Противостояние болгарского народа османским порядкам выражалось в распространении и утверждении мнения о ненаказуемости богом таких действий как кража у снахий (военно-феодалное сословие в Османской империи), увильвание от платы налогов, убийство османского насильника и т. п. [42, с. 17]. Подобные деяния османы, разумеется, рассматривали как преступление, тогда как согласно нравственным установкам болгарского народа это не только не считалось грехом, но даже одобрялось [42, с. 26; 14, с. 196]. Как отмечает С. Стоев, нравственным становится все то, что служит делу «сохранения единства и верности болгарской народности» [14, с. 197]. Важную роль в распространении этих новых моральных норм играли эпические произведения.

Народ все более осознает себя единой общностью, способной и далее противостоять поработителям — именно поэтому присущее прежним юнацким песням обобщенное изображение исторической действительности постепенно перестает соответствовать новым народным воззрениям. И. М. Шептунов очень верно указал на то, что «... народный герой устного поэтического народного творчества всегда сын своего времени. Именно такой герой выполняет роль стимулятора общественного сознания, призывает к действию или размышлению, вызывает стремление к подражанию» [19, с. 101]. Продолжая оставаться весьма популярными, образы защитников — юнаков — постепенно не только трансформируются, но и уступают место более реалистичным образам борцов за народное счастье — гайдукам. Под благотворным влиянием юнацкого эпоса у болгарского народа начинает оформляться понимание необходимости личного участия в борьбе с османами [19, с. 29—32, 45; 14, с. 132].

Возникновение нового жанра поэтического творчества — гайдуцких песен, было связано с распространением новой формы борьбы болгарского народа — гайдуцким движением. В качестве нового жанра гайдуцкая песня оформилась не сразу вслед за первыми актами гайдуцкой борьбы, а спустя некоторое время. Иными словами, «народное поэтическое сознание должно было обобщить отдельные случаи, выработать образную систему, подметить типические черты новых героев, а затем уже слагать песни» [19, с. 32]. Исходя из этого, появление гайдуцких песен, по-видимому, следует отнести к концу XV в.¹²

К числу таких песен, датируемых XVI в. [22, с. 125], относится песня «Татунчо войвода» [11, т. II, с. 190—192], сюжетно-композиционные и стилистические особенности которой уже не раз становились предметом изучения [22, с. 120—133; 14, с. 144—145; 19, с. 66, 105]. Для нас она представляет интерес как свидетельство осознания болгарским народом необходимости постоянной и непрерывной борьбы против османского господства. В ней поется о том, что по просьбе матери, Татунчо оставляет «дело хайдучье» и становится пахарем, «чтобы мать свою кормить честно». Од-

¹² И. М. Шептунов датирует начало гайдуцкого движения XV в., а появление гайдуцкого фольклора — концом XV в. [19, с. 10, 105].

нако слуги султана продолжают искать его, чтобы «срубить с плеч голову тут же». Выданный цыганенком, Татунчо вынужден принять бой и стрекало (палка для погони запряженных в соху буйволов) в его руках становится грозным оружием. Перебив врагов, сын сообщает матери о бое в иносказательной форме: «Вспахал я поле, засеял ... Все, что посеял, созрело, Весь урожай мною собран!» [24, с. 257], после чего Татунчо повел ее в поле: «Собрал пояса, что были Набиты золотом туго, И отдал матери...» [24, с. 258]. Основная идея песни скрыта в использовании традиционной символической картины: битва — это одновременно и посев и жатва. Н. А. Новгородова отметила, что символический сбор «урожая» опровергает слова матери: «Хайдук за домом не смотрит, хайдук свою мать не кормит!» Наоборот, «именно гайдук бережет и охряняет дом, родину, защищает свой народ, именно он кормит мать» [22, с. 128—129].

Помимо этого, глубоко скрытого идейного смысла народный певец исподволь подводит болгар к еще более важной мысли (возможно, не осознанной до конца им самим) о том, что ставшим на путь гайдучества нет пути назад, так как османские власти все равно будут преследовать народных заступников. Последующее логическое развитие этой мысли неизбежно должно было привести болгар к осознанию необходимости постоянной борьбы — борьбы до полного уничтожения османского ига.

Невозможно в пределах одной статьи рассмотреть все богатство песен болгарского эпоса, повествующих о борьбе против османских захватчиков, о жестокости завоевателей, об обращении болгар в рабство, о насилиях при обращении в ислам [11, т. III, с. 31—41, 56—57 и далее], о стойкости и самопожертвовании болгар в деле сохранения своей веры и народности; песен, зовущих на борьбу с ненавидимыми поработителями. Поэтому мы вынуждены ограничиться рассмотренными выше образцами и сделать некоторые выводы.

Поскольку рассмотренный нами фольклорный материал основывается на болгарской исторической действительности XV—XVI вв., постольку можно сделать вывод о том, что идея сопротивления ассимиляторской политике османов, идея национального самосохранения в достаточной степени оформилась в народном сознании болгар уже в это время.

Народная поэзия дала особенно много произведений, в которых отражены события и переживания периода османского владычества и борьбы с ним. Устное народное творчество XV—XVI вв. не только отражало различные формы сопротивления и готовности к самопожертвованию для сохранения и веры и народности. Оно вселяло уверенность, что обращения в ислам можно избежать, что твердость в отстаивании христианской религии может увенчаться успехом. Поэтому совершенно справедливо возражение Вл. Ламанского П. Шафарыку: «...в народной поэзии славянской... выражается дух не подлый, не рабский, а свободный...» [43, с. 127—128].

В борьбе болгарского народа с османами ставился вопрос о существовании народа и его культуры, о спасении его от исламизации и ассимиляции. Симпатии народных певцов к защитникам угнетенных особенно ясно видны в гайдуцких песнях. Созданные певцами образы народных героев оказывали воздействие на дальнейшее развитие этно-социальной общности болгар [19, с. 101], стимулировали рост общественного самосознания, заостряли внимание народа на необходимости вооруженной борьбы — самой действенной и решительной формы отстаивания жизненных интересов своей народности. Этот жанр народного творчества свидетельствует о том, что болгарский народ никогда не смирялся с порабощением, верил в свои силы, в лучшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русев П. Традицията на средновековната българска култура след падането на България под османското иго. — В кн.: България в света от древността до наши дни. Т. I. София, 1979.
2. Диневков П. Похвала на старата българска литература. София, 1979.
3. Калиганов И. И. Традиция старой письменности и возникновение новой болгарской литературы. — В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982, с. 171—205.

4. Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам: Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Т. I. М., 1829; Т. II. М., 1841.
5. О характере народных песен у Славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным. I. Сербские. М., 1835.
6. *Бессонов П. А.* Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и др. болгар, вып. 1, 2. М., 1855.
7. Български народни песни, собрани од братья Миладиновци Димитрия и Константина и издади од Константин. Загреб, 1861.
8. *Гербель Н. В.* Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводе русских писателей. СПб., 1871.
9. *Качановский В. В.* Памятники болгарского народного творчества, вып. 1. Сборник западноболгарских песен со словарем. СПб., 1882.
10. Български народни песни от Македония. Събрал П. Михайлов. София, 1924.
11. Българско народно творчество в дванадесет тома. София, 1961—1963.
12. Родопите през вековете. Историческа христоматия. Ред.-съст. П. Хр. Петров. София, 1966.
13. Родопски фолклор. Първа научна сесия по проблемите на родопския фолклор. Пловдив, 1977.
14. *Стоев С.* Светогледът на българския народ през вековете (По извори на устното народно творчество). София, 1978.
15. *Примовски Н.* Байрако червен и зелен... Книга за хайдушките песни в родопския край. Пловдив, 1979.
16. *Державин Н. С.* Основные идеи и факты болгарской народной поэзии. — В сб.: Болгарская народная поэзия. М., 1944.
17. *Грибасова Н.* Тема социальной борьбы в болгарских хайдутских песнях. — Уч. зап., вып. IV. Тамбов, 1951.
18. *Кравцов Н. И.* Проблемы славянского фольклора. М., 1972.
19. *Шептунов И. М.* Хайдушкое движение в фольклоре южных славян и болгарской литературе. М., 1982.
20. Антология болгарской поэзии. М., 1956.
21. Эпос славянских народов. М., 1956.
22. *Новгородова Н. А.* К вопросу о специфике болгарских гайдуцких песен. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973.
23. *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.
24. Песни южных славян. М., 1976.
25. *Шептунов И. М.* Введение к кн.: Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М., 1978.
26. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
27. *Димитрова А., Янакиева М.* Предания за исторически лица в българските народни умотворения. — Известия на семинара по славянска филология, кн. VIII, IX, за 1941—1943 години. София, 1948.
28. *Иречек К.* Пътувания по България. София, 1974.
29. *Каменов Г.* Помохамеданчвания в Кържалпийско според преданията. — Вековете, V, кн. 4, София, 1976.
30. Народни песни от Североизточна България. Т. I. София, 1962.
31. Народни песни от западните покраини. София, 1959.
32. Народни песни от Родопския край. София, 1970.
33. *Муртузалиев С. И.* Из истории болгарского народа под османским господством (Константинопольская патриархия в системе османского управления XV—XVI вв.). — Советское славяноведение, 1982, № 3.
34. История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международной съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
35. *Кондаков Н. П.* Мифическая сума с земною тягою. — Списание на Българската академия на науките. Кн. XXII. София, 1921.
36. *Дринов М. С.* Съчинения. Т. II. София, 1911.
37. *Гюзелев В.* Момчил юнак. София, 1966.
38. *Гандев Хр.* Българската народност през 15 век. Демографско и етнографско изследване. София, 1972.
39. *Наулов Е. П.* Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
40. Преглед на българските народни песни. — Известия на семинара по славянска филология. Кн. V и VI. София, 1925—1929.
41. *Ангелова Р., Жиеков Ив. Т., Романска Це., Стойкова Ст.* Генетични връзки и тиположки свойства на българския юнашки епос със сърбохърватските юнашки песни, руските билини и украинските епические песни. Доклади и статии за VI Международен конгрес на славистите. Славянска филология. Т. XI. Литературознавие. София, 1968.
42. *Маринов Д.* Жива сторина. Кн. VI. София, 1907.
43. *Ламанский Вл.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, ч. 1.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительный метод описания словообразовательных явлений в славянских языках, теоретические основы и принципы которого были впервые разработаны М. Докулилом [1], находит широкое применение в славистике последнего двадцатилетия и дает плодотворные результаты. Однако многие проблемы теории и методики сопоставительного анализа в сфере словообразования до сих пор остаются открытыми. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с применением сопоставительного метода при изучении глагольной префиксации.

Как известно, объектом сопоставительного исследования в области словообразования славянских языков могут быть единицы различных частей систем: словообразовательные типы, категории, деривационные классы, гнезда (см. об этом также [2: 3: 4]), равно как и способы словообразования, функционирование формально тождественных дериваторов, деривационные возможности и особенности образования более или менее обширных классов слов. Изучая глагольную префиксацию, как правило, берут за основу формальное тождество дериваторов или тождество словообразовательных значений производных, реже — тождество классов мотивирующих глаголов.

Большинство исследователей опирается на принцип формального тождества дериваторов. Описанию функционирования материально тождественных префиксов в славянских языках посвящены, например, статьи Э. Секаниновой ([5] и др.), ряд работ советских и польских исследователей. При таком подходе устанавливаются совпадающие и различающиеся по языкам значения приставок, причем нетождественные значения остаются, по сути дела, за рамками сопоставления.

Описание, основанное на материальном единстве формантов, может быть полезно при обучении иностранному языку, в то время как целям теоретического описания в большей степени удовлетворяет ориентация на тождество словообразовательных значений производных. Изучение глагольных категорий, объединенных общим словообразовательным значением, начато лишь в последнее десятилетие (см. [6 — 12], а также монографию, посвященную глагольной префиксации в русском и словацком языках [13]). Общность словообразовательной семантики производных позволяет проводить сопоставление всей суммы словообразовательных явлений, а не отдельных фрагментов системы.

Большинство работ, посвященных изучению словообразовательных категорий глагола, ориентируется скорее на аспектологическую, чем на словообразовательную проблематику, что характерно и для исследований по глагольному словообразованию на материале одного языка. Основное внимание уделяется таким вопросам, как отношение исследуемых гла-

голов к видовой соотносительности, их место в системе способов действия. С этим связан и выбор исследуемых словообразовательных групп: изучаются лишь глаголы, для которых релевантна категория способа действия. Поскольку большинство учтенных в рамках способов действия рассматривают ограниченный набор аспектуальных признаков, остаются в стороне многие словообразовательные типы, такими признаками не обладающие, а потому собственно словообразовательный аспект проблемы остается недостаточно разработанным.

С выбором объекта исследования связан вопрос об эталоне (сопоставительной модели) сравнения, имеющий первостепенное значение. Ему посвящена обширная литература, в том числе работы общего плана [14 — 16] и частные исследования. Вопрос об эталоне так или иначе решается в каждой сопоставительной работе, конкретные задачи и анализируемый языковой уровень которой задают тип эталона. Ниже мы попытаемся показать возможности одного из типов эталона на одном фрагменте глагольного словообразования — дистрибутивных глаголах современных польского, словацкого и чешского литературных языков. Источниками материала послужили SJP, SSJ, SSJČ, PSJČ и данные ряда работ, посвященных дистрибутивным глаголам этих языков (см., в частности, [17; 18; 6]).

Изабираемый эталон должен обеспечить равный охват всех сопоставляемых языков и объяснение фактов межъязыковых тождеств и расхождений в пределах исследуемого явления. В нашем случае таким эталоном является максимальная словообразовательная схема, ориентированная на лексико-семантические и семантико-словообразовательные особенности глаголов, образующих мотивационную базу дистрибутивов.

Этот подход кажется нам наиболее информативным при исследовании глагольной префиксации, в изучении которой не оправдывает себя словообразовательная схема, основанная на выделении разных типов семантических отношений между производными и производящими. Известно, что для глагольной префиксации в целом не характерна фразеологичность семантики производных — в частности, дистрибутивных. Как правило, значение производных дистрибутивов есть сумма значений мотивирующего глагола и словообразовательного форманта (а также грамматического значения совершенного вида). Дополнительные семантические компоненты возникают при мотивации дистрибутивов некоторыми типами бесприставочных глаголов; такие случаи, однако, составляют не более 2% от общего количества дистрибутивов в рассматриваемых языках [19].

Вряд ли стоит брать за основу и различие в формантах (префиксах) дистрибутивности: пол. *ro-*, *swc-*, чеш. *ro-* и *s-/z-*¹: такой подход не выявлял бы сравнительной системной продуктивности дистрибутивов в рассматриваемых языках. Выделяя модели образования дистрибутивов, мы не соблюдаем принципа этимологического тождества дистрибутивных формантов.

Предлагаемый эталон отражает сумму всех возможных моделей образования дистрибутивов в рассматриваемых языках², где каждая модель представляет собой оппозицию двух членов, связанных отношениями мотивации, например, аттенуативные глаголы — дистрибутивы, комплетивные глаголы — дистрибутивы и т. п.³ Мотивирующие глаголы объединяются по общему лексико-семантическому (для бесприставочных глаголов) или категориальному словообразовательному признаку.

Меньше информации несет классификация моделей, основанная на структурных признаках мотивирующих слов и объединяющая в одну модель мотивирующие с тождественным словообразовательным формантом, ср. [6]; при этом за рамками исследования остаются бесприставочные глаго-

¹ Дистрибутивы образуют словообразовательную категорию. В том случае, если из понятия словообразовательного типа, используемого в сопоставительном описании близкородственных языков, исключить требование формального тождества дериваторов, дистрибутивы можно считать словообразовательным типом [20].

² Ср. использование С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой максимальной морфологической схемы в качестве эталона сопоставления морфологических систем [21; 22].

³ В том же плане см. [10].

лы, у которых нет структурно выраженных семантических признаков. Кроме того, упускаются из виду правила сочетаемости дистрибутивных префиксов с глаголами определенных семантических групп.

Классификация моделей образования префиксальных глаголов, основанная на семантическом единстве классов мотивирующих, устанавливает четкие границы мотивационной базы данной группы глаголов, зависимость словообразовательных возможностей мотивирующих от их семантики и от связанных с последней морфологических свойств. Применение максимальной словообразовательной схемы в каждом из сопоставляемых языков позволяет разграничить структурные и семантические ограничения, налагаемые на образование дистрибутивов.

Приставочные мотивирующие глаголы представляют собой словообразовательный тип (если словообразовательное значение выражается одним материально тождественным формантом) или словообразовательную категорию (если таких формантов несколько). Мотивирующие с разными формантами образуют разряды первого противочлена в рамках одной модели, например, аттенуативные глаголы имеют разряды мотивирующих с префиксами *pa-*, *pad-*, *pod-*, *przu-/prz-*, *u-* *-si*, *za-*. При этом фиксируются дериваторы, участвующие в образовании дистрибутивов определенной модели или подтипа.

Максимальная сопоставительная схема составляется поэтапно.

1. Для каждого языка в отдельности определяются лексико-семантические группы беспрефиксальных мотивирующих и словообразовательные значения мотивирующих с разными приставками, а также словообразовательная структура и семантика глаголов, не образующих дистрибутивов. Например, среди польских глаголов с приставкой *do-* образуют дистрибутивы глаголы комплетивного и дополнительного действия (*podopalać* 'сжечь до конца все', *podolewać* 'долить все') и глаголы со значением достижения пространственного предела (*podobiegać* 'добежать (обо всех)'), но не глаголы типа *doigrać się* 'доиграться'.

2. Для каждого языка устанавливаются модели образования дистрибутивов, причем в сфере префиксальных мотивирующих — с учетом синонимических средств выражения одного словообразовательного значения. Например, в словацком дистрибутивы образуются от аттенуативных глаголов с префиксами *pa-* (*ponahnívati* 'подгнуть (обо всем)') *prz-* (*porprívievať* 'прикрыть все'), *za-* (*pozahýzat* 'надкусить все'), *u-* с последующей частицей *si* (*roupríjať si* 'выпить немного (обо всех)'), а глаголы с префиксами *po-*, *pad-*, *pod-* в образовании дистрибутивов не вовлекаются. В словацком дистрибутивы не образуются от кумулятивных глаголов (типа *nabrat'* 'набрать'). На этом этапе, таким образом, описывается система глагольной префиксации каждого языка.

3. Итоговый эталон есть теоретико-множественное объединение моделей рассматриваемых языков и не совпадает полностью ни с одной из объединяемых моделей.

Затем на фоне системных возможностей каждого языка его данные сопоставляются с максимальной схемой, причем учитывается продуктивность и видовая соотносительность словообразовательных категорий и типов мотивирующих, а также их структурные особенности. Отсутствие модели или подтипа в данном языке обозначается незаполненной ячейкой максимальной схемы. Чем больше пустых ячеек, тем меньше системная продуктивность исследуемых глаголов. Устанавливаемая таким образом сравнительная системная продуктивность непосредственно связана с эмпирической: чем больше одна, тем больше и другая.

Соотнося данные каждого языка с максимальной схемой, мы определяем сравнительную системную и эмпирическую продуктивность глаголов и устанавливаем, как связаны с продуктивностью семантические, морфологические и структурные факторы.

Заполнение ячеек максимальной схемы позволяет получить и минимальную схему, т. е. теоретико-множественное пересечение моделей, реализованных в исследуемых языках. Естественно, минимальная схема не есть сумма наиболее продуктивных моделей, в нее могут войти и утра-

тившие продуктивность типы. Сама минимальная схема информативна в том смысле, что задает множество глаголов, объединенных рядом общих структурно-семантических параметров и образующих мотивационную базу дистрибутивов во всех сравниваемых языках. Данные минимальной схемы небезынтересны для типологического и диахронического изучения славянских глагольной префиксации.

Вычитая минимальную схему из максимальной, получаем область явлений, специфических для отдельных языков или общих для части из них; из близкого родства изучаемых языков вытекает, что расхождение между ними в полученной области должно объясняться скорее структурными, нежели семантическими причинами. Поиск этих причин для каждого конкретного случая представляет, по нашему убеждению, самостоятельный интерес.

Чтобы рассмотреть возможности построения максимальной схемы, остановимся прежде всего на моделях образования дистрибутивов от бесприставочных глаголов⁴.

Мотивирующие бесприставочные глаголы группируются по лексико-семантическим признакам, релевантным в сопоставительном плане. В максимальную схему входят девять моделей, соответствующих глаголам следующих групп: 1) глаголы конкретного физического действия, модифицирующего объект (*Об*) или субъект (*Суб*), ср. дистрибутивы пол. *poszycić* 'почистить все', слвц. *robit'* 'разбить все', *spukat'* sa 'лопнуть (обо всем)', чеш. *pošít* 'сшить все', *skrátit'* 'разрезать все'; 2) глаголы со значением действия, связанного с перемещением *Об* или *Суб*: пол. *położyć* 'положить все', слвц. *prvracať* 'вернуть всех', *zskákat* 'спрыгнуть (обо всех)', чеш. *posedat* 'сесть (обо всех)', *zházet* 'сбросить все'; 3) глаголы со значением постепенного становления признака или состояния *Суб*: пол. *rogłupieć* 'поглупеть (обо всех)', слвц. *romoknúť* 'намокнуть (обо всех)', чеш. *romřit* 'умереть (обо всех)'; 4) глаголы, обозначающие действия общего характера, не ведущие к изменению *Об* или *Суб*: пол. *ponazywać* 'назвать все', слвц. *ponavštevovat'* 'посетить всех', чеш. *pokoupit* 'купить все'; 5) глаголы со значением действия, направленного на изменение психического состояния *Об*: пол. *postraszyć* 'напугать всех', слвц. *rozavádzat'* 'обмануть всех'; 6) многоактные глаголы: пол. *rociskać* 'бросить все', слвц. *rochytat'* 'схватить все', *zhádzat'* 'сбросить вниз все', чеш. *roházet* 'бросить все', *schytat'* 'схватить все'; 7) глаголы неоднаправленного движения: слвц. *robekat'* 'обежать все', *zvozit'* 'свезти сверху вниз все', чеш. *rochodit*, *zchodit* 'обойти все'; 8) глаголы, обозначающие состояние или постоянные признаки *Суб*: пол. *rokuleć* 'охрометь (обо всех)', слвц. *rochoriet* 'заболеть (обо всех)'; 9) глаголы со значением психического состояния *Суб*: пол. *ponudzić się* 'заскучать (обо всех)'.

Распределение дистрибутивов, образованных по перечисленным моделям, представлено в табл. 1.

Дистрибутивные приставки присоединяются к глаголам несовершенного вида (редко — совершенного) со значением предельного действия, характеризующимся видовой соотносительностью (модели 1—5). Обращает на себя внимание то, что мотивационная база дистрибутивов в чешском языке более узкая, чем в польском и в словацком. Минимальную схему для трех языков образуют модели 1—4 и 6.

Что касается других моделей, то в них расхождения обусловлены тем, что нарушается основное правило образования дистрибутивов: форманты дистрибутивности присоединяются к несоотносительным по виду глаголам с неопредельным значением. В моделях 7—9 мотивирующими служат неопредельные глаголы, в связи с чем в словообразовательное значение производных входят разные дополнительные элементы смысла (значения начинательности и пространственной характеристики действия в различных модификациях). Понятно, что распространение категории ди-

⁴ Возвратные глаголы трактуются как регулярные образования от соответствующих невозвратных и привлекаются только в том случае, если они образуют особые лексико-семантические или семантико-словообразовательные группы, а их значения не выводятся прямо из значений невозвратных глаголов.

Язык	№ модели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
польский	+	+	+	+	+	+	-	+	+
словацкий	×	×	+	+	+	×	×	+	-
чешский	×	×	+	+	-	×	×	-	-

Примечание. Знак «-» обозначает отсутствие модели в языке; знак «+» — сочетаемость с префиксом ро-; знак «х» — сочетаемость с префиксами ро- и s-/z-.

стрибутивности на неопределенные глаголы — позднее явление, осуществлявшееся в разных славянских языках по-разному. Исключением в этом плане является модель 6, входящая в минимальную схему: дело, однако, в том, что дистрибутивные форманты легко присоединяются к мотивирующим, имеющим сему квантовости действия⁵. Отсутствие в чешском модели 5 вызвано тем, что в образовании дистрибутивов вовлекается прежде всего лексика, связанная с конкретными физическими действиями, глаголы же более общего значения используются реже во всех сравниваемых языках, особенно в чешском.

Дистрибутивы от бесприставочных глаголов образуются в чешском и словацком как с помощью ро-, так и с помощью s-/z-⁶. Приставка s-/z-специализирована в дистрибутивной функции меньше, чем ро-, и присоединяется лишь к глаголам моделей 1, 2, 6 и 7, причем привносит иногда и дополнительные пространственные значения.

Большинство дистрибутивов образуется от приставочных глаголов, обычно — несовершенного вида (вторичных имперфективов); нерегулярно дистрибутивные префиксы соединяются и с глаголами совершенного вида. Ниже словообразовательное значение мотивирующих (или префиксов в их составе) учитывается вне зависимости от их видовой характеристики.

Выделяя группы мотивирующих, мы не учитывали периферийные непродуктивные, словообразовательные разряды, представленные единичными производными, и глаголы с так называемыми трудноопределимыми или уникальными значениями префиксов. Среди приставочных мотивирующих выделяются глаголы с чисто видовыми, пространственными и акциональными (непространственными) значениями префиксов. Глаголы с чистовидовыми и пространственными значениями приставок довольно регулярно образуют дистрибутивы (прежде всего — в польском и словацком), так как имеют значение предельности и могут выступать в обоих видах, причем конкретный характер пространственного значения в интересующем нас аспекте иррелевантен. Эти глаголы и составляют ядро мотивационной базы, поскольку, означая конкретные физические действия, как нельзя лучше подходят для присоединения дистрибутивных формантов. Намного реже встречаются дистрибутивы, образованные от глаголов акциональной семантики: именно они и рассматриваются ниже, так как образование дистрибутивов здесь тесно связано с характером словообразовательного значения мотивирующих.

Акциональные мотивирующие образуют 14 моделей, соответствующих глаголам с временными (модели 1—2), результативными (3—8), качественными (9—11) и количественными (12—14) категориальными значениями. В максимальную схему входят глаголы со значениями: 1) 'начать (интенсивно) действие, названное мотивирующим глаголом': пол. *rogoz-*

⁵ Существуют наблюдения, согласно которым категория дистрибутивности в польском формировалась на базе итеративов.

⁶ В словацком s- и z- — позиционно обусловленные варианты, соединяющиеся лишь с бесприставочными глаголами. В чешском эти приставки не находятся в дополнительном распределении, и к приставочным глаголам присоединяется только z-. Словарно засвидетельствованные лексемы типа слов. *spregažat* 'пробыть все' воспринимаются как искусственные образования. За это сообщение и общую проверку словацкого материала автор статьи сердечно благодарит П. Дюрчо, сотрудника Института языковедения им. Л. Штура САН, Братислава.

kwitać 'расцвести (обо всех)', слвц. pozaspávat 'заснуть (обо всех)', чеш. pousínat то же; 2) 'прекратить действие, названное мотивирующим глаголом': слвц. poodkvítat 'отцвести (обо всех)'; 3) 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить дополнительно': пол. podokupować 'докупить все', слвц. podokladat 'положить дополнительно все'; 4) 'довести до конца действие, названное мотивирующим глаголом': пол. podopalać 'сжечь до конца все', слвц. podogábat 'доделать все'; 5) совершить действие, названное мотивирующим глаголом, повторно (и иначе): пол. porzekrawać 'перекроить все', слвц. porrebudúvat 'перестроить все'; 6) 'аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом': пол. pogoziwázuwać 'развязать все', слвц. poodkrývat 'открыть все', чеш. pogoziínat 'расстегнуть все', zgoziívat 'открыть все'; 7) 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя того же действия': пол. porzgerastać 'перерастить всех', слвц. porprekričiat 'перекричать всех'; 8) 'ликвидировать Об, осуществляя действие, названное мотивирующим глаголом': пол. rozagryzać 'загрызть всех', слвц. rozadfhát 'задушить всех', чеш. rozabíjet 'убить всех'; 9) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с небольшой степенью интенсивности': пол. ponadgruzać 'надкусить все', слвц. porgíviemat 'прикрыть все'; 10) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с большой степенью интенсивности': пол. powyszukiwać 'разыскать все', слвц. porzemrzat 'промерзнуть (обо всех)', чеш. povyptat se 'расспросить обо всем', zprohledat 'обыскать все'; 11) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с чрезмерной степенью интенсивности': слвц. porpresál'at 'пересоливать все'; 12) 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на все Об или Суб': пол. powieszac 'повесить все', чеш. ropolehat 'лечь (обо всех)', zrozamykat 'закрыть все'; 3) 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, накопить в определенном количестве': пол. ponapozýszac 'надавать или набрать в долг все', чеш. ponasbírat 'насобирать все'; 14) 'осуществив действие, названное мотивирующим глаголом, полностью исчерпать Об или Суб': пол. pogozkřadać 'разворовать все', слвц. povystriel'at 'перебить все', чеш. povyměřit 'вымереть (обо всех)'. Распределение моделей проиллюстрировано в табл. 2 (обозначения те же, что в табл. 1):

Системное сходство сопоставляемых языков выражается в том, что способность присоединять дистрибутивную приставку зависит от семантики и морфологических свойств мотивирующих. В максимальной схеме дистрибутивы образуются лишь от глаголов словообразовательных категорий, допускающих видовую соотносительность. Мотивирующими не являются imperfectiva tantum, обозначающие длительные действия с оттенком кратности, и perfectiva tantum, особенно указывающие на временную ограниченность действия — одноактные глаголы, делимативы и пердуративы. Исключение составляют лишь кумулятивные и дистрибутивные perfectiva tantum с элементом значения 'множество Об или Суб', которые исторически были основой развития категории дистрибутивности.

Особенно легко образуют дистрибутивы глаголы с результативными и качественными категориальными значениями, обладающие соотносительными по виду формами. Реже для этого используются глаголы временных и количественных словообразовательных категорий: так, непродуктивны модели образования дистрибутивов от начинательных, финитивных, дистрибутивных и кумулятивных глаголов.

Минимальную схему образуют модели 1, 6, 8, 10 и 14, т. е. мотивирующие, обозначающие большую меру (количество) действия, интенсивы и глаголы с компонентом 'полностью исчерпать Об или Суб'. Последняя группа содержит компонент квантовости действия. Не случайно и то, что данный компонент часто имеется и у перфективных мотивирующих (словарями дистрибутивы, образованные от глаголов совершенного вида, по большей части характеризуются как устаревшие). В связи с этим уместно остановиться на функционировании чеш. z-. Этот префикс самостоятельно не оформляет ни одной модели, связанной с акциональными глаголами,

Языки	№ модели													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
польский	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
словацкий	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	+	+
чешский	+	-	-	-	-	×	-	+	-	×	-	×	+	+

и участвует лишь в моделях 6, 10 и 12, что подтверждает мысль, согласно которой в минимальную схему входят преимущественно дистрибутивы, возникшие на начальных этапах формирования категории дистрибутивности, ср. мотивацию дистрибутивов бесприставочными многоактными глаголами и, в словацком и чешском, глаголами неоднаправленного движения.

Западнославянские языки обнаруживают и различия: в польском и словацком дистрибутивы образуются активнее, чем в чешском, что выражается и чисто количественно, и в широте вовлекаемой в мотивационную базу лексики. Для польского и словацкого остаются незаполненными всего по две ячейки максимальной схемы, в то время как в чешском не используются не только непродуктивные модели 2, 7 и 11, но и мотивирующие со значением аттенуативного, дополнительного, повторного и комплективного действия, регулярно образующие дистрибутивы в польском и словацком. Таким образом, если польскому и словацкому неизвестны периферийные модели, вообще мало участвующие во вторичной имперфективации, то по отношению к чешскому мы вправе говорить о неразвитости категории дистрибутивности в сравнении с другими языками. В чешском отсутствие ряда моделей вызвано не только их семантикой и нерегулярной видовой соотносительностью, но и другими причинами, о которых будет сказано ниже.

Нередко исследователи полагают, что запреты на сочетаемость префиксов обусловлены их семантической несовместимостью. Так, отмечается, что в русском языке префикс *по-* в ограничительном и дистрибутивном значениях не присоединяется к глаголам с префиксом *до-* в значении доведения действия до определенного предела, ибо «здесь причина запретов — семантическая, поскольку и дистрибутивность, и ограниченность не совмещаются с идеей наличия конкретного предела действия» [23, с. 192]. Носитель языка всегда склонен воспринимать факты несочетаемости родного языка как явления семантики: соположение таких несочетаемых элементов кажется говорящему нарушением семантических правил. Однако, даже оставаясь в рамках русского материала, эту идею нетрудно поколебать: данные СРЯ и ССРЛЯ позволяют констатировать, что с *до-* не сочетаются также, в качестве первого элемента, префиксы *на-* и *пре-*. Далее, все еще не выходя за пределы русской грамматики, легко заметить, что, в то время как сочетания *по-до-*, *на-до-*, *пре-до-* отсутствуют, имеются префиксы, омоимичные этим сочетаниям: *подо-*, *надо-* и *предо-* (морфонологические варианты *под-*, *над-*, *пред-*). Причина рассматриваемого ограничения кроется в том, что — независимо от семантических факторов — язык стремится избежать в этом случае омонимии и действительно избегает ее, отказываясь сочетать *до-* с *по-*, *на-* и *пре-*.

Правильность такого предположения подтверждается данными западнорусских языков. В чешском, в силу частичной омонимии, также исключаются соответствующие сочетания префиксов, в том числе важное с точки зрения дистрибутивности сочетание *po-do-*. Для польского и словацкого языков этот запрет имеет характер не строгого закона, но лишь общей тенденции, поскольку словарями фиксируются отдельные дистрибутивы, мотивированные глаголами с *do-*; для словацкого языка представлены также единичные малоупотребительные образования с сочетанием префиксов *na-do-*: *nadonášat* 'наносить', *nadovázat* 'навозить'

языки	префиксы								
	do-	na-	nad-	o(b)-	od-	po-	pod-	prze-/ prze-/prze-	pro-
польский	+	+	+	+	+	+	+	+	—
словацкий	+	+	+	+	+	+	+	+	—
чешский	—	+	—	×	×	×	0	×	0

языки	префиксы									
	pred-	przy-/ pri-/při-	roz-	s-/z-	u-	w-/v-	wy-/vy-	wz-/vz-	za-	
польский	—	+	+	+	+	+	+	+	+	
словацкий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
чешский	—	+	×	+	×	+	×	+	+	

Примечание. Знак «—» обозначает несочетаемость с дистрибутивными префиксами; знак «+» — сочетаемость с ро-; знак «0» — сочетаемость с z-; знак «×» — сочетаемость с обоими префиксами.

(SSJ, t. II, s. 228). Далее, в польском и словацком языках эта тенденция вообще не охватывает сферу разговорной речи, где весьма часты глаголы с сочетанием ро-do-, стоящие на грани литературной нормы; ср. словацкий материал (см. [6, s. 72], где приводятся глаголы с ро-do-, не фиксируемые словарями). Глаголы этого типа, пожалуй, мыслимы и в русской разговорной речи, ср. *подолживать*.

На этом примере, как нам кажется, хорошо видна роль структурных факторов, действующих в глагольном словообразовании. Вместе с тем, нельзя забывать о семантических факторах: ими обусловлена, например, несочетаемость дистрибутивных формантов с чешскими аттенуативными глаголами, хотя и здесь следует говорить не об их принципиальной семантической несовместимости (эта модель представлена в других близкородственных языках), но о словообразовательной инертности аттенуативов в чешском.

Представляют интерес некоторые общие наблюдения над сочетаемостью префиксов в дистрибутивах. Эти наблюдения суммированы в табл. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dokulil M.* Ke koncepcii porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «tvoření slova». — Slovo a slovesnost, 1963, roč. 24, № 2.
2. *Волоцкая З. М.* К описанию системы деривативных значений. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
3. *Волоцкая З. М.* К сопоставительному описанию славянских языков. — Вопросы языкознания, 1975, № 5.
4. *Земская Е. А.* О комплексных единицах системы синхронного словообразования. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов и краткие сообщения III Республиканской научной конференции 21—23 сентября 1978 г. Ташкент, 1978.
5. *Sekaniňová E.* Významy předpon pri- a pod- v ruštině a slovenštině. — Slavica Slovaca, 1974, roč. 9, № 3.
6. *Sekaniňová E.* Distributivnosť ako spôsob slovesného deja. — In: *Stúdie z porovnávacej gramatiky a lexicológie*. Bratislava, 1974.
7. *Стрекалова З. Н.* Аугментативный способ глагольного действия в русском, польском и словацком языках. — Slavica Slovaca, 1976, № 3.
8. *Делюва М.* Из сэрбохърватско-българската съпоставителна аспектология. — Български език, 1976, № 6.
9. *Делюва М.* Някои сэрбохърватско-български паралели при словообразователно характеризираниге начини на действие. — Български език, 1978, № 2.
10. *Соколова О. М.* К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков). — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Вып. 1. Л., 1978.
11. *Смирнов Л. Н.* К проблематике сопоставительной славянской аспектологии. — In: *Materiály z II. sympozia o bohemistice v zahraničí*. Praha, 1980.

12. *Straková V.* Pragmatické modifikace slovesné semantiky (Příspěvek k derivační typologii).— *Slovo a slovesnost*, 1983, roč. 44, № 1.
13. *Sekaninová E.* Sémantická analýza předponového slovesa v ruštině a slovenčine. Bratislava, 1980.
14. *Волоцкая Э. М.* К выработке методики сравнительных исследований в области славянского словообразования.— В кн.: Структурная типология языков. М., 1966.
15. *Дежина Е. И.* К проблеме tertium comparationis в сопоставительных исследованиях.— *Zeitschrift für Slawistik*, 1980, Bd. 25, № 6.
16. *Široková A. G.* Některé teoretické a metodické předpoklady studia gramatické stavby češtiny a ruštiny.— In: Materiály z II. symposia o bohemistice v zahraničí. Praha, 1980.
17. *Křížková H.* Několik poznámek k distributivnosti v ruštině a v češtině.— *Ruský jazyk*, 1958, roč. 8, № 9.
18. *Šcdláčková Z.* Distributivní slovesa v ruštině a češtině.— *Československá rusistika*, 1959, roč. 3, № 1.
19. *Осипова М. А.* Некоторые особенности словообразовательной семантики дистрибутивных глаголов в западнославянских языках.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1983.
20. *Moravec J.* Slovo tvorný typ z hlediska konfrontačního studia tvoření slov v slovanských jazycích.— *Slavica Pragensia*, 1964, roč. 6.
21. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров.— *Вопросы языкознания*, 1965, № 4.
22. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
23. *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

СОКРАЩЕНИЯ

- PSJČ: Příruční slovník jazyka českého, d. I—VIII. Praha, 1935—1957.
 SJP: Słownik języka polskiego, t. I—XI. Warszawa, 1958—1969.
 SSI: Slovník slovenského jazyka, d. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
 SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého, d. I—IV. Praha, 1960—1971.
 СРЯ: Словарь русского языка. Т. III. М., 1959.
 ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Т. IX—X. М.—Л., 1959—1960.

ТИТОВА А. А.

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПО ВОПРОСУ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В 1924—1925 ГОДАХ

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало переходу от капитализма к социализму в мировом масштабе. В ряде стран, в том числе и в Польше, оставались незавершенными буржуазно-демократические преобразования, сохранялись значительные феодальные пережитки в экономике, главным из которых было крупное помещичье землевладение.

Аграрный вопрос был одной из наиболее острых и важных проблем социально-экономической и политической жизни Польши межвоенного периода. Диспропорции в распределении земельной собственности и относительно слабое развитие капитализма были главными причинами постоянного земельного голода, аграрного перенаселения и крайней нищеты деревни. При этом аграрная проблема тесно переплеталась с национальной.

Крестьянство все активнее добивалось земли. В то же время имущие классы стремились не допустить ликвидации крупного землевладения. В результате развернулась упорная борьба, в которую были втянуты все основные политические партии и группировки. Политический смысл борьбы за аграрную реформу с точки зрения левых партий заключался в ослаблении влияния реакционных сил — помещиков и католического клира — на общественную жизнь страны, в упрочении парламентской системы и недопущении крестьянской революции. Польские коммунисты видели его в создании прочного рабоче-крестьянского союза как одного из важнейших факторов победы революции.

Аграрный вопрос в Польше межвоенного периода был объектом постоянного внимания историков, экономистов и публицистов. Буржуазные историки и публицисты межвоенного двадцатилетия, польские буржуазные эмигрантские историки рассматривали аграрную проблему с узкоклассовых или откровенно объективистских позиций [1—6].

Значительны достижения современной польской историографии, в которой раскрывается классовое содержание аграрных преобразований в буржуазно-помещичьей Польше [7—19]. Однако в современной историографии встречаются и спорные оценки аграрной политики отдельных партий. Так, польский историк А. Тыменецкая утверждает, что вопрос об аграрной реформе для социалистов «не был делом подверженных конъюнктурным колебаниям союзов с крестьянскими партиями, а программным положением», что Польская социалистическая партия (ППС) придавала большое значение решению аграрной проблемы, руководствуясь при этом интересами нации [20]. Это не соответствует действительности. И тем не менее подобная оценка, по-видимому, разделяется некоторыми специалистами. Так, И. Кемпа, хотя и отмечает несоответствие позиций парламентского клуба программным установкам партии, в целом положительно оценивает его деятельность. В то же время в некоторых новейших иссле-

дованиях по истории ППС этот вопрос вовсе не поднимается и не рассматривается, видимо, как давно решенный [21].

Задача настоящей статьи заключается в изучении позиции Польской социалистической партии в период наиболее острой борьбы, разгоревшейся в сейме вокруг проекта земельного закона.

Против каких-либо аграрных преобразований выступала наиболее реакционная часть помещиков и католического клера. Торгово-промышленная буржуазия была заинтересована в расширении землеоборота и признавала необходимость аграрной реформы. Способ и масштабы ее проведения определялись политическим союзом буржуазии с помещиками. Поэтому аграрная программа правых партий — Народно-национального союза (эндэция), Христианско-национальной сельской партии, Христианско-национальной партии — предусматривала добровольную парцелляцию частных владений и свободу купли—продажи земли [22].

В этих условиях эффективность действий сторонников радикальной аграрной реформы зависела от степени координации их усилий, от их способности прийти к взаимному соглашению. Реальной основой их объединения было наличие в программах всех крестьянских и рабочих партий требования передачи земли безземельным и малоземельным крестьянам [23—26]. Важнейшим шагом на этом пути явилось выступление коммунистов в сейме в мае 1923 г. с законопроектом об аграрной реформе, который предусматривал безвозмездное и единовременное изъятие помещичьей земли и раздел ее среди крестьян [27].

Определенное значение для сторонников демократической аграрной реформы имели постановления XIX конгресса ППС, проходившего в декабре 1923 — январе 1924 г. В них получили развитие те положения аграрной программы партии, которые способствовали привлечению на ее сторону крестьян и созданию в борьбе за аграрную реформу союза с левыми и революционными партиями.

В частности, специальная резолюция, принятая конгрессом, предусматривала конфискацию помещичьей земли, устанавливала максимум землевладения (180 га) и определяла размеры парцелл (5—15 га). Парцеллы могли приобретать в первую очередь сельскохозяйственные рабочие, которые теряли работу в результате раздела данного имения, мелкие арендаторы, владельцы соседних карликовых хозяйств, затем — другие категории безземельного и малоземельного населения. Земля должна была бесплатно передаваться сельскохозяйственным рабочим, проработавшим в парцеллируемом имении не менее 25 лет с предоставлением государственного кредита на обзаведение хозяйством и чиншевикам; остальные категории крестьянства могли купить землю у государства на условиях долгосрочного кредита. Реформа должна была проводиться государственными учреждениями под контролем представителей от сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов и малоземельных крестьян [28, 5 П].

В то же время решения XIX конгресса допускали участие социалистов в парламентской коалиции [28, 3 П], что предполагало сотрудничество ППС с партиями центра, в том числе и ПСЛ — «Пяст», крупнейшей крестьянской партией, лидеры которой по своим политическим симпатиям и тактическим соображениям склонялись в этот период к союзу с правыми силами. Это могло повлечь за собой отход от принятой конгрессом аграрной программы.

Уже летом 1924 г. она подверглась существенному изменению, которое свидетельствовало об определенной эволюции партии вправо. В частности, в декларации, с которой выступил в сейме один из лидеров ППС Я. Квациньский, отсутствовали статьи, перечислявшие категории крестьян, которые должны были получить землю бесплатно или на условиях оплаты в кредит. Социалисты мотивировали свои отступления стремлением укрепить авторитет сейма как законодательного органа и предотвратить революционный способ решения проблемы [29, I. 56—57].

Однако лидеры ППС не могли открыто идти на сближение с правыми, не рискуя потерять доверие членской массы и широких демократических

кругов. Поэтому в партийной прессе они продолжали выступать с лозунгами объединения левых партий в борьбе против реакции за проведение социальных и политических реформ в демократическом духе.

Весной 1924 г. было возобновлено издание ППС «Хлопка правда», специально предназначенное для распространения среди деревенской бедноты. Большое место на его страницах занимали выступления крупнейших специалистов партии по аграрно-крестьянскому вопросу, депутатов сейма М. Малиновского, Я. Квапиньского и др. Они решительно высказывались против выкупа помещичьей земли, мотивируя это защитой интересов беднейших слоев крестьянства — безземельных и малоземельных [30, 1924, 6 IV, 18 V, 13 VII]. Я. Квапиньский, например, писал: «Мы утверждаем со всей твердостью, что тот, кто говорит о выкупе, сознательно или бессознательно выступает против аграрной реформы» [30, 1924, 8 VI]. Не менее решительно социалисты выступали и против «дикой», частной parcelляции, которая превращалась в безудержную спекуляцию землей [30, 1924, 14, 28 IX, 12, 26 X, 9, 23 XI, 25 XII].

Во второй половине 1924 г. углубился раскол среди сторонников демократической аграрной реформы [31]. С другой стороны, усилилась тенденция к сближению правых с ПСЛ — «Пяст». В декабре 1924 г. депутаты Народно-национального союза и ПСЛ — «Пяст» внесли в сейм предложение «Об ускорении проведения аграрной реформы в восточных воеводствах» (т. е. о возобновлении действия закона от 17 декабря 1920 г.) [32, № 1610], предусматривавшее возобновление колонизации белорусских и украинских земель под благовидным предлогом ускорения решения аграрной проблемы на окраинах. В середине февраля 1925 г. с подобным предложением выступили социалисты [32, № 1703].

Позиция ППС при обсуждении в феврале 1925 г. очередного правительственного законопроекта об аграрной реформе, предусматривавшего добровольную частную parcelляцию помещичьих имений и продажу земли по ценам, установленным самими владельцами, свидетельствовала о значительном отходе от программы XIX конгресса [33]. Более того, именно позиция социалистов predetermined результат дискуссии — правительственный законопроект был передан в сеймовую комиссию аграрных реформ и стал основой для разработки земельного закона.

В течение 1925 г. окончательно оформился компромиссный проект аграрных преобразований эндеции и ПСЛ — «Пяст». С ним соглашалась и ППС. С марта 1925 г. представители ППС принимали участие в тайных переговорах с лидерами ПСЛ — «Пяст» и эндеции, которые проводились по инициативе и при участии председателя сейма, пястовца М. Ратая. В середине мая 1925 г. переговоры закончились компромиссом. Эндеции и правым людовцам удалось убедить ППС в необходимости голосовать в предстоявшей сеймовой и сенатской дискуссиях за правительственный проект [34]. Одновременно в партийной прессе началась кампания по разъяснению целесообразности выплаты вознаграждения помещикам [30, 1925, 8 III, 14 VI]. Таким образом, задолго до принятия аграрного закона социалисты фактически отошли от своих программных установок по аграрно-крестьянскому вопросу.

Согласованный проект аграрного закона был представлен на рассмотрение палаты депутатов 22 июня 1925 г. Он предусматривал ежегодную parcelляцию в течение 10 лет не менее 200 тыс. га земли. Земельный максимум в промышленных центрах и пригородах должен был составлять 60 га, на остальной территории страны — 180 га. Parcelляция должна была быть добровольной. При этом сохранялась видимость участия в ней государства, которое могло оказывать давление на помещиков путем введения parcelляционной повинности, а также принудительного выкупа земли в случае нереализации ежегодной квоты. Размеры увеличенных или вновь созданных в результате parcelляции хозяйств не должны были превышать 25 га, а в Поморском, Белостокском, Новогрудском, Полесском, Волинском воеводствах, Вильнюсском административном округе и горных повятах — 45 га. Это означало продолжение колонизации и полонизации национальных окраин. Помещики получали вознаграждение

в соответствии с оценкой ипменя, содержащейся в налоговой декларации, и частично ценными бумагами [32, № 1994]. Аграрный закон, таким образом, должен был лишь урегулировать естественный экономический процесс перераспределения земли.⁴

ППС, поддерживая проект, одобряла постановление о выплате вознаграждения землевладельцам за парцеллируемую землю. Социалисты мотивировали свою позицию неспособностью сейма признать возможным проведение аграрной реформы без выкупа, что, в свою очередь, затрудняло выполнение аграрной программы партии, необходимостью незамедлительного принятия закона о земле, стремлением ликвидировать нищету в деревне и тем самым способствовать расширению внутреннего рынка и преодолению кризиса в промышленности [30, 1925, 28 VI, 26 VII, 12 VIII; 29, 221, 1. 64—65]. Отдавая себе отчет в том, что такая позиция партии все же вызовет недовольство беднейшего крестьянства, депутат ППС выразил надежду на победу партии на следующих выборах, что позволит ей в дальнейшем предпринять меры по усовершенствованию аграрного законодательства [29, 227, 1. 31].

Таким образом, отход ППС от программных требований по аграрному вопросу и признание необходимости выплаты помещикам вознаграждения за землю, а в дальнейшем прямая поддержка реакционного законопроекта об аграрной реформе в значительной степени предопределили ход и результаты борьбы по аграрному вопросу в 1924—1925 гг. Соглашательская позиция руководства ППС способствовала принятию сеймом 28 декабря 1925 г. закона о частичной парцелляции крупного землевладения [35]. Он был направлен на укрепление капиталистических элементов в деревне за счет некоторого сокращения земельных владений помещиков и интенсификации их хозяйств. Подавляющая масса крестьянства была лишена возможности улучшить свое экономическое положение путем приобретения земли. Вследствие этого аграрная проблема в межвоенной Польше оставалась нерешенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kwapiński J.* O jaką reformę rolną walczy Polska Partia Socjalistyczna. Warszawa, 1925.
2. *Stroński S.* Pierwsze lat dziesięć. 1918—1928. Lwów — Warszawa, 1928.
3. *Ludkiewicz Z.* Podręcznik polityki agrarnej. T. I. Warszawa, 1932.
4. *Halecki O.* A history of Poland. New—York, 1956.
5. *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. 1864—1945. T. II. Londyn, 1956.
6. *Mackiewicz S.* Historia Polski od 11 listopada 1918 do 17 września 1939. Londyn, 1958.
7. *Ignar S.* Kwestia rolna w Polsce kapitalistycznej. Warszawa, 1953.
8. *Madajczyk Cz.* Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce. 1918—1939. Warszawa, 1956.
9. *Stankiewicz W.* Sprawa reformy rolnej w Sejmie Ustawodawczym Rzeczypospolitej Polskiej w 1919 r.—Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego. T. III. Warszawa, 1961.
10. *Ziębiński J.* Sprawa reformy rolnej w Polsce w pracach sejmowych w latach 1919 — 1925.—Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Annales. Sekt. J, v. 16, Lublin, 1970.
11. *Ajnenkiel A.* Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Warszawa, 1968.
12. *Borkowski J., Kowal J., Lato S., Stankiewicz W., Więzikowa A.* Zarys historii polskiego ruchu ludowego. T. II, 1918—1939. Warszawa, 1970.
13. *Landau N., Tomaszewski J.* Zarys historii gospodarczej Polski. 1918—1939. Warszawa, 1971.
14. *Zieliński H.* Historia Polski. 1918—1939. Warszawa, 1971.
15. *Rek T.* Chjeno-Piast w świetle obrad Sejmu i Senatu. 1922—1926. Warszawa, 1955.¹
16. *Malinowski H.* Program i polityka rolna KRPP. 1918—1923. Warszawa, 1964.
17. *Dymek B.* Niezależna Partia Chłopska. 1924—1927. Warszawa, 1972.
18. *Zakrzewski A.* Wincenty Witos. Chłopski polityk i mąż stanu. Warszawa, 1978.
19. *Łuczak A.* Społeczeństwo i państwo w myśli politycznej ruchu ludowego II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1982.
20. *Tymieniecka A.* Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w latach 1924—1928. Warszawa, 1969, s. 73—74.
21. *Kępa I.* Związek Parlamentarny Polskich Socjalistów (grudzień 1922 — maj 1926).—Z pola walki, 1981, № 1, s. 97—101; *Tymieniecka A.* Warszawska organizacja PPS.

- 1918—1939. Warszawa, 1982; *Tomicki J.* Polska Partia Socjalistyczna. 1892—1948. Warszawa, 1983.
22. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce. Zebr. i oprac. Bełcikowska A. Warszawa, 1925, s. 87—88, 109, 114—115.
 23. Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. T. II. 1918—1931. Warszawa, 1967, s. 65—68.
 24. Programy Stronnictw Ludowych. Zebr. i oprac. Lato S. i Stankiewicz W. Warszawa, 1969, s. 161—163, 189—190, 210—212.
 25. Polska Partia Socjalistyczna. Program PPS. Warszawa, 1920, s. 13.
 26. Komunistyczna Partia Polski. Uchwały i rezolucje. T. I. Warszawa, 1953, s. 156 — 158, 166.
 27. *Тимова А. А.* Позиции польских политических партий в сейме по вопросу об аграрной реформе (ноябрь 1922 г.— май 1923 г.).— Проблемы всеобщей истории. МГУ, 1976, с. 242.
 28. Robotnik, 1924.
 29. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne z 144 posiedzenia.
 30. Chlopska prawda.
 31. *Тимова А. А.* Эволюция позиций политических партий Польши по вопросу аграрной реформы во второй половине 1924 г.— Вопросы истории. Вып. 6. Минск, 1979, с. 20—28.
 32. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Druki. Dł.
 33. *Тимова А. А.* Вопрос об аграрной реформе в польском сейме в первой половине 1925 г.— Проблемы истории. Вып. 10 Минск, 1983, с. 31—32.
 34. *Rataj M.* Pamiętniki. 1918—1927. Warszawa, 1965, s. 331.
 35. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926, № 1, poz. 1.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ С. ТВАРДОВСКОГО «ПРЕКРАСНАЯ ПАСКВАЛИНА»

Польская поэзия XVII в., долгое время находившаяся в забвении, была буквально воскрешена филологами в конце XIX — первой половине XX в. Оказалось, что произведения наиболее значительных поэтов эпохи барокко дошли до нас только в рукописях и были почти неизвестны современникам. Нередко XVII в. польской литературы называют «веком рукописей». В отличие от других крупных поэтов того времени Самуэль из Скшипны Твардовский (ок. 1600—1661) издал почти все свои сочинения, причем некоторые поэмы еще при его жизни вышли вторым изданием, а затем перепечатывались до начала XVIII в. Их высокие достоинства и широкая известность стяжали Твардовскому славу творца национальной эпопеи, а поэт В. Коховский (1633—1700) назвал его «сарматским Вергилием».

Долгое время поэма С. Твардовского «Прекрасная Пасквалина» была известна по краковскому изданию 1701 г. В конце XIX в. высказывались предположения о существовании более раннего издания, однако первое издание 1655 г., напечатанное в Кракове, было обнаружено и переиздано Р. Поляком только в 20-х годах XX в. [1; 2].

Между тем вне поля зрения историков польской литературы оказались сведения, появившиеся в русской печати в середине прошлого века. В 1863 г. известный историк И. Е. Забелин опубликовал «Книги переписные книг, которые по указу святейшего патриарха в нынешнем во 198 году сентября в день переписаны в Спасском монастыре за Иконным рядом подле церкви в верхней кладовой полатке», где под № 504 значится «Книга надобна Пасквалина, на польском языке, в тетратех» [3]. Поскольку эта опись книг, принадлежавших известному поэту Сильвестру Медведеву, сделана в 1689 г., то упоминание в ней поэмы С. Твардовского документально подтверждает существование более раннего издания, чем краковское 1701 г.

В дальнейшем основная часть книг из библиотеки Сильвестра Медведова, а среди них и поэма Твардовского, попала в фонды библиотеки Московской синодальной типографии. В «Универсальном каталоге» этой библиотеки, составленном в 1722—1727 гг., находится следующее описание интересующей нас книги: «Nadobna Pasquilina z hiszpańskiego w polski ubiory przemieniona Twardowskim. W Krakowie, 1683, Лепотная Пасквалина из испанского в пол(с)кое платье переменная Твардовским» [4].

Единственный известный экземпляр издания 1683 г., не учтенного ни в одной библиографии, в настоящее время находится в ЦГАДА [5, № 2863]. На титульном листе сохранилась запись, сделанная красными чернилами: «Надобная Пасквалина. С(ильвестр) Мед(ведев)». Экземпляр хорошей сохранности, книга напечатана в восьмую долю листа, на 118 стр. Текст на титульном листе в художественной рамке: (антиква): NADOBNA/PASQUALINA/Z Hiszpańskiego /swieżo/(готич. шрифт):

w Poiski przemieniona /ubior./ (курсив:) Od (антиква:) Samuela (курсив:) z Skrzypniej (антиква:) Twar-/dowskiego./ (виньетка/курсив:) Z Dozwoleniem Starszych./ (линия/антиква:) W KRAKOWIE, /w Drukarni Akademickiej./ (курсив:) Roku Pańskiego, 1683. Текст поэмы на с. 1—117, на с. 118 находится перепечатанное из первого издания (1655) разрешение на печать, подписанное Шимоном Станиславом Маковским и Габриелем Охонским [6]. Художественная рамка и особенно виньетка второго издания (1683) отличаются от первого издания.

Р. Полляк в статье о первом издании «Прекрасной Пасквалины» привел самые существенные, по его мнению, различия изданий 1655 и 1701 гг., опуская при этом многочисленные второстепенные. Сличение всех 72 выделенных Р. Полляком различий с изданием 1683 г. показало, что в 47 случаях здесь повторены чтения первого издания, а в остальных либо исправлены его опечатки и иногда предвосхищены конъектуры Полляка, либо внесены новые искажения текста. При этом в третьем издании (1701) ни одно из новых чтений не восходит непосредственно к первому изданию, минуя второе. Таким образом, основой для третьего издания послужило второе, оба они отпечатаны в одной и той же типографии, расположение текста на титульных листах почти совпадает [7].

Неизвестно, каким образом поэма С. Твардовского оказалась в библиотеке Сильвестра Медведея — иностранные книги попадали в Россию в XVII в. самыми разными путями [8], однако в самом факте нет ничего удивительного. Польская поэзия была довольно хорошо представлена в русских библиотеках XVII — начала XVIII в., и на одном из первых мест по популярности стоят книги С. Твардовского [9]. В библиотеке самого Сильвестра Медведея кроме «Прекрасной Пасквалины» были эпические поэмы Твардовского «Владислав IV» [5, № 4135] и два издания «Гражданской войны» [5, № 4125, 4126].

Находка неизвестного издания «Прекрасной Пасквалины» показывает, что богатейшие материалы по истории польско-русских литературных связей XVII—XVIII вв., в которых значительное место принадлежит С. Твардовскому [9, с. 171, 177—178; 10—14], являются также ценным источником и для истории польской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pollak R. Pierwodruk «Nadobnej Paskwaliny» — Silva rerum. Miesięcznik towarzystwa miłośników książki. Kraków, 1925, № 5, s. 54—55.
2. Twardowski S. Nadobna Paskwalina. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył R. Pollak. Kraków, 1926.
3. Временник ОИДР, кн. 16. М., 1863, отд. III, с. 67.
4. ГБЛ, ф. 310, № 1285, л. 81.
5. ЦГАДА. Библиотека синодальной типографии.
6. Twardowski S. Nadobna Paskwalina. Wyd. drugie, zmienione. Opr J. Okoń. Wrocław, 1980, s. 196.
7. Rudnicka J. Bibliografia powieści polskiej 1601—1800. Wrocław, 1964, s. 276.
8. Луннов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 74—75, 118—126.
9. Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках второй половины XVII — первой трети XVIII в. — В кн.: Русская литература XVIII в. в общекультурном контексте (XVIII век, сб. 14). Л., 1983, с. 177—178.
10. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографической комиссией, т. 3, 1638—1657. СПб., 1861, с. 443—444.
11. Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650. — In: Kubala L. Szkice historyczne. Ser. I—II. Warszawa, 1923, s. 123—152.
12. Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 32—33.
13. Николаев С. И. Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemieniła sie» в русском переводе начала XVII в. — Вестник Ленинградского университета, 1977, № 8, с. 90—94.
14. Николаев С. И. Страничка из истории польско-русских литературных связей. (Судьба перевода «Дафны» С. Твардовского). — Русская литература, 1977, № 4, с. 117—122.

ЧЕРНЕЦОВ А. В.

ОБ ОДНОМ РУССКОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ЮСТИНИАНА I (XVI В.)

Византийские представления о власти василевса, в частности о ее божественном характере, нередко в весьма яркой форме отражались в изобразительном искусстве [1—3]. Эти представления усваивались на Руси, особенно со времени венчания на царство Ивана Грозного. Вместе с тем, например, такая характерная для искусства Византии и южных славян композиция, как коронование императора Христом, на Руси распространения не получила. Более того, на Руси религиозный пуризм доходил даже до того, что Иван Грозный сомневался в допустимости изображения живущих царей в ряду с образами предстоющих на иконах [4]. Не получила на Руси значительного распространения и византийская традиция изображать живущих правителей в нимбах, хотя единичные примеры этого известны [5; 6].

При рассмотрении взаимного отношения византийской и русской «политической иконографии» следует обратить серьезное внимание на особенности изображений византийских императоров в древнерусском искусстве. Прежде всего необходимо отметить отсутствие прямого переноса черт и атрибутов византийских изображений на русских царей. Так, для образов русских царей нехарактерен лор, хорошо знакомый русским иконописцам и миниатюристам. Между тем для изображений византийских и библейских царей наличие более или менее условного лора обычно. С конца XV в. можно отметить некоторую «русификацию» образов византийских императоров. Им придают несвойственные их византийским изображениям Т-образный посох и корона в виде городчатого венца [7, с. 115—117, 121; 8; 9]. Последнюю черту нельзя считать и вполне русской, так как реально подобных корон русские князья и цари в XV—XVII вв. не носили, но при Иване Грозном они становятся постоянным атрибутом изображений русских царей.

Важнейшим выражением монархической идеологии в русском изобразительном искусстве времен Ивана Грозного несомненно являются миниатюры Лицевого летописного свода [10; 7; 11]. Отметим, что хотя на них обычно несложно «русифицированная» трактовка образов византийских императоров (черты, указанные выше), однако эти императоры всегда отличимы от русских царей, одежда которых трактуется менее традиционно и более реально. Несомненно, что миниатюристы не ставили себе цели утвердить представление о тождестве власти византийских императоров прошлого и русских царей и, напротив, давали возможность различать их между собой. Значительные серии миниатюр, посвященные, с одной стороны, венчанию на царство Мануила Палеолога [12, л. 294 об.—307 об.; 13], и с другой — внука Ивана III Дмитрия [14] и самого Ивана Грозного [15] не обнаруживают никакого стремления миниатюристов сконцентрировать внимание на общих чертах обряда. Здесь же отмечу, что иллюстрации к венчанию на царство Мануила — вероятно наиболее

и приимше сласто приидешии въ цркъ .
 и каже ни кто въ тѣхъ а полати . и приимъ
 цркъ сласто не пытанъ и въ сласто рѣ ис
 ни тѣрѣи . и оудниста и рѣи . на кое мѣ
 стѣ бы въ ни до сдѣ стѣиша ѣмоу въ шѣ .
 и шѣ цркъ стѣ приидешии сласто на мѣ стѣ
 три оубѣ . и не обрѣтѣиша ни единой
 полати . ни храмини . и рѣ сдѣ мѣ цркъ
 и своа гла въ жинѣ . и се дѣ рѣ его и про сѣ
 писѣга .

чѣдо гѣ въ трѣхъ оконцѣ . стѣ дѣ хотѣ сѣ стѣ
 шипи стѣи и сласто рѣ . и помышляше цркъ

ФМБ

Миниатюра из Лицевого летописного свода (Хронографический том ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

крупная серия средневековых изображений, подробно и детально освещающая этот византийский обряд.

Одна из миниатюр хранящегося в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Хронографического тома Лицевого летописного свода, посвященного преимущественно византийской истории [16; 17], в ряду других образов представляет уникальное изображение византийского императора (рис.). Оно интересно как одно из показателей того смещения светского и духовного начал в представлениях о власти, которое было распространено в Византии и других странах, испытавших ее культурное влияние.

Речь идет об изображении фигуры бородатого мужчины в царском облачении, а вместе с тем, в нимбе и с крыльями [18, л. 537]. Указанные иконографические особенности объясняются довольно просто — попыткой буквально передать текст, который данная миниатюра иллюстрирует. Этот текст повествует о «чуде о трех оконцах», происшедшем во время строительства храма святой Софии в Константинополе при императоре Юсти-

ниане [19, с. 293]. Согласно этой легенде, очередной вопрос о том, как следует строить ту или иную часть храма, был решен благодаря явлению «началохитрецу», руководившему строительством, «ангела в образе царя». Действительно, по всему своему облику, кроме наличия крыльев, указанный образ тождествен другим изображениям Юстиниана в Своде, в том числе — второму, бескрылому его изображению на той же миниатюре. Нимб на русских изображениях Юстиниана обычен (как и на византийской мозаике X в. в Софии константинопольской [20, табл. 96]), хотя в русских хронографах и летописях есть сведения о том, что этот император якобы был еретиком [19, с. 297; 21].

В данном случае только крылья символизируют, что изображенный персонаж — ангел. Следует отметить, что хотя крылья — обычная принадлежность иконографии ангелов, известны древнерусские изображения бескрылых ангелов [22, табл. 101, 205; 23]. Лицо рассматриваемого персонажа нельзя было стилизовать по обычному для ангелов иконографическому типу, так как в этом случае исчезало бы сходство с конкретным императором.

Будучи единичным и навеянным конкретным текстом, изображение царя-ангела тем не менее занимает определенное место в истории развития древнерусской иконографии. Придание регалий священным образам в православной иконографии встречается. В частности, можно вспомнить царское облачение Богородицы в композиции «Предста парица» [22, табл. 80; 24]. С конца XV в. на Руси распространяется по-видимому возникшая самостоятельно иконография святой Софии — образ, для которого также характерно сочетание облачения византийского императора с крыльями [25]. Корона и крылья в дальнейшем становятся характерны для специфически русской иконографии архангела Михаила на крылатом копье [26; 22, т. II, табл. 40]. Придание ангельских крыльев персонажам, лишенным других иконографических черт ангелов, может быть также отмечено на некоторых изображениях схимников [27; 22, т. I, табл. 72]; традиционно оно и для иконы «Иоанн Предтеча, ангел пустыни». Древнейший в русском искусстве случай наличия у одного персонажа и короны и крыльев связан с героем ветхозаветного апокрифа — Китоврасом [28].

Сближение образов ангела и царя облегчалось тем, что облачение ангелов нередко представлялось включающим лор, а в качестве атрибутов обычны жезл и сфера с крестом [20, табл. 6; 22, т. I, табл. 127]. В русском тексте конца XV в. нимбы ангелов на иконе «Троица» названы венцами, а посохи-мерила уподоблены царскому скипетру [29].

Образ Юстиниана в древнерусском искусстве не редкость, прежде всего — изображения его статуи в Константинополе. Она была широко известна русским людям как достопримечательность Царьграда (Епифаний Премудрый, Афанасий Никитин и др.) [30].

В заключение несколько слов о значении миниатюр Лицевого летописного свода, посвященных событиям чужеземной истории. А. В. Арциховский отрицал их историческое значение на том основании, что «художники сознательно стремились изображать иноземную жизнь непохоже на русскую» [7, с. 155]. С этим нельзя полностью согласиться, поскольку именно на миниатюрах, посвященных чужеземным событиям, представлены такие специфические явления, как русские земледельческие орудия [31], парная баяя [32] и др., отсутствующие в «русских» томах Свода. Отметим, что в посвященном преимущественно Византии Хронографическом томе ГПБ есть и события русской истории, древнейшего ее этапа (отсутствующие в «русских» томах, где не сохранилась часть, иллюстрирующая события до 1112 г.). Это, в частности, события, связанные с походами на Царьград Аскольда и Олега [18, л. 967—969, 1046об. — 1049об., 1085—1091об.].

Важнейшая особенность миниатюр Свода, посвященных чужеземным событиям — их исключительное богатство. Здесь множество отсутствующих в «русских» томах бытовых реалий, изображения суеверных обрядов [33], произведений искусства, осуждаемых церковью как нечестивые [34] и т. п. В числе миниатюр Свода — крупнейшая серия иллюстраций по ви-

зантийской истории. Кроме Хронографического тома ГПБ сюда относятся также значительные серии миниатюр в «русских» томах — к повести о взятии Царьграда латынями [35], хождение Пимена в Царьград [12, л. 251об. — 307об.], о Ферраро-Флорентийском соборе [36, л. 499—514об.], о взятии Константинополя турками [36, л. 736об. — 853об.]. Многие из этих миниатюр могут быть сопоставлены с лицевыми византийскими хрониками (греческой рукописью — Скилицы и славянскими — Манассии и Амартола). Интересны и значительны серии миниатюр Свода по истории других стран — Золотой Орды, южных славян, польско-литовского государства (в частности несколько миниатюр посвящены браку Ягайло и Ядвиги [12, л. 221об., 706, 706об.]). Представлены на миниатюрах Свода и такие эпизоды, как крещение армян при царе Трдате [18, л. 105] и коронавание в Риме Карла Великого [18, л. 811; 36, л. 598об.].

Богатство и содержательность всех этих серий миниатюр Лицевого летописного свода заслуживают серьезного внимания исследователей. В связи с существующими планами факсимильного воспроизведения Свода [37] следует настаивать на непрременном включении в него также всех трех хронографических томов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grabar A. L'empereur dans l'art Byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris, 1936.
2. Hunger H. Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.
3. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975, с. 235—260.
4. Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав). М., 1890, с. 172—174.
5. Орешникова А. В. Русские монеты до 1547 г. — Исторический музей. Описание памятных, вып. 1. М., 1896, табл. 1, 5, 6.
6. Щепкина М. В. Изображения русских исторических лиц в шитье XV в. — В кн.: Труды ГИМ. Памятники культуры, вып. XII. М., 1954.
7. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
8. Протасьева Т. Н. Псковская палая 1477 г. — В сб.: Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968, с. 108.
9. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 5 об.
10. Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. ИОРЯС, т. V, кн. 3, 1900.
11. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.
12. II Остермановский том БАН, шифр 31.7.30.
13. Чернецов А. В. Три резных посоха XV в. — Советская археология, 1980, № 2, с. 110, рис. 9.
14. Шумиловский том ГПБ, шифр F IV 232, л. 561—565.
15. Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im Byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978, S. 193—197, Abb. 106—118.
16. Хронографический том ГПБ, шифр F IV 151.
17. Бушлаев Ф. И. Сочинения. Т. II. СПб., 1910, с. 307—309, рис. 53—56.
18. Хронографический том ГПБ.
19. ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911.
20. Лазарев В. Н. История византийской живописи. Atlas, т. II. М., 1948.
21. ПСРЛ, т. XII. М., 1965, с. 81.
22. Антонова В. И., Мневса Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Государственная Третьяковская галерея. М., 1963.
23. Рыбаков Б. А. Антицерковное движение стригольников. Вопросы истории, 1975, № 3, с. 158.
24. Осташенко Е. Я. Об иконографии типа иконы «Предста царица» Успенского собора Московского Кремля. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М., 1977.
25. Яковлева А. И. «Образ мира» в иконе «София Премудрость божия». — Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М., 1977.
26. Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 120, 121, табл. 116.
27. Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966, табл. 4.
28. Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. — Советская археология, т. XVIII. М., 1953, с. 424—427.
29. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 372.
30. Велоброа О. А. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. — Византийский временник, т. XVII. М.—Л., 1960.

31. Горский А. Д. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода.— Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому. М., 1962.
32. Хронографический том БАН, шифр 17.17.9, л. 844.
33. Chernetsov A. V. Medieval Russian pictorial Materials on paganism and superstitions.— In: Symposium international et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Contributions. Slavica Gandensia, 7/8, Gand, 1980—1981.
34. Чернецов А. В. Иллюстрация к Шестокрыслу и вопрос об отреченных изображениях в древней Руси.— ТОДРЛ, т. XXXVIII, Л. 1983.
35. Подобедова О. И. Повесть «о взятии Царьграда от крестоносцев». в 1204 г. в интерпретации русского миниатюриста второй половины XVI в.— In: Actes du Xième congrès international d'études Byzantines. Athènes, 1976, v. II, Art et archéologie. Communications, Athènes, 1981.
36. Голицынский том ГПБ, шифр F IV 225.
37. Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы всесоюзной конференции. Л., 1981, с. 262, 35, 36, 203—208.

ХИЛАНДАРСКИЙ СПИСОК СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ПОУЧЕНИЙ ФЕОДОРА СТУДИТА

В богатом рукописном собрании Хиландарского монастыря на Афоне (Греция) хранится рукопись № 387, сербская, на бомбицине, второй половины XIII в. 6 листов из этой рукописи находятся в Москве, в ГБЛ, собр. Григоровича, № 1700; как показывает текст, они следовали между современными лл. 190 и 191 Хиландарской рукописи (далее Хил.). В ГБЛ имеется и микрофильм Хил. (поступление № 66—1975) ¹.

Рукопись содержит перевод огласительных поучений Феодора Студита, авторитетного византийского законодателя монашеской жизни (759—826). Она представляет собою самый ранний список славянского перевода поучений Феодора Студита и один из немногих южнославянских списков этого перевода.

Охарактеризуем рукопись и ее содержание.

Прежним местопребыванием Хил. была типикарница (келья) св. Саввы Сербского, паходящаяся в Карее, на Афоне. Здесь рукопись была открыта В. И. Григоровичем. Описывая свою поездку на Афон в 1844 г., В. И. Григорович отметил, что в карейской типикарнице св. Саввы он обнаружил 45 рукописей (все сербского извода), которые, «распадаясь от времени и небрежения, составляют... неотъемлемую собственность кельи». Перечисляя их, он назвал и поучения Феодора Студита, на «хлопчатой бумаге» [1]. Как установил Ф. Е. Петрунь на основании реестров, составленных В. И. Григоровичем, упомянутые выше 6 листов были вывезены из Карей [2].

Через 20 лет после В. И. Григоровича К. П. Дмитриев-Петкович подтвердил наличие в карейской типикарнице 45 славянских рукописей, напомнив, что то же количество отметил и В. И. Григорович [3]. По-видимому, рассматриваемая рукопись и в последующие годы находилась в типикарнице св. Саввы, а не в Хиландарском монастыре, так как в описаниях рукописей этого монастыря, составленных архимандритом Леонидом (Кавелиным) [4] и Саввой Хиландарцем [5], она не значится ². Но, как сообщил нам Д. Богданович (письмо от 15 I 1976 г.), рукопись значится под № 231 во втором, неопубликованном каталоге хиландарских рукописей, составленном Саввой в 1906 г.; по предположению Д. Богдановича, она была перенесена из Карей в Хиландар в период между 1895 и 1906 гг., отделяющий написание второго каталога от первого.

В настоящее время рукопись хранится в Хиландарском монастыре. О ней упоминает Д-р. Радоичич, который, не говоря о ее названии и содер-

¹ Автор приносит глубокую благодарность Н. Е. Тихомирову за указание на эту рукопись и микрофильм и за другие ценные сведения.

² В статье Ж. Татича, специально посвященной типикарнице св. Саввы, ничего, к сожалению, не сказано о находившихся там рукописях и лишь упомянуто, что типик (устав) св. Саввы высечен там на каменной плите [6].

жании, отмечает, что рукопись № 387 — единственная из хиландарских рукописей, написанная на бомбицине, что она относится к XIII в. и является старейшей сербской бумажной рукописью [7]. Она включена также в каталог микрофильмов хиландарских рукописей, имеющих в университете штата Огайо (США), где отнесена к XIV в. и предположительно названа старейшим сербским документом [8]. Есть упоминание о рукописи и в каталоге выставки, состоявшейся в Белградской народной библиотеке в 1973 г.; здесь она определена как относящаяся ко второй четверти XIII в. и являющаяся старейшим сборником догматических и моральных поучений сербской редакции [9].

6 листов рукописи, находящиеся ныне в ГБЛ, описаны А. Е. Викторовым, правильно определившим, что отрывок содержит два поучения Феодора Студита из Малого катехизиса — № 47 и 48, и отнесшим рукопись к XIV—XV в. [10]. В «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» отрывок охарактеризован как сборник слов и поучений (без указания на Феодора Студита) конца XIII — начала XIV в. [11].

Как видим, общего описания всей рукописи нет, а расхождения в ее датировке у разных ученых значительны.

Рукопись написана очень крупным уставом; в настоящее время в ней 366 лл. бомбицины. Из-за обрыва правого края первого листа заглавие сохранилось лишь частично: «на с... пас... прѣпо(д)бнаго... нашего еедо... мена. стоудиис... чения къ оучени... его» (т. е. «на стую паскоу. прѣпо(д)бнаго ѿца нашего еедора игоумена. стоудиискаго поучения къ оученикомъ его»). На л. 279, перед началом очередного поучения, находится другое заглавие: «прѣпо(д)бнаго ѿца нашего игомена еедора . стоудиискаго . поучения и прочитания. веѣхъ стыхъ. въ срѣде же и петке . всего годища». Таким образом, здесь, как и в большинстве греческих списков Малого катехизиса, собрание поучений разделено на две части, причем поучения, относящиеся к 1-й части, имеют надписание о дне произнесения, а те, которые входят во 2-ю часть, надписаний не имеют. На л. 364 об. — 366 помещено послесловие: «аминь сказаниа чтениамъ . въ стые poste . и въ ине дни кои соуть зьдѣ написани . на стоу паскоу. по пасцѣ...» (далее перечислены все дни, к которым приурочены помещенные в рукописи поучения); заканчивается послесловие так: «...поучения и прочитания . въ срѣде же и петке все(го) годища зьдѣ ищи ю» (более поздним почерком приписано: «яко нѣже»).

Правописание рукописи рашское (см. о нем [12]), т. е. близкое к болгарскому, характеризующееся употреблением йотированных гласных, различием ѣ и я. Буква ю иногда написана в рукописи зеркально (ю). Правописание Хил., как и всех сербских рукописей, полностью отражает такие сербские особенности, как употребление оу на месте юса большого, е на месте юса малого, њ на месте обоих редуцированных; в тексте широко представлены морфологические и лексические сербизмы³.

Особенности орфографии и языка рукописи, использование бомбицины не противоречат отнесению рукописи ко второй половине XIII в.

Список содержит (вместе с Григ. 1700) 104 поучения, одно из которых, на л. 277, не принадлежит Феодору Студиту; это слово на пасху, надписанное именем Иоанна Златоуста, часто находящееся и в греческих списках среди поучений Феодора Студита (его начало: «Аще кто блг(о)чь(с)нь и бголюбьн...»).

Остальные 103 поучения принадлежат Феодору Студиту. 101 из них — это поучения Малого катехизиса (МК). Полный греческий текст МК со-

³ Еще Дж. Даничич в 1862 г. писал о сербизации языка, характерной уже для самых первых сербских памятников, где было сербизировано все, что требовалось сербизировать [13]; И. Грицкат предположила даже, что церковнославянский язык сербской редакции был создан не на основе старославянского языка, а самостоятельно, на собственной диалектной основе [14]; оговорки относительно этой гипотезы см. в рецензии Н. А. Мещерского на книгу И. Грицкат [15].

л.	№ поуч.	л.	№ поуч.	л.	№ поуч.	л.	№ поуч.
1	1	120	27	216	55	291 об.	79
3	2	124 об.	28	220 об.	56	294 об.	80
5 об.	3	129	29	223 об.	57	297	81
8	4	133	30	227	59	300	82
11	5	137 об.	31	230	60	303 об.	83
15	6	142 об.	33	233	61	306	84
19	7	145	34	236 об.	62	309 об.	85
23	8	148	35	239	63	311	86
26 об.	9	151 об.	32	244	66	314 об.	87
35 об.	10	154 об.	40	247	67	317 об.	88
41	11	158	37	250	БК I, 69	320 об.	89
45	12	162	43	253	64	323 об.	90
49	13	166	38	256	65	326	91
54 об.	14	170 об.	41	258	69	329	92
60	15	174	42	260 об.	70	332	93
65	19	177 об.	44	263	68	335	94
69 об.	16	181	45	265 об.	БК III, 11	337 об.	95
73 об.	17	186	46	268 об.	71	341 об.	96
77 об.	18	Григ. 1700, л. 1.	47	271	72	345	97
82 об.	20	Григ. 1700, л. 6.	48	274 об.	73	348	98
88	21	194 об.	49	277	Иоанн Злато- уст 74	350 об.	99
93	22	198 об.	50	279	75	353	100
100	23	200 об.	51	282 об.	76	355 об.	101
104	24	205	52	284 об.	77	358	102
109	25	209	53	286	78	360 об.	103
114	26	211 об.	54	288 об.	78	363	104

стоит из 134 поучений, нумерация которых в большинстве греческих списков (см. их издание [16]) стабильна; этой нумерации придерживаемся при характеристике славянского перевода МК.

В списке Хил. находятся поучения МК № 1—104, кроме № 36, 39 и 58. Однако в ряде других списков поучения 36 и 58 имеются, и только МК 39 в раннем славянском переводе неизвестно. Пропуск МК 39 можно объяснить тем, что в греческих списках МК четыре поучения, № 38—41, обычно имеют одинаковое надписание "εις τούς βίους τών πατέρων" (в Хил. оно передано «въ житияхъ стыхъ ѿць» для МК 38 и 41, а МК 40 надписано «на память стыхъ ѿць»), и, вероятно, поэтому одно из четырех поучений было механически пропущено. Отсутствие МК 39 в славянских списках позволяет предположить, что этот пропуск восходит к первоначальному переводу и был, возможно, уже в греческом списке, служившем оригиналом для переводчика. Аналогично объясняется и пропуск МК 36: в греческих списках часто одинаковое надписание для МК 36 и 37, «μετά τή φῶτα» (в Хил. — «по просвѣщении» для МК 37); но наличие МК 36 в ряде других славянских списков (например, рукопись ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамское, № 604, русская, XVI в.) говорит, что в этом случае утрата произошла на славянской почве. Понять отсутствие МК 58 позволяет другой список (рукопись Югославянской академии в Загребѣ, собр. Верковича, № IV d 4, сербская, конец XIII — начало XIV в.), в котором МК 58 имеет неправильное заглавие, совпадающее с заглавием МК 59 («ω како кротко и льстно съвршати намь днии постниє въ надежди безконьчине жизни» вместо «о единении и любви»); ошибочное повторение заглавия в каком-то списке этого типа вызвало в списке — предшественнике Хил. — вторую ошибку — пропуск одного из двух одинаково озаглавленных поучений, а именно МК 58.

Кроме этих 101 поучения, Хил. содержит еще 2 поучения Феодора Студита; они расположены среди поучений МК, но относятся к Большому катехизису (БК): на л. 250 находится поучение № 69 из первой книги БК,

а на л. 265 об. — поучение № 11 из третьей книги БК. Ни первая, ни третья книги БК не были переведены у славян; указанные поучения из этих книг переводились, несомненно, вместе с поучениями МК, в массу которых они были вкраплены уже в некоторых греческих списках. Например, входящее в Хил. поучение БК III, 11 имеется и в рукописи ГИМ, Син. греч. № 207 (376/363) среди 75 поучений МК, см. [17] — автор описания, отметив наличие в рукописи этого поучения, не идентифицировал его).

Хил. содержит наибольшее количество поучений МК, переведенных у славян. В следующем ниже перечне содержание листов Хил. идентифицировано в соответствии с нумерацией, принятой в греческих списках МК:

Почтения МК 105—134, очевидно, не были переведены; они не встречаются ни в одном славянском списке (только МК 125 и 126 имеются в некоторых русских списках, представляющих особый перевод, не связанный с Хил.).

Греческие списки МК того состава, который отражен в Хил., указать трудно⁴.

Есть немало оснований считать, что перевод МК, представленный в Хил., является сербским, выполненным в XIII в. Список Хил., несомненно, был отделен от протографа несколькими промежуточными списками: в нем имеются явно вторичные пропуски текста, выявляемые в сопоставлении с другими списками (южнославянскими и русскими), ни один из которых не содержит, однако, такого большого количества поучений, как Хил.; они составлены в результате выборки из перевода, представленного в Хил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877, с. 27—28.
2. Петрунь Ф. Рукописна збирка В. Т. Григоровича. Библиографични замітки. — В кн.: Праці Одеської центральної наукової бібліотеки, I. Одеса, 1927, с. 141.
3. Дмитриев-Петкович К. П. Обзор Афонских древностей. — Записки АН, т. VI, приложение № 4. СПб., 1865, с. 5—6.
4. Леонид [Кавелич]. Славяно-сербские книгохранилища на святой Афонской горе, в монастырях Хиландаре и святом Павле. — ЧОИДР, кн. I. М., 1875.
5. Sava Chilandarec. Rukopisy a starotisky Chilandarské. — Věstník král. České společnosti náuk, roč. VI, 1896.
6. Гатић Ж. Сихастерија (посница) св. Саве у Кареји. — Гласник Скопског научног друштва, књ. VII—VIII. Одељење друштвених наука, 3—4. Скопље, 1930, с. 135—139.
7. Радојичић Ђ. С. Старе српске повесље и рукописне књиге у Хиландару. Извештај о њиховом проучавању у повембру и децембру 1952 г. — В кн.: Радојичић Ђ. С. Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и турско доба. Нови Сад, 1967, с. 318 (перепеч. из: Архивист, 1952 2 II).
8. Hilandar Slavic manuscripts. A checklist of the Slavic manuscripts from the Hilandar monastery available on microfilm at the Ohio State University libraries Composed by M. Matejić and P. Matejić. Columbus (Ohio), 1972, p. 13.
9. Изложба српске писане речи. Београд, 1973, с. 18.
10. Викторов А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 14, № 20.
11. Археологический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 211, № 402.
12. Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973, с. 61.
13. Даничић Ђ. Језик старе српске књижевности. — В кн.: Стара књижевност. Приредбо Ђ. Трифуновић. Београд, 1972, с. 240.
14. Грицкат И. Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975, с. 28 и след. — Реферативный журнал Общественные науки за рубежом. Серия 6. Языковедение. М., 1977, № 2, с. 68.
15. Вестник ЛГУ, 1977, № 8, вып. 2, с. 152.
16. Auvray E. Sancti patris nostri et confessoris Theodori, studitis praepositae Parva Catechesis. Parisiis, 1891.
17. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 246—247.
18. Lambros S. P. Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos. I. Cambridge, 1895, p. 182.

⁴ Такова, возможно, греческая рукопись XVIII в. из Афонского монастыря Эсφιμεну № 99, включающая 105 поучений Феодора Студита, но по описанию С. П. Ламброса [18] установить этого с точностью нельзя из-за отсутствия в нем перечня заглавий и начал поучений.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛАВЯН

Этим вопросам посвящены коллективный труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982) и сборник «Славяне на Днестре и Дунае» (Киев, 1983).

Авторы коллективного труда (ред. коллегия: Заборовский Л. В., Иванов В. В., Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Толстой Н. И., Флоря Б. Н.) предприняли попытку комплексного исследования древнейшей этнической истории славян — от первых упоминаний о них письменных источников до оформления раннесредневековых народностей — и выяснить одну из главнейших сторон этого процесса — формирование и развитие их этнического самосознания. Подобный труд мог быть посылным даже столь известному коллективу историков и филологов после того, как в нашей стране и за рубежом появился ряд исследований историков, этнографов и лингвистов по этносоциальной и этнокультурной истории европейских, в том числе и славянских народов в раннее средневековье. Тематически книга охватывает подавляющее большинство славянских раннесредневековых народностей.

В отдельных главах рассматриваются предпосылки формирования и развития этнического самосознания славянских народностей, прослеживаются этнические процессы на фоне социально-экономического, политического и культурного развития в каждом из заселенных славянами регионов. Этот процесс рассматривается в неразрывной связи с образованием раннесредневековых государств, выясняется взаимосвязь между государственно-политическим и этническим самосознанием. В главах II, XI, XII прослеживается взаимосвязь между изменением этнического самосознания и эволюцией

языка, что несомненно обогащает и конкретизирует общее представление об этническом самосознании.

Основными источниками для написания всех глав служат свидетельства письменных памятников, в отдельных случаях (о западных и южных славянах) неславянского происхождения. Широко используются данные этнонимии, топонимики, гидронимики, антропонимики и других вспомогательных дисциплин. Привлечен и археологический материал (глава о болгарях). Сделанные авторами наблюдения и выводы достаточно обоснованы и аргументированы.

Так как ранняя история отдельных славянских народностей не в одинаковой степени отражена в источниках, то, естественно, одни главы выглядят богаче по своему содержанию, другие беднее.

Исходные исторические данные для изучения процесса формирования самосознания ранних славянских народностей изложены в гл. 1 «Древняя славянская этническая общность», содержание которой дополняется гл. XI о диалектном членении славянской языковой общности и единстве древнеславянского языкового мира. На основе подчас крайне скудных известий о древней славянской общности прослеживается более или менее детально процесс ее эволюции до начала формирования отдельных славянских народностей, анализируются данные об общем славянском самосознании.

В гл. III «Формирование этнического самосознания болгарской народности» раскрывается весьма сложная этническая и политическая ситуация, в которой формировалась раннесредневековая болгарская народность и выработывалось ее самосознание — постоянные столкновения славян и протоболгар с Византийской империей, колонизация земель

с иноэтническим населением, ассимиляция славянами протоболгар. Все это хотя и усложнило этнические процессы, но в известном смысле и ускорило их. Здесь рано образовалось государство, сплотившее воедино славян и протоболгар в их противостоянии империи. Автор указывает, что начало этнической интеграции славян относится еще к доболгарскому периоду (с. 51), и справедливо называет возникшее во второй половине VII в. государственно-объединение славяно-протоболгарским. Эти этнополитические процессы завершились в начале X в. полной интеграцией разноплеменного населения — государственно-подданство и этническая принадлежность взаимосовместились (с. 74).

Моравская народность как устойчивое этническое образование не сложилась (гл. IV). Великоморавская народность погибла вслед за падением Великоморавского государства (с. 94). Приведенные скудные литературные свидетельства говорят о высокой степени сознания великоморавской общности, по крайней мере в среде образованной верхушки этого государства. Сказалась ранняя христианизация Моравии, в которой видели «прародину славян».

Гл. V «Формирование самосознания древнерусской народности», весьма фундаментальная данными письменных источников и специальных исследований, представляет интерес прежде всего тем, что в ней прослеживается процесс интеграции восточнославянских этнических общностей в единую народность и отчетливо показывается значение государства в этнической интеграции и формировании этнического самосознания. Этот процесс не завершился по-видимому и ко времени Нестора, подчеркивавшего глубокие племенные различия и поднимавшего на щит «полянскй патриотизм» (с. 116).

Авторы главы совершенно правы, утверждая, что процесс формирования государственно-политического самосознания шел впереди осознания этнической общности, хотя не всегда проводят четкие грани между этими разными формами самосознания, как и между разными по характеру общностями, которые они выражали.

Еще в большей степени этот недостаток проявляется в гл. VI, трактующей об этническом самосознании чешской народности. Круг источников ограничивается здесь в основном «Хроникой» Козьмы Пражского, сообщающей преимущественно данные о Чешском государстве и мало

говорящей о чешской этнической общности. Общее подданство единой княжеской власти, безусловно, способствовало этнической интеграции, но само по себе ее не представляло. Следовало четко разграничить эти понятия.

По той же причине недостаточности источников автору главы о древнепольской народности не удалось более или менее подробно проследить этнический процесс и показать этапы формирования этнического самосознания. Этот процесс шел примерно таким же путем, как и у восточных славян (и у германцев) — через объединение «малых племен» в более крупные территориальные племенные образования и слияние последних в древнепольскую народность. Важную роль при этом сыграло Великопольское княжество (с. 145—149). Этнической интеграции польских племен способствовало их языковое и культурное родство. Свидетельством интеграции, как отмечает автор, являлось утверждение уже в IX в. самонаименования «поляци», утратившего прежний племенной смысл и ставшего, обозначать все население страны. В главе, пожалуй, слишком много места отведено вопросам государственного устройства (с. 151—155), которое может в данном случае интересоваться только в плане формирования этнического самосознания.

Главы, посвященные хорватам и сербам, беднее предыдущих по своему содержанию. Причина этого — в скудости источников и слабой изученности ранней этнической истории данных народов. Но тем не менее и они расширяют представление об этнических процессах у южных славян в раннее средневековье.

Сложные внутренние и внешние условия (палачье большого количества романского населения в Далмации, подчинение Посавской Хорватии Венгрии и др.) помешали консолидироваться в этот период хорватской народности.

Древнесербская народность в условиях постоянной конфронтации с Византией консолидировалась сравнительно поздно.

В главе X прослежены этнические процессы у полабских славян, распадавшихся на 3 отдельные группы племен, каждая из которых представляла обособленное в территориальном, политическом и культурном отношении целое со своим особым этническим самосознанием. Наряду с этим у полабских славян продолжало жить сознание общеславянского единства и племенной автопомии. Постоянные столкновения с иноэтническим и инаковерующим германским населением укре-

пили самосознание славяно-полабского единства. Дальнейшее развитие этнополитических процессов было прервано немецким завоеванием.

Хорошее впечатление производит заключительный раздел труда, в котором характеризуются общие и специфические черты формирования и развития этнического самосознания славян в период перехода от племенных общностей к ранне-средневековым народностям. Выводы и замечания автора этого раздела (Г. Г. Литаврина) логичны и продуманы. Совершенно справедливо, например, указывается на значение государства в этнической консолидации и интеграции, а следовательно и в формировании этнического самосознания (с. 259—260). Сам автор считает свои выводы лишь предварительными, ждущими еще проверки в полных исследованиях (с. 226). Поэтому уместно сделать некоторые замечания, в частности по такой сложной проблеме, как взаимосвязь этнической и политической (государственной) общности, этнического и политического самосознания. Выше уже отмечалось, что в отдельных главах не проводится четкого различия между этими понятиями и явлениями. Такое разграничение следовало провести в заключении.

Оформление государственного самосознания и вероисповедания, как это следует из приведенных в книге фактов, шло обычно впереди формирования новой этнической общности — раннефеодальной народности, и государственная власть служила при этом мощной нивелирующей и интегрирующей силой. Следует иметь в виду, что государственные образования создавались в результате подчинения или присоединения отдельных этнических общностей, в то время как новая народность формировалась постепенно в процессе интеграции и ассимиляции. При незавершенности процесса формирования ранне-средневековой народности трудно отделить в обыденном сознании понятие этнической принадлежности от понятия подданства (с. 266). Но несомненно, что это разные вещи. Особенно отчетливо различия выступали, когда государство объединяло разные этнические общности.

Упущением авторов рецензируемого труда является то, что они, проследивая формирование самосознания ранне-средневековых славянских народностей, не учитывали значения неславянской этнической среды. Может создаться впечатление, что где-либо существовали однородные, «чистые» этнические образо-

вания. Анализ археологических культур опровергает подобные представления (с. 8). Исключением является, пожалуй, глава о болгарской народности, в которой прослеживается ассимиляция протоболгар в славянской среде.

Следовало бы также при рассмотрении этнических процессов у славян проводить параллели с другими народами — германцами, романским населением и т. п. Это позволило бы сделать еще более обоснованные теоретические выводы.

Второй рецензируемый сборник посвящен этнокультурному и социальному развитию авто-склавинских племенных групп славян и жившего в перемежку с ними пестрого по этническому составу населения Днестро-Дунайского междуречья, в судьбах которого с середины I тысячелетия все большую роль играли заселявшие данный регион славяне. Для нас представляют специальный интерес вопросы расселения славян и этногенез славянских народностей в районе, характеризовавшемся особой этнической пестротой.

Статьи сборника написаны большей частью на археологическом материале. Все они отличаются новизной фактов. Значительная часть материала впервые вводится в научный оборот. Некоторые статьи носят обобщающий характер. Авторы сборника считают, что по все поднятые ими вопросы решены до конца, многие из них остаются дискуссионными (с. 4).

Все статьи трактуют так или иначе проблему расселения славян в указанном регионе. Исследование В. Д. Барана (он же ответственный редактор сборника) «Сложение славянской ранне-средневековой культуры и проблема расселения славян», в котором суммируются многочисленные археологические данные, уточняет показания письменных источников о заселении славянами Северного Подунавья, которое, по мнению автора, началось в гуннское время (инфильтрация допускается им и в более ранний период). Славяне постепенно и мирно входили в контакты с остатками дако-романского населения. Материальная культура сочетается здесь в ряде поселений как славянские, так и неславянские черты (с. 47—48).

В статье И. С. Винокура, написанной по письменным источникам и археологическим данным, прослеживается расселение славян — антов и склавинов в Днестро-Дунайском междуречье. Анализ зарубицкой, пшеворской и черняховской культур обнаруживает этничес-

кую пестроту, взаимовлияние славянского, гето-фракийского и сарматского элементов. Памятники черняховской культуры обнаружены на огромной территории от Левобережья Днестра до Прута и Нижнего Дуная. Славяне во II—V вв. занимали здесь доминирующее положение.

Начальный этап формирования славянских культур на Верхнем и Среднем Днестре и в Прикарпатье рассматривается в статье Л. В. Вакуленко «Поселение позднеримского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза». По его словам, наиболее ранние памятники в указанном районе относятся к позднеримскому времени, с которого он и датирует формирование средневековой славянской культуры (с. 180).

О. М. Приходнюк в статье «К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях», анализируя памятники пеньковской культуры, приходит к выводу, что носителями этой культуры были анты, которых он относит к южной группе славян Восточной Европы. Они постепенно заселяли Карпато-Дунайские земли, особенно интенсивно с VI в. Хотя славяне и подверглись влиянию местного гето-дакийского элемента и провинциально-византийской культуры, они сохранили свои этнические черты и оставались доминирующим компонентом в Карпато-Дунайских землях в указанный период (с. 191).

Статьи Е. А. Горюнова, М. М. Казанского «К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья» и М. Ю. Брайчевского «Славяне в Подунавье и на Балканах в V—VIII вв. (по данным письменных источников)» посвящены вторжениям славян на Балканский полуостров и колонизации ими Балкан.

Авторы первой статьи, рассматривая разные мнения о значении вторжений славян на Правобережье Нижнего Подунавья, приходят к выводу, что здесь отсутствовал континуитет — славяне разрушали города, заселяли сплошь территорию; местное фракийское население

не участвовало в формировании болгарской народности и создании ее культуры.

М. Б. Брайчевский выясняет причины массовых вторжений славян в пределы Византийской империи и устанавливает периодизацию этих вторжений и заселения славянами Балкан. Результатом массовых славянских вторжений было кардинальное изменение карты Юго-Восточной Европы, где оформились средневековые славянские народности.

Может быть, автор слишком смело квалифицирует Антский и Склавинский союзы как образования государственного типа (с. 243).

Значительная часть исследования М. Ю. Брайчевского посвящена выяснению социально-экономического уклада расселившихся на Балканах славян, преимущественно на основе данных «Земледельческого закона». Автор, пожалуй, слишком архаизирует общественный строй славян в Византии VII—VIII вв. К сожалению, он не мог использовать нового более совершенного издания этого документа [1], заставляющего несколько по-иному подходить к использованию его при характеристике аграрно-общинного строя славян.

В заключение следует подчеркнуть, что сборник статей о славянах на Днестре и Дунае является весомым вкладом в решение проблемы расселения славян и этногенеза славянских народностей. Раскрывая сложную этно-культурную обстановку в указанном регионе, не без основания называемом «воротами в Европу», на пороге раннего средневековья, авторы сборника намечают путь и выдвигают исходные данные для решения сложной проблемы формирования славянских народностей и их культуры.

Колесницкий Н. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Византийский «Земледельческий закон». Текст, исследование, комментарий подготовили Е. Э. Лишиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984

С. В. Никольский — крупнейший богемист, соединяющий в своих исследованиях глубокий историко-литературный подход с теоретическим концептуальным мышлением, особенно по проблемам сатиры и фантастики. «Две эпохи чешской литературы» открыли несколько иного Никольского — исследователя — исследователя, распутывающего запутанные узлы, разгадывающего историко-литературные загадки, освещающего темные места. В этом отношении «Две эпохи чешской литературы» — книга-неожиданность.

Внимание ученого привлекли эпизоды истории чешской литературы в ее переломные периоды — национального возрождения и межвоенного двадцатилетия. Об этих периодах и писателях, деятельность и творчество которых исследуется автором, написано немало. Но «сюжеты», рассматриваемые в книге, свежие, не привлекавшие должного внимания других богемистов, или недостаточно освоенные, а то и неверно понятые. Замысел автора — показать своеобразие новой национальной чешской литературы в ее взлетах, в ее «звездных часах», а также в ее славянском и европейском контексте. Прежде всего — в связях с русской литературой и Россией, имевших большое значение для этапных произведений («Краледворская рукопись», «Зеленогорская рукопись», «Отголоски русских песен», «Похождения бравого солдата Швейка» и др.), и для чешского историко-литературного процесса в целом.

В первой части книги — «Возрожденная литература» — дана общая характеристика чешской литературы конца XVIII — начала XIX в. Подобные характеристики писались не раз. Свообразие написанного Никольским — в умении соединить основные, установленные богемистикой и славистикой положения и факты, со свежим взглядом на предмет. Главное достоинство раздела — в его ориентации на разные читательские круги: специалистов по чешской литературе, литературоведов, широких читателей. По периоду, когда чешская национальная литература возникла, как птица Феникс из пепла, песпециалист получит много увлекательно изложенной информации, специалист найдет редкое по четкости обобщение.

Внимание привлекают многочисленные отдельные наблюдения: над стилем и

синтаксисом переписки Ф. Л. Челаковского (с. 10), над функциональностью переосмысления традиционных поэтических компонентов в стихотворениях В. Тама (с. 13), краткая, но убедительная характеристика поэтического наследия замечательного чешского романтика Махи. Однако дело не в привлечении и объяснении отдельных интересных фактов, а в том, что они «работают» на общающую авторскую концепцию, придают ей достоверность и убедительность. Это — первая особенность «Двух эпох чешской литературы».

Вторая особенность — нахождение четких, отточенных формулировок узловых вопросов. Таково освещение соотношения фольклора и литературы во времена чешского национального возрождения (с. 1—20). Сказанное здесь смело можно распространить на другие славянские (и не только славянские) литературы.

Во втором разделе — «Поэтические мозаики В. Ганки и И. Линды» (отмечу, что в названиях разделов слиты научные дефиниции и художественная образность) — начав со скатого рассказа об удивительной истории «старочешских рукописей», С. В. Никольский переходит к скрупулезному сопоставлению стихотворений В. Ганки с русскими фольклорными песнями. Становится очевидным, что повышенная сентиментальность первых и непонимание их сочинителем духа и стиля устного народного творчества обусловили псевдонародность лирической поэзии В. Ганки. Тем парадоксальнее творческие достижения в Краледворской и Зеленогорской рукописях. Объяснение этого парадокса составляет научный пафос исследования. Автор доказывает, что «старочешские рукописи» — результат своеобразного художественного синтеза фольклорных и исторических материалов — чешских, сербских, хорватских, русских — на содержательном и формальном уровнях. Оригинально и убедительно типологическое сопоставление их с такими шедеврами индивидуального гения как «Витязь в тигровой шкуре», «Осман», «Слово о полку Игореве».

Раздел «По стопам народной поэзии», посвященный творчеству Челаковского, органически вытекает из предыдущего. Науке известно значение фольклора в процессе становления национальных славянских литератур, особенно романтической поэзии. С. В. Никольский вно-

сит весьма существенное уточнение: у южных славян или у украинцев такой процесс представлял спонтанное перераствание народного творчества в литературу (Негош, Ботев, Шевченко), у чехов же «поэты сначала рассудком постигали возможности фольклора в обогащении национальной литературы, и лишь затем начиналось сознательное творчество в духе народной поэзии» (с. 49). Указанному отличию дано интересное объяснение. Для литературоведа, интересующегося стадильностью в развитии чешской литературы (и не только чешской), важны сопоставления поэзии Гапки — Липиды и Челаковского. Отличие художественной системы «Отголосков русских песен» и «Старочешских рукописей» автор связывает с процессом дальнейшей национальной индивидуализации самой чешской литературы.

Распутывание загадки библиографической неточности в примечаниях Челаковского к составленному им сборнику «Славянских национальных песен» неожиданно приводит автора к установлению фактов внимания чешского поэта к идеям и печатным изданиям декабристов, отразившемуся в его поэзии.

В целом первую часть книги пронизывает убедительно доказываемая мысль о центростремительном синтезе народного языка, фольклора, стариной письменности и других культурных элементов как отличительным признаком становления новой чешской литературы.

Вторая часть книги — «Литература больших проблем» — также имеет исследовательско-расследовательскую направленность. Раскрывая «секреты» творческой лаборатории Ярослава Гашека, С. В. Никольский вновь соединяет широкий подход к наследию писателя с пристальным вниманием к тексту. Оригинальность автора рецензируемой книги в успешно реализуемом стремлении объяснить эпопею о Швейке через личность Гашека, через его мироопущение. Точно использован контекст меньших произведений и биографических фактов, вводящий в сферу психологии творчества писателя. И вновь, как и в других местах, разбросаны искры плодотворных научных идей: об уникальности Швейка в ряду его фольклорных и литературных собратьев (с. 130—131); о циклизации комических историй как вокруг Швейка, так и вокруг Гашека (с. 136—137); о том, почему «объектом сатиры не может быть природа» (с. 138). Глубоко освещены такие особенности

гашековской эпопеи как слялизация, мистификация, соотношение прототипов и возникших на их основе персонажей, бурлескность. Читатель убедительно подводится к выводу: «Образ Гашека — художественное открытие в масштабе мировой литературы» (с. 170).

Пожалуй, наиболее творчески является раздел «Великое чудо свершилось на земле». Читатель здесь сталкивается с парадоксом: «Все кристально ясно» в творческом пути Иржи Волькера, кроме того, что первый печатный сборник поэта-революционера — «Гость на пороге» — наполнен религиозной образностью и был признан большинством исследователей «выражением идеалов христианского гуманизма» (с. 173). Анализ сборника, привлечение контекста синхронных созданию сборника статей и рукописей, а также переписки Волькера дали возможность совершенно иначе объяснить идейно-образный строй «Гостя на пороге». Сложная метафорика и необычное словоупотребление как бы «зашифровали» для писавших ранее о Волькере основное: за рядами развернутых образов, казалось бы, религиозно-библейского характера лежат идеи пламенного революционного порыва. Эта «расшифровка» — литературоведческое открытие. Такое понимание поэзии Волькера хорошо было бы поддержать типологическими синхронными сопоставлениями с русской — и не только русской — поэзией.

В следующем разделе показано новаторство Волькера в столь излюбленном чешской поэзией балладном жанре, общее и отличное между его балладами и произведениями этого поэтического жанра у Эрбена, Неруды и Безруча. Вызывает сомнение название раздела: «К типологии баллад Волькера», в то время как единственное собственно типологическое сопоставление здесь — «Сказание о старом Мореходе» Колриджа и «Баллада о моряке» Волькера, ибо вряд ли оправдано применение термина «типология» при изучении внутрилитературного процесса. Еще более некорректно применять слово *типологический* к сопоставлению литературных образов-персонажей. Здесь уместнее говорить об эйдологическом или характерологическом сопоставлении. Впрочем, С. В. Никольский далеко не одинок в подобном употреблении термина.

Наверное, не существует ни одной книги без изъянов и шероховатостей. К сожалению, имеются они и у Никольского. Понятно, не они определяют ка-

чество книги. Но их наличие обидно в столь ценной работе. На с. 5 неточная формулировка: «...слово — „робот“, придуманное чешским писателем Карелом Чапек». Разумеется, автор прекрасно знает, что Карел Чапек ввел это слово в употребление, но придумал его Йозеф Чапек.

В своем исследовании С. В. Никольский, объединив ряд историко-литературных эпизодов, сумел начертить перспективу развития новой чешской литературы на двух ее взлетах. Общее между периодами национального возрождения и межвоенного двадцатилетия в том, что это периоды социального подъема. Литература возрождения как бы предвдвляет литературу межвоенного двадцатилетия, но решает, прежде всего, национальные проблемы. Взлет чешской литературы в 20-е годы XX в., как показывает автор книги, объясняется тем, что в Чехии с особой силой сказалось воздействие таких мировых событий, как первая мировая война и Октябрьская революция. Создание национального государства, оказавшегося в эпицентре международных политических потрясений, вынуждало каждого писателя, каждого гражданина решать основные социальные вопросы эпохи.

Ныне представляется весьма своевременным и плодотворным широкое внедрение в историю литературы философских категорий отдельного (национальная литература), особенного (литературная зона), и общего (всемирная литература) в неразрывной связи этих категорий. В таком смысле весомы наблюдения автора книги над специфическими осо-

бенностями исторического и историко-литературного процесса в Чехии конца XVIII — начала XIX в. (например, отсутствие дворянского этапа освободительного движения, синкретизм деятельности чешских просветителей, ускоренное развитие литературы, наслонение разных типов художественного мышления). Автор подводит нас к мысли о модели чешской литературы этого периода, в которой наиболее ярко проявились особенности, характерные и для литературы ряда других славянских и балканских народов. Наверное, эту мысль — о проявлении в особенном (чешское возрождение) отдельного (славянского и балканского духовного возрождения) следовало более подчеркнуть и выделить. Заметим также, что конкретных сопоставительных «выходов» в другие славянские литературы вообще мало.

С. В. Никольский специально занимался вопросом о своеобразии славянского романтизма. Поэтому страницы, посвященные чешскому романтизму в соотношении с романтизмом у других славян, написаны очень концентрированно и весомо. Теоретически важной является мысль, что литература национального возрождения своим отношением к фольклору «как бы повторяет... начальный этап формирования литературы... у всех народов».

Таковы значительные теоретические и научные результаты, которые заключает в себе книга «Две эпохи чешской литературы».

Волков А. Р

Сравнительно литературоведение. Кн. 1, 2. София, 1982; кн. 3, София, 1983

Сравнительное литературоведение

Под грифом Литературного института Болгарской Академии наук в София начало выходить новое научное периодическое издание, посвященное вопросам сравнительного изучения литератур. Опубликованные в нем в 1982 г. статьи разнообразны и интересны.

В открывающей издание статье Э. Георгиева «К дальнейшему развитию литературоведения» рассматривается соотношение и взаимосвязь основных составляемых литературоведения как целостной науки, в частности общего и сравнительного литературоведения. В статье

подчеркивается важность изучения творчества писателей и их отдельных произведений с учетом существования в литературном процессе прошлого и настоящего литературных связей. Вторая статья (вып. 2) Э. Георгиева посвящена периодизации истории балканских литератур.

В статье «Сравнительное литературоведение и понятие „мировая литература“» Б. Ничев, излагая историю полемики вокруг затрагиваемой темы, говорит о динамизме и «вариантности» истолкования понятия «мировая литература», от-

мечает расширение его содержания в наши дни благодаря накоплению знаний о внеевропейских литературах. Последнее обстоятельство отражается на сравнительном литературоведении, ставит перед ним задачи осмысления малоизученных литератур в контексте всего международного литературного развития. В ходе их реализации, по мнению автора, понятие «мировая литература» и сможет превратиться из абстракции и рабочей гипотезы в одну из реальных «литературоведческих категорий».

«Размышления над сутью сравнения» — таков подзаголовок статьи З. Константиновича «„Littérature comparée“ и „Comparaison littéraire“». В ней развивается мысль о том, что литература как система и как процесс является частью всей общечеловеческой коммуникации. Поэтому при рассмотрении литературной системы, включающей в себя те или иные явления, необходимо иметь в виду ее связь с системой общественно-исторической жизни определенной эпохи или некоего данного момента.

«Сравнительное литературоведение в наши дни, психология и социология художественного восприятия» — тема статьи П. Русева, которой начинается 2-й выпуск издания. В ней рассматривается интенсивное развитие сравнительного литературоведения в наше время в его соотношении и связи с другими областями науки и культуры. Специальное место в работе уделено вопросу о психологии и социологии восприятия литературных произведений в их отношении к сравнительному литературоведению, которое в наши дни изучает способы и формы художественного общения людей.

В статье Д. Дюришина «Национальная и межлитературная концепция литературной истории» говорится о соотношении национально-литературного и межлитературного исторического подхода к изучению литератур, о научных синтезах межлитературных общностей. В ней сказано: «Не может быть понятия национальной литературы без существования понятия мировой литературы, подобно как и понятие мировой литературы немислимо без национально-литературного процесса» (вып. 2, с. 30).

Передовой статьей 3-го выпуска «Сравнительного литературоведения» является работа Велчо Велчева «Октябрьская социалистическая революция в изображении болгарских поэтов». Цель, которую поставил перед собой автор, — «показать изображение Великой Ок-

тябрьской социалистической революции в произведениях болгарских поэтов с начала 20-х годов и после 1923 г. — до 9 сентября 1944 г.» (с. 4). В общем социальном, политическом и литературном контексте начала 20-х годов автор рассматривает творчество Д. Полянова, Х. Смирненского, Х. Ясепова и Э. Пондиминова, во многих произведениях которых получила отражение сама революция и ее международное значение. Начиная с середины 20-х годов и до 1944 г. болгарские поэты (К. Пепев, М. Исаев, Х. Радевский, Н. Ванцаров и др.) сосредотачивают свое внимание на тематике исторических последствий революции; героико-романтический пафос сменяется более конкретным раскрытием революционной тематики. Опыт ее раскрытия, накопленный в минувшие годы, стал основой плодотворной традиции, получившей развитие в социалистической Болгарии после 1944 г.

Характеристика основных особенностей стихотворного перевода по сравнению с переводной прозой и оригинальной поэзией дается в статье Л. Любенова. В ней рассматриваются вопросы национальной школы перевода, свободы переводчика, допустимости повторения переводчиком рифм, взятых из переводов предшественников.

Актуальной и пока малоразработанной проблеме посвящена статья Й. Найденовой «О необходимости периодизации болгарско-венгерских литературных связей и некоторых аспектах их изучения». Автор предлагает мотивированную схему периодизации болгарско-венгерских литературных связей.

В статьях И. Крыстевой «Швейк и Йосарян — братья по судьбе» и И. Павлова «„Тютюн“ Димитра Димова и „Хромой Орфей“ Яна Отченашека» предпринята попытка типологического сопоставления образов из известного романа Гашека и романа американского писателя Дж. Хеллера «Параграф 22» в первом случае и романтических произведений Д. Димова и Я. Отченашека — во втором.

Мы упомянули лишь несколько статей из первых трех выпусков «Сравнительного литературоведения», имеющих общетеоретический характер. Помимо названных, в них опубликован ряд материалов, посвященных сравнительному рассмотрению конкретных историко-литературных тем. Среди них — «Одиссей, смерть Дон Кихота и жизнь Санчо Панчо» (Т. Жечев), «Дон Кихот в европейской критике XVI—XX в.» (П. Велчев), «Болгария и

болгары в немецких описаниях путешествий, переведенных в эпоху Возрождения» (Н. Андреев), «Иван Шишманов и сравнительно-историческое изучение культур и литератур балканских народов» (Г. Димов), «Некоторые вопросы переводной литературы периода Болгарского возрождения» (Л. Минкова), «Поэзия П. Р. Славейкова в России» (Х. Дудевский), «Трагические мотивы в римской литературе» (Р. Гандева).

Все выпуски содержат рецензии, в частности на книги по сравнительному литературоведению Д. Дюришина, Г. Яношпик-Иванчиковой, А. Дима. Основные статьи сопровождаются резюме на западноевропейских и болгарском языках.

Немалый интерес представляют материалы раздела «Хроника». Так например, в последнем выпуске они представлены следующими содержательными сообщениями: о целях и задачах Международной ассоциации по сравнительному литературоведению (Н. Андреева), о проблеме восприятия славянских литератур в Болгарии (К. Митова).

Даже эта краткая информация о принятом болгарскими коллегами новом научном издании позволяет судить, насколько оно полезно и ценно. Хотелось бы пожелать Редколлегии «Сравнительного литературоведения» больших успехов в ее дальнейшей работе, в деле развития науки о литературе.

Л. К.

Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983, 335 с.

Рецензируемый сборник является продолжением предыдущего издания «Славяноведение и балканистика за рубежом» (М., 1980). Преемственность проявилась, с одной стороны, в проблематике, с другой — в понимании славяноведения и балканистики как двух относительно обособленных комплексов научных дисциплин, изучающих язык, историю и культуру народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый из них посвящен вопросам международного сотрудничества славистов. В статье К. В. Чистова «Сотрудничество этнографов-славистов» говорится о работе над обобщающим трудом по славянской этнографии, в котором принимают участие ученые СССР, ЧССР, ПНР, ГДР, НРБ, СФРЮ. Хотя разработка проблем славянской этнографии насчитывает уже полуторазековую историю, в послевоенный период наука ушла далеко вперед, усилились роль и влияние славянских народов в современной истории, возрос интерес к их культуре, обычаям, языкам и фольклору. Поэтому обобщение достижений традиционной и современной этнографии на основе марксистско-ленинской методологии является, как справедливо подчеркивает К. В. Чистов, закономерной и вполне назревшей задачей. В статьях А. И. Недорезова «О работе комиссии советских и чехословацких историков» и Л. Е. Семеновой «Сотрудничество советских и румынских историков» рассказывается о деятельности этих двухсторонних органов и приведена пробле-

матика, рассматривавшаяся на пленарных заседаниях советско-чехословацкой (с 1967 г.) и советско-румынской (с 1973 г.) комиссий историков.

Второй раздел — «Состояние исследований в отдельных странах» открывается небольшой статьей О. Н. Решетниковой «Институт современной истории в Белграде». В ней идет речь о проблематике научной работы Института, отмечаются основные периодические издания, монографии и конференции.

В статье Л. Б. Миляковой «„Русские“ центры при университетах США» рассматривается структура «русских» центров, занимающихся изучением СССР и Восточной Европы, разработкой и введением в общественную практику различных советологических теорий. Статья существенно дополняет прежние работы советских ученых [1—3], особенно в том, что непосредственно связано со славяноведением и балканистикой. Автор выясняет причины создания «русских» центров, верно отмечает связь советологии с политическим и пропагандистским аппаратом США. Если вначале они ориентировались преимущественно на изучение СССР, то затем стали включать в программу исследований другие социалистические государства Европы, Дальнего Востока и Кубу. В статье отмечается основная проблематика научных работ, ведущихся в «русских» центрах (руководство и управление, вооруженные силы, история коммунистических и рабочих партий, национальная политика, внутренняя и внешняя политика, отношения стран

социалистического сотрудничества и др.).

Самой значительной работой этого раздела является статья А. С. Мыльникова «Восточноевропейские исследования в университетах ФРГ: организация и проблематика». Автор, опираясь на официальные справочные издания, библиографические, информационные и методические материалы, знакомит с организацией и структурой восточноевропейских исследований в каждом университете ФРГ в отдельности. Он называет славистические институты, отделения, семинары и кафедры, их проблематику, ведущих профессоров, периодические издания, монографии, освещает методiku и методологию исследований, преподавание и изучение славистических дисциплин. В этой работе по сути дела у нас впервые так полно и обстоятельно освещено состояние современного западногерманского славяноведения. Нельзя не отметить и богатство библиографических сведений, представленных в конце статьи.

Для филологов большой интерес представляет статья Е. Л. Валеовой «Институт славянских исследований в Париже», содержащая много ценного информативного материала. В ней освещается история создания Института, дана характеристика основных этапов его деятельности и оценка научных достижений. Институт, созданный в 1920 г., поставил перед собой задачу развивать и координировать исследования в области славистики, распространять сведения о жизни и культуре славянских народов, содействовать обмену французских славистов друг с другом и зарубежными коллегами. В истории Института автор выделяет два периода: довоенный и послевоенный. Довоенный период связан с именами таких выдающихся ученых, как А. Мейе, А. Вайян, Б. Унбегаун, А. Мазон, П. Буайе и др. После войны Институт во многом способствовал быстрому развитию русистики, установлению контактов со славянскими странами, обмену студентами и стажерами, проведению международных конференций и симпозиумов.

Новым в сборнике является стремление показать развитие славяноведения в странах, где эта область науки оформилась лишь в последние десятилетия. Это прежде всего относится к статье «Славянское языкознание в Австралии, 1971—1980 гг.», написанной работающими в этой стране славистами И. Марваном и Дж. Э. М. Кларком. В ней подробно рассказывается о деятельности славистических организаций («Ассоциация языка и литературы

австралоазиатских университетов», «Ассоциация австралийских и новозеландских славистов», «Комитет заведующих кафедрами» и др.), периодических и непериодических изданиях и университетских кафедр, приведена библиография славянского языкознания за 1971—1980 гг. Открытие нового славистического континента, о котором у нас не было полного представления, несомненно, заслуживает благодарности со стороны каждого интересующегося данной тематикой советского специалиста. О. Б. Фролова в статье «Об изучении славянских языков в университетах некоторых арабских стран» знакомит с организацией славистических изучений в Египте.

Третий раздел сборника посвящен историографии отдельных проблем. Он открывается статьей чехословацкого этнографа А. Робека «Чешский народ и национальная культура в период национального возрождения», в которой говорится об изучении проблематики национального возрождения в 70-е годы и значении народных летописей для освещения идеологии народных масс города и деревни. Использование этого материала расширяет источниковую базу исследований, открывает новые страницы истории и в то же время способствует развитию этнографии и фольклора.

Статья В. Е. Гусева «Фольклоризм в социалистической Чехословакии» ставит вопрос о судьбах традиционного и современного фольклора в настоящее время, когда он адаптируется другими видами культуры и приобретает иные социальные функции. Автор анализирует этот процесс на примере ЧССР, где придается большое значение как теоретической разработке данной проблемы, так и практическому внедрению лучших народных традиций в быт, праздники, художественную самодеятельность и т. д. Опыт чехословацких ученых имеет большое значение для всех социалистических стран и заслуживает самого пристального внимания.

В статье берлинского слависта В. Цайля «Исследования по истории России и германо-русских отношений до 1917 г. в ГДР» дан обзор наиболее важных работ 70-х годов по данной проблеме, являющейся составной частью проводимых в ГДР исследований по славистике. Среди них важное место занимают труды по истории СССР (Г. Розенфельд, Б. Брентье, Э. Нойбауэр, В. Кюттлер, Б. Видера, Э. Доннерт и др.), истории древнерусского зодчества (К. Онаш), истории православной церкви (Х.-Д. Денман).

Статья С. И. Большакова озаглавлена: «Американская буржуазная историография в отношении социалистических стран Европы в середине 70-х годов». В ней дан анализ различных концепций историков США в отношении социалистических стран (концепция «наведения мостов», теория «полицентризма» и «национально-коммунизма» и др.), показана тесная связь этих концепций с политической, проводимой правящими кругами страны.

Е. А. Хелимский в обширной статье «Славянское сравнительно-историческое языкознание в США» показывает становление славянской компаративистики в американском языкознании, связывая ее развитие с именами Р. Якобсона, А. Зенна, Г. Шевелева. С середины 50-х годов к этому направлению примыкают Х. Лант, У. Шмальштиг, Ч. Бидуэлл и многие другие. Подробно рассматривается вклад в данную область таких ученых, как Х. Андерсен (праславянская фонетика), Ч. Бидуэлл (историческая фонология), Г. Бирнбаум (этническая история славян, памятники славянской письменности, общеславянский язык, история славянских языков), Б. Дж. Дарден (праславянская фонология), Х. Лант (старославянский, древнерусский, македонский языки), М. Самилов (историческая фонология), К. Уоткинс (история славянских и балтийских языков), Дж. О. Феррелл (сравнительно-историческая морфология), Г. Шевелев (историческая фонетика и фонология, сравнительно-историческая морфология, ономастика), У. Р. Шмальштиг (балтийское, славянское и индоевропейское языкознание), Р. Якобсон (диахроническая фонология, историческая морфология) и др.

В статье «Разработка проблем балканистики в ФРГ» Н. А. Богаева освещает деятельность Венгерского института, Института Албании, Института Юго-Восточной Европы, Рабочего кружка по изучению Юго-Восточной Европы Германского

исследовательского общества и других западногерманских учреждений по комплексному изучению Болгарии, Венгрии, Югославии, Румынии, Греции, Албании и Турции. Основное внимание при этом уделяется исследованиям по истории, этнографии и литературе этих стран, отмечаются научные центры, печатные органы и издания, проблематика научных работ.

Последний раздел сборника («Рефераты и заметки») содержит сведения о новых славистических и балканских публикациях, появившихся в зарубежной печати.

Перед редколлегией и авторским коллективом сборника стояли немалые трудности, обусловленные как большим разнообразием славистических и балканских исследований, выходящих за пределы нашей страны, так и недостаточной разработанностью зарубежной историографии. По-видимому, именно этим объясняется то, что в сборнике не достигнута равномерность вопросов, относящихся к его проблематике. Некоторые аспекты, такие, как искусство и история, культура славянских и балканских народов, остались, к сожалению, не рассмотренными. Но затронутым темам рецензируемое издание содержит большой конкретный материал и богатую библиографию, которые мало известны большинству читателей. Поэтому сборник, без сомнения, послужит хорошим толчком для последующих исследований истории зарубежного и отечественного славяноведения, в том числе на сопоставительно-синтетическом уровне.

Смирнов С. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснов И. М.* Изучение истории СССР в США: Некоторые цифры и факты.— История СССР, 1964, № 6.
2. *Марушкин Б. И.* История в современной идеологической борьбе. М., 1972.
3. *Николаев П. А.* Зловещий альянс. Л., 1980.

*Супрасльски или Ретков сборник. В 2 т. /*Увод и коментар на старобългарския текст; Заимов Й; Подбор и коментар на гръцкия текст: Капалдо М. Т. 1. София, 1982, 564 с.; т. 2. София, 1983, 602 с.

Супрасльский или Ретков сборник

Корпус палеославистических изданий обогатился замечательной книгой.

Сам изданный источник является единственным в своем роде: Супрасльская рукопись (Супр.), единодушно включаемая в «канон» памятников старославянского языка, занимает в этом каноне собственное, выдающееся место — как особенностями языка и грандиозным объемом, так и чрезвычайно интересной внутренней структурой, сочетанием разновременных и разножанровых текстов.

Супр. издавалась не единожды. Широко известный «...труд Сергея Северьянова...» 1904 г. [1] по праву оценивается как образцовый. Он более чем великолепно сыграл свою роль, послужив надежной базой для множества разысканий. Хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемая болгарская публикация отнюдь не отменяет работу Сергея Николаевича Северьянова, но, напротив, вступает с ней в закономерные отношения преемственности. Й. Заимов и М. Капалдо приняли глубоко обоснованное решение отказаться от нового типографского набора текста Супр., и в их издании набор Северьянова воспроизводится фототипически. Современные издатели внесли в это воспроизведение исправления тех опечаток, которые были замечены самим русским ученым [1, с. VII], и включили собственные поправки. На 570 страниц рукописи пришлось всего лишь 71 исправление, да и восполняется-то по преимуществу диакритика!

Первый том рассматриваемого издания открывается Предисловием, написанным Й. Заимовым. Здесь содержатся основные сведения о Супр.: история ее открытия, современное местонахождение ее частей, палеография и т. д. Подробно описаны особенности языка Супр. по сравнению с другими памятниками первого литературного языка славян (например, те, которые, по мнению Й. Заимова, свидетельствуют о зарождении арктиля). Здесь же высказана мысль о том, что источник лучше именовать не по месту его открытия, а по имени писца Ретка (это имя Ретько встречается в рукописи в единственной приписке, столбиком и на полях, на с. 207: *гѣ помѣлоуѣ*

ретька амин)¹. Категорично утверждается, что Супр. принадлежит к Преславской книжной школе «золотого века болгарской письменности» времени царя Симеона (893—927).

Далее в первом томе помещены «Поправки к изданию Северьянова», «Греческие источники Сборника» (раздел написан М. Капалдо) и весьма ценный библиографический указатель исследований Супр., состоящий из 177 названий (его составила Л. Стефова).

Затем следует само издание. В первом томе изданы главы 1—23, а во втором — остальные, т. е. 24—48.

Публикация каждой страницы рукописи занимает книжный разворот из двух страниц. На левой (четной) странице разворота дается фотография страницы Супр. Фотография исполнена очень четко, так что чтение текста прямо по ним не составляет для специалиста никакого труда. На правой (нечетной) странице книжного разворота, во-первых, в левой колонке помещен наборный текст Северьянова, но комментарии Северьянова, к сожалению, опущены. Во-вторых, правая колонка занята греческим источником, наиболее близким к славянскому тексту. В этом, пожалуй, заключено центральное достоинство настоящей публикации, которое настолько важно, что его решительно невозможно переоценить.

Как известно, в словаре К. Майера [3] указаны отысканные к моменту составления словаря греческие жития и гимнии, которые лежали в основе славянских переводов Супр. Список этот далеко не полон. Римскому исследователю М. Капалдо в результате кропотливых и плодотворных разысканий удалось значительно пополнить указанный список. Теперь лишь 6 глав (10, 12, 17, 41, 47 и 48) остаются без греческих соответствий, а по отношению к остальным главам указаны не только основной (т. е. наиболее сходящийся со славян-

¹ Автор Предисловия считает имя производным от *ратити* 'сражаться', что, по (справедливому, на наш взгляд) мнению акад. В. И. Георгиева [2, с. 212], не объясняет переогласовку *ра > ре*. Георгиев предлагает иное истолкование — от *ретити са* 'стремиться, стараться'; ср. русск. *ретие(ый)*.

ской версией) греческий источник, но и другие (отклоняющиеся) источники для учета разночтений.

В издании греческие источники приведены общим списком, но в одной из своих статей [4, с. 213—215] М. Капальдо перечислил и собственные находки. Он отыскал греческие соответствия к 27 главам! В работе были учтены как изданные, так и еще не опубликованные греческие рукописи, причем если славянский текст компилятивен или если славянский переводчик последовательно использовал два-три греческих источника, то М. Капальдо сообщает соответствующие сведения. О размахе усилий можно судить на примере такого факта: только для одной главы 40 Супр. («Слово Епифания Кипрского о погребении тела господа нашего Иисуса Христа...») и в одной только Ватиканской библиотеке отыскалось 140 греческих рукописей. Таким образом, в настоящее время Супр. практически полностью обеспечена греческими материалами для дальнейших исследований. Кстати сказать, пожалуй, именно в этой области возможны новые и интересные наблюдения и выводы. Полностью представляя себе затраты времени и труда, которые потребовались от М. Капальдо, мы хотели бы выразить ему сердечную благодарность и отдать низкий поклон — от современного и будущих поколений палеославистов.

Итак, в правой колонке на нечетной странице разворота печатается греческий текст. Он построено и по словно согласован со славянским переводом — так, как это впервые сделал в своем известном издании Остромирова евангелия А. Х. Востоков. На этой же странице под обеими колонками даются комментарии: выявляются и идентифицируются ветхо- и новозаветные цитаты и аллюзии; частично перепечатываются палеографические и текстологические наблюдения С. Н. Северьянова; И. Заимов проводит сопоставление семантики некоторых интересных славянских слов с греческими соответствиями (семантика описывается средствами современного болгарского языка); М. Капальдо приводит греческие разночтения (варианты по рукописям и изданиям), способные осветить выбор переводчиком славянского слова или грамматической конструкции.

Так — в кратком пересказе — выглядит издание. Его полиграфический уровень соответствует самым высоким требованиям. Что касается научной стороны дела, то наша (близкая, пожалуй, к во-

сторженной) оценка нового достижения болгарской палеославистики очевидна для каждого. Если принять во внимание и другие издания источников, — так, недавно в нашей стране была осуществлена образцовая публикация ценнейшего Мстиславова евангелия [5], — то есть повод искренне порадоваться позитивной тенденции в эдиционной деятельности.

По отношению к любой работе возможны пожелания, в том числе и к рецензируемой.

Так, жаль, что в фототипическом воспроизведении издания Северьянова были опущены его комментарии. Места они занимают немного, так что перенос их в рассматриваемое издание, где нечетной страницы зачастую остается пустым, был бы вполне возможен. И. Заимов пишет, что он отказался от тех комментариев Северьянова, которые относятся к палеографическим чертам рукописи, заметным прямо по фотоснимкам. Однако даже опытный палеограф блестяще исполненным снимкам едва ли способен уверенно судить о начертках букв, лигатур, качестве заставок и т. д. Кроме того, на снимках не прорабатывается многое из того, что видит глаз. Например, для слова *ѣнь* на с. 3 рукописи Северьянов отмечает над *н* «две точки, концы знака мягкости, смазанного писцом при постановке титла», и эта информация для лингвиста существенна; между тем на снимке эти две точки совершенно не видны. Поскольку указанных комментарий в издании Заимова—Капальдо отсутствует, теряются сведения, уже ставшие предметом наблюдения. Следовательно, даже при чтении по фотографиям (а ведь большинство читателей книги пользуются набором!) мы легко можем «проскочить» мимо существенного или, напротив, заново «открыть» известное раньше. Северьянов во второй половине издания увлекся комментированием, количество приводимых им сведений возрастает, особенно потому, что (как он пишет) «Ф. Ф. Фортунатов начал следить за моими примечаниями» [1, с. III]. Да, действительно, жаль отсеченных комментариев Северьянова.

Случается, что выполнение одного дела влечет за собой появление другого. Теперь на повестку дня выдвигается задача создания нового словаря Супр. Старославянско-греческий лексикон К. Мейера [3] устарел и должен быть заменен. Собственно, уже в его замысле был заложен принцип, противоречащий природе Супр. Имевший твердое намерение издать

словарь Супр. С. Н. Северьянов считал, что поскольку каждая из 48 глав, составивших сборник, имеет собственную историю перевода и бытования, необходимо или создавать словари к каждой главе, или в общей словарной статье давать сведения по отдельным главам [1, с. III]. Задуманный словарь был даже составлен и в виде картотеки передан в Румянцевский музей, где его, однако, пока не отыскали [6, с. 302]. К. Мейер подходил к Супр. как к цельному источнику, но подход Северьянова, безусловно, правильное, поскольку он не сливает, а разведиляет разнородные явления. Поэтому если на базе издания Заимова—Капальдо будет создаваться новый словарь, то следовало бы вернуться к концепции русского ученого. Однако не только в этом усматриваем мы побудительную причину, заставлявшую считать первоочередной задачей создание нового словаря Супр. Теперь коренным образом изменилась греческая база для сопоставлений. Так как почти для каждого славянского слова рассматриваемое издание дает греческое соответствие, словарные материалы 1935 г., конечно же, представляются недостаточными.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в корпусе Супр., наряду с творческим наследием переводчиков Охридской и Преславской книжных школ, наличествуют и тексты, восходящие к Кирилло-Мефодиевской школе. В частности, имеются серьезные основания видеть в переводе упоминавшейся выше гомилии

К. НИЧЕВА. Българска фразеология. София, 1983, 210 с.

К. НИЧЕВА. Болгарская фразеология

С точки зрения фразеологии далеко не все славянские языки могут сравниться с болгарским, для которого за последнее десятилетие созданы прекрасные фразеологические словари. Наиболее полным из них, вобравшим в себя литературную и диалектную, книжную и жаргонную фразеологию, является фразеологический словарь болгарского языка (ФРБЕ), составленный К. Ничевой, С. Спасовой-Михайловой и Кр. Чолаковой. В то же время теория болгарской фразеологии была представлена лишь спорадически, в отдельных работах болгарских исследователей (Кр. Чолакова, С. Спасова-Михайлова, К. Ничева, А. Кошелев, М. Леонидова и др.).

Елифания Кипрского труд самого великого Мефодия; об этом, с опорой на разыскания Э. Благовой, мы писали в другом месте [7, с. 7—9].

Остается повторить, что осуществленное Болгарской академией наук образцовое издание Супр. представляет собой культурное событие первостепенной важности.

Верецагин Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова. Т. 1. СПб., 1904 (Памятники старославянского языка, т. II, вып. 1—II).
2. *Георгиев В. И.* Старобългарското лично име *Ретъко*. — Български език, 1983, № 3.
3. *Meyer K. H.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Surasliensis. Glückstadt — Hamburg, 1935.
4. *Капальдо М.* За състава на Супрасльская сборник. — В кн.: Прочувания върху Супрасльския сборник. София, 1980.
5. Апракос Мстислава Великого. Издание подготовили Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.
6. *Цейтлин Р. М.* Северьянов Сергей Николаевич. В кн.: Славяноведение до революционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
7. *Верецагин Е. М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства. Кирилла и Мефодия и их последователей. Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1982.

Книга проф. К. Ничевой «Българска фразеология» — первый крупный труд по фразеологии болгарского языка. Опираясь на огромную фразеологическую практику, К. Ничева анализирует точки зрения различных ученых, обобщает свой опыт, причем помимо уже известных концепций и трактовок излагает в монографии немало новых идей.

Монография состоит из 9 частей и открывается обзором концепций о характере и сущности фразеологической единицы (ФЕ). Согласно определению К. Ничевой «ФЕ — это общеизвестная в данном речевом коллективе сверхсловная раздельнооформленная устойчивая воспроизводимая языковая единица с единым значе-

нием, составленная из лексических единиц (словоэлементов), значение которых более или менее стерлось или полностью десемантизировалось, близкая (но не равная) семантически и функционально слову; по структуре ФЕ является словосочетанием или открытым (редко закрытым) предложением, и, как правило (с небольшими исключениями), имеет яркую экспрессивность» (с. 26).

Определяя границы и объем болгарского фразеологического фонда, автор тщательно рассматривает и примыкающие к фразеологии, но остающиеся за ее пределами словосочетания — в частности, устойчивые сравнения, в которых значение первого компонента вытекает из типовой символики второго: *бял като сняг, черен като въглен, строен като топола*. В указанных случаях предметы, с которыми производится сравнение, конкретны, и качество, по которому сравнивается этот предмет, присуще самой природе предмета, т. е. отсутствует какая бы то ни было трансформация. По этой причине автор не считает их фразеологизмами (с. 34). Напротив, в устойчивом сравнении *бял като на тенджеро дъното* (ирон.) 'очень черный' компоненты пересмыслены — здесь налицо высокая степень фразеологизации; аналогично *сит като просяк* (ирон.) 'очень голоден' и *прав като въж е в торба* (ирон.) 'кривой, искривленный'. В переходные типы между фразеологией и паремологией выносятся некоторые устойчивые выражения, включенные в ФРБЕ; может быть, следовало «переходные случаи...» выделить в отдельный параграф, а не включать их в рубрику «Пословицы и поговорки» (с. 51—55), где их не станут искать те, кто недостаточно хорошо знаком с монографией.

В главе «Пути возникновения фразеологизмов в болгарском языке» рассматривается вопрос, который еще не поднимался в болгарской теории фразеологии. Интересным здесь представляется анализ случаев возникновения ФЕ на основе обычаев и верований. В качестве примера приводится фразеологизм *раздирам котката на прага* 'хочу вызвать страх у кого-либо, показать, что я буду командовать и не потерплю, чтобы мне возражали'. «Эта ФЕ базируется на обычае (связано с соответствующим суеверным верованием): молодой муж разрывает кошку на пороге в день свадьбы, чтобы напугать молодую жену и заставить ее подчиняться ему» (с. 63). Анализируются ФЕ, при образовании которых исполь-

зовались экстралингвистические моменты. Внутренняя форма таких фразеологизмов не ясна, они не мотивированы; так, бессмысленная жертва солдата Гюро Михайлова, который сгорел на своем посту при пожаре казны, лежит в основе ФЕ *Гюро Михайлов* 'человек, который жертвует бессмысленно'.

Рассматривая вопросы формы ФЕ и полемизируя с Кр. Чолаковой и с А. И. Молотковым (авторами и редакторами крупнейших словарей в славянской фразеологии) по вопросам пунктуации и правописания, К. Ничева приводит убедительные доводы для признания за компонентами права оставаться словами (с. 90 и след.) и предлагает имена собственные в составе ФЕ писать с заглавной буквы, «потому что говорящий ясно осознает их как собственные имена, хотя и десемантизированные в рамках соответствующей ФЕ» (с. 92), а семантическую монолитность фразеологизмов не считать единственным критерием при определении пунктуации ФЕ, так как, по ее мнению, основную роль играют ритмо-мелодические особенности (с. 93).

Большое место в книге уделено анализу характерных черт ФЕ (гл. IV). Автор рассматривает как внутренние, так и некоторые внешние, например, структурно-фонетические черты фразеологизма. В предыдущих главах уже говорилось об экспрессивности (с. 71 и след.), но здесь выразительность рассматривается в несколько ином аспекте: наиболее важными факторами создания переносного значения ФЕ признаются ирония, гипербола и алогичность, парадоксальность. Среди дополнительных средств достижения большой выразительности называется структура ФЕ. Многие фразеологизмы исполняют свойства синонимов, антонимов, слов одного тематического круга, а также синтаксический параллелизм («одинаковое расположение схожих членов в двух или нескольких соседних предложениях»). Приводится множество примеров антонимии (*напред стръмно, назад яма; отвънка кулка, отвътре чума*); синонимии (*присмял се хърбел на щърбел; не по врат, а по шия*); принадлежности к одному тематическому кругу (*оженила се чума за холера*); синтаксического параллелизма (*празник свира, делник играя; гаци няма, гайда иска; брада царска, глава воденичарска*).

Обращаясь к классификации ФЕ по различным признакам (семантический, структурный, принадлежность к различным речевым сферам, тематический и

т. д.), К. Ничева, как нам кажется, напрасно умалчивает о еще одном критерии классификации — семантической модели, рассмотренном ею в статье «Към въпроса за семантичното моделиране на фразеологизмите» («Съпоставително езикознание», 1978, № 5, с. 14—23).

Отдана в работе дань и статистике. В главе «Лексический состав ФЕ» много места уделено подсчетам словоупотреблений во фразеологизмах. Наблюдения над словами-компонентами ФЕ интересны по разным причинам. Это полезно и для теории фразеологии, и для изучения быта и культуры народа, и для сопоставления с фразеологией других языков. Среди

имен существительных первое место по частоте употребления занимают соматизмы: они участвуют в 3698 ФЕ, т. е. приблизительно в 1/4 фразеологизмов ФРБЕ (с. 158).

Среди приложений к монографии наиболее ценным, по нашему мнению, является третье — указатель, где собраны все выражения, упомянутые в работе (всего около 1,5 тыс. ед.).

В книге имеются некоторые опечатки, но они не могут омрачить радости знакомства с этим прекрасным трудом по теории болгарской фразеологии.

Смолякова Н.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННЫЕ 40-ЛЕТИЮ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

18 июля 1984 г. в Москве в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР состоялась научная конференция Академии наук СССР, посвященная 40-летию Польской Народной Республики. В ней приняли участие ученые-обществоведы из ряда академических институтов Москвы, Киева, Минска, Вильнюса и Львова, а также делегация Польской Академии наук в составе: вице-президент ПАН акад. Г. Лябуда (глава делегации), член Президиума ПАН акад. Я. Качмарек, заместитель ученого секретаря Отделения общественных наук ПАН проф. Б. Бялокозович, секретарь Комитета ПОРП ПАН проф. М. Светликовский. На конференции присутствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол ПНР в СССР С. Кочолек, представители Отдела ЦК КПСС, МИД СССР, ССОД, советской печати.

Конференцию открыл директор ИЭМСС АН СССР акад. О. Т. Богомолов. От имени вице-президента АН СССР акад. П. Н. Федосеева и от себя лично он поздравил собравшихся и пожелал успеха работе конференции. О. Т. Богомолов отметил, что 40-ю годовщину возрождения Польши вместе с польским народом празднуют и народы Советского Союза. Совместное участие советских и польских обществоведов в научной конференции, посвященной этому славному юбилею, является проявлением традиций советско-польского научного сотрудничества и подтверждением того факта, что контакты между учеными наших стран, временно нарушенные в ходе кризиса 1980—1981 гг., постепенно входят в нормальное русло.

С приветственным словом к участникам конференции обратился акад. Г. Лябуда. Он выразил глубокую признательность за организацию данной конференции и возможность участия в ней ученых из ПНР. В своем выступлении Г. Лябуда

отметил главные, по его мнению, достижения народной Польши — коренное изменение международной позиции Польши: установление дружественных и союзнических отношений с ближайшими соседями, прочные гарантии существующих границ и безопасности Польши, обеспеченные союзом с СССР, членством ПНР в Организации Варшавского Договора и СЭВ, активное участие Польши в борьбе за мир в Европе и во всем мире; бурное развитие производительных сил: рост промышленного и сельскохозяйственного производства, индустриализацию и урбанизацию страны, возникновение новых промышленных центров, развитие морского хозяйства и судостроения благодаря широкому выходу Польши на побережье Балтики; значительные преобразования общественных и демографических структур: рост городского населения, освоение западных и северных земель, превращение объединенной Силезии в крупнейший центр добывающей и перерабатывающей промышленности; серьезные изменения в соотношении политических сил польского общества и в сфере политического сознания польского народа, что является следствием коренных социально-классовых преобразований в Польше. Важнейшими элементами формирования новой действительности на польской земле явились: 1) создание в СССР Союза польских патриотов, а в Польше Польской объединенной рабочей партии, взявшей на себя организацию в стране новых политических и общественных структур и проведение социально-экономических реформ; 2) образование в 1945 г. Временного правительства национального единства, создавшего новые формы политического строя, соответствующие осуществленным общественным преобразованиям.

С докладом «40 лет народной Польши» (авторы: д-р экон. наук О. Р. Лацис,

канд. ист. наук Н. И. Бухарин) выступил О. Р. Лацис. Докладчик отметил, что враждебная пропаганда пытается, используя ошибки семидесятых годов и кризисное состояние последних лет, перечеркнуть итоги всего сорокалетнего пути, отрицать плодотворность социалистического развития Польши. Однако объективная историческая оценка всего свершенного в стране после 22 июля 1944 г. опровергает утверждения противников социализма.

Сравнительный анализ показывает, что по темпам роста национального дохода и промышленной продукции в рассматриваемый период Польша значительно превзошла все капиталистические страны Европы. В 1983 г. объем промышленной продукции страны превосходил уровень 1950 г. в 13,5 раза, а уровень 1946 г. — в 32 раза. За период 1946—1983 гг. валовый сбор зерновых возрос в 3,8 раза, производство молока — почти в 5, мяса и сала — в 10, сахара — в 5 раз. Основные достижения ПНР определяются развитием социалистического сектора народного хозяйства, несмотря на сохраняющуюся многоукладность польской экономики. В процессе индустриализации создана материально-техническая база социализма. Хотя в сельском хозяйстве основными производителями продукции пока остаются крестьяне-единоличники, социалистический сектор постепенно завоевывает устойчивые позиции. В 1983 г. госхозы и производственные кооперативы произвели около 20% валовой продукции сельского хозяйства. В свою очередь, мелкотоварный сектор прочно связан с плановой экономикой посредством системы государственных контракций и обязательств на поставку продукции.

В докладе отмечены коренные изменения в социальной структуре польского общества, рост жизненного уровня населения ПНР, значительное развитие социального обеспечения, охватившего к 1980 г. 99,7% населения Польши, большие достижения в осуществлении культурной революции.

За прошедшие 40 лет достигнут прогресс в формировании социалистических политических отношений. Социалистический характер имеет государство, выражающее коренные интересы польских трудящихся и стоящее на страже завоеваний социализма.

Являясь прочным звеном мировой социалистической системы, содружества социалистических государств, членом ОВД и СЭВ, Польша завоевала устойчивые

позиции в системе международных отношений. Быстрое развитие производительных сил, высокие темпы индустриализации страны расширили возможности участия ПНР в международном разделении труда.

Вместе с тем для ПНР характерна неравномерность социалистических преобразований как в базисе, так и в надстройке. Еще не сформировалась полностью единая социально-экономическая база социализма. В сфере сознания наряду с укреплением основных социалистических идеалов и принципов все еще значительные позиции занимает несоциалистическая, мелкобуржуазная и буржуазная идеология. Общественно-политический кризис последних лет привел к определенным негативным явлениям в социально-политической жизни.

Процесс политической и экономической стабилизации, несмотря на сохраняющиеся на его пути трудности и сложности, развивается в целом успешно. В своей деятельности по преодолению последствий кризиса польский народ ощущает постоянную поддержку Советского Союза, всего социалистического содружества. Определяющим фактором развития советско-польских отношений является тесное взаимодействие КПСС и ПОРП. С 1982 г. партийные контакты на всех уровнях вновь обрели планомерный характер, получили дальнейшее расширение и углубление. В докладе было охарактеризовано советско-польское экономическое сотрудничество и его значение для успешного развития народного хозяйства обеих стран, а также роль советской экономической и финансовой помощи в стабилизации польской экономики в условиях кризиса начала 80-х годов.

Благоприятную перспективу совершенствования советско-польских экономических связей открывает Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР на период до 2000 года. Особое значение обе страны придают согласованию важнейших направлений экономической и научно-технической политики, совместной выработке решений по наиболее крупным хозяйственным проблемам, представляющим взаимный интерес.

40-летие ПНР — День возрождения Польши, говорится в заключении доклада, вместе с польским народом отмечает и советский народ, кровно заинтересованный в том, чтобы народная Польша была сильным социалистическим государством.

С докладом «40 лет польско-советского научно-технического сотрудничества» выступил Я. Качмарек. На большом фактическом и цифровом материале были представлены основные направления и характер научно-технических связей между ПНР и СССР на всех этапах развития народной Польши. Особое внимание было уделено показу значения советской научно-технической помощи для послевоенного восстановления польской экономики, осуществления программы индустриализации страны, дальнейшего развития польской экономики. Я. Качмарек подробно остановился на актуальных проблемах научно-технического сотрудничества двух наших стран, на перспективах его развития и путях совершенствования в свете общих задач по повышению эффективности производства и ускорению научно-технического прогресса, стоящих перед всеми странами — членами СЭВ, а также в свете специфических польских проблем, связанных с необходимостью выхода из кризисной ситуации. Докладчик отметил, в частности, что крупное общественное потрясение, которому подверглась Польша в 1980—1981 гг., в значительной степени нарушило ритмичный ход научно-технического сотрудничества СССР и ПНР, что привело даже к прекращению научного и технического сотрудничества между некоторыми институтами и предприятиями. Однако уже в 1983 г. сотрудничество вновь стало восстанавливаться на базе пятилетнего плана на 1981—1985 гг. Научно-исследовательские работы, проведение которых предусматривается в рамках сотрудничества между советскими и польскими организациями, направлены на решение главных задач развития хозяйства ПНР и СССР и связаны с такими ключевыми проблемами, как разработка средств вычислительной техники, новых материалов, электронных устройств и технологических установок для электронной промышленности, уменьшение доли ручного труда на транспорте и вспомогательных операциях, рациональное использование топлива и энергии, разработка машин и оборудования для добычи полезных ископаемых и строительства магистральных трубопроводов и т. д.

В выступлении председателя Советской части Комиссии по экономическим наукам акад. Т. С. Хачатурова была выражена надежда на активизацию совместных обсуждений и научных разработок учеными-экономистами СССР и ПНР ряда актуальных вопросов экономической теории

и практических проблем развития народного хозяйства наших стран.

Д-р ист. наук И. С. Яжборовская (ИМРД АН СССР) проанализировала возникновение народной Польши как закономерного этапа в истории польского народа, особо обратив внимание на научно-теоретическое и идеологическое значение празднования 40-летия возрождения Польши. Она показала, как из массовой национально-освободительной антифашистской борьбы выросла революция, как закономерно углублялось ее социальное содержание, чему способствовали благоприятные условия, созданные изменением расстановки сил на мировой арене, возможность избежать экспорта контрреволюции, экономическая и политическая помощь Советского Союза. И. С. Яжборовская охарактеризовала этапы революции, динамику политических процессов, проявление в ходе конкретно-исторического развития Польши общих закономерностей социалистической революции.

Подчеркнув важность защиты и отстаивания идеалов и завоеваний социализма, И. С. Яжборовская проанализировала ход идеологической борьбы вокруг уроков революционного преобразования польского общества, непрекращающиеся попытки антикоммунистов различных мастей отрицать его закономерный характер. Противостояние им, научный анализ характера, путей, темпов и методов революционных преобразований 40-х годов чрезвычайно важны сейчас для международного рабочего движения. Решение его задач требует тщательного анализа и использования исторического опыта мирового революционного процесса.

Проф. И. И. Костюшко (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) посвятил свое сообщение тесному взаимодействию КПСС и ПОРП как определяющему фактору развития советско-польских отношений. Он подчеркнул, что КПСС и ПОРП, выражая коренные интересы своих народов, являются наиболее последовательными поборниками дружбы и сотрудничества между СССР и ПНР, определяют характер и направление развития советско-польских отношений, что обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество в области экономики, культуры, науки, в борьбе за мир и безопасность народов.

Сообщение проф. Б. Бялкозовича было посвящено культуре и литературе как фактору сближения между польским и советским народами. Б. Бялкозович ярко показал, какую огромную роль во взаим-

ном познании и сближении народов может играть культурное сотрудничество. Он убедительно доказал тезис о том, что идеологической основой польско-советского сотрудничества в области культурной жизни является социалистический гуманизм. Особое внимание автор уделит полемике с антисоветскими взглядами представителей антисоциалистической польской оппозиции по вопросам оценки советской культуры и литературы и польско-советского культурного сотрудничества.

На конференции были рассмотрены также проблемы советско-польского экономического сотрудничества в период послевоенного восстановления экономики Польши (канд. ист. наук В. К. Мороз, Ин-т общественных наук АН УССР); сотрудничества между БССР и ПНР (канд. ист. наук В. С. Толстой, Ин-т истории АН БССР), экономического и культурного сотрудничества Советской Литвы и ПНР на современном этапе (научный сотрудник Ин-та истории АН Лит. ССР Ф. Жигарас).

19 июля состоялась сессия Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, на которой выступил проф. Б. Бялкозович, подчеркнувший значение знаменательного юбилея и плодотворного сотрудничества между польскими и советскими учеными. На сессии были заслушаны доклады проф. И. И. Костюшко о 40-летию Польской Народной Республики, д-ра филол. наук В. А. Хорева о достижениях литературы народной Польши, канд. ист. наук Л. В. Ярош (Ин-т общественных наук АН УССР) об общественно-политическом значении освободительной миссии Советской Армии в Польше, канд. ист. наук Л. П. Мирочичко (Ин-т истории АН БССР) и канд. ист. наук А. К. Кавко (ИЭМСС АН СССР) о белорусско-польских культурных связях в послевоенный период и С. Вайтекуса (научного сотрудника Ин-та истории АН Лит. ССР) о деятельности Литовского отделения Общества советско-польской дружбы по укреплению дружбы между литовским и польским народами.

Липский А. Е.

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ ПНР И СССР

Одна из последних — XVII конференция, организованная Комиссией совместно с Высшей школой общественных наук (ВШОН) при ЦК ПОРП, состоялась 6—11 декабря 1982 г. в Варшаве. Она была посвящена столетию «Пролетариата» и традициям совместной революционной борьбы народов России и Польши.

Конференцию открыл доцент Я. Собчак — проректор ВШОН при ЦК ПОРП, обратившись с приветствием к зарубежным и польским гостям. Он упомянул, что должна еще состояться сессия, организуемая Институтом социалистических стран ПАН, Военным историческим институтом, а также ВШОН при ЦК ПОРП.

Председатель Польской части комиссии проф. Л. Базылёв (Варшавский университет) рассказал об успешной работе Комиссии, а также о богатых традициях польско-советского сотрудничества. Деятельность Комиссии активизировала научные исследования проблематики разных исторических эпох. Председатель советской делегации проф. И. И. Костюшко (Ин-т славяноведения и балканистики

АН СССР) выразил надежду, что работа конференции, посвященная 100-летию польского рабочего движения, будет плодотворной.

На конференции советские историки прочитали 6 докладов¹. «Деятельность КПСС и ПОРП по укреплению советско-польской дружбы» была темой выступления проф. И. И. Костюшко, который подчеркнул, что дружба между народами СССР и Польши возникла в борьбе за независимость и социальное освобождение, ее укрепила совместно пролитая кровь в войне с фашистскими захватчиками. Дружественные советско-польские отношения получили юридическое оформление в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Народной Республикой от 21 апреля 1945 г. Далее автор

¹ Седьмой доклад — проф. В. А. Дьякова — был включен в материалы конференции; он не мог прочитать его лично, ибо в это время участвовал в другой научной сессии.

показал ведущую роль КПСС и ПОРП в реализации экономического и культурного сотрудничества между двумя странами. Проблематику революционного рабочего движения в России и его международных связей в предоктябрьский период осветила д-р ист. наук И. М. Пущкарева (Ин-т истории АН СССР). Она выступила с критикой взглядов буржуазной историографии на борьбу рабочего движения в 1905—1917 гг., противопоставив им позицию В. И. Ленина и большевиков. Канд. ист. наук А. М. Орехов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) рассказал о деятельности российских и польских революционных организаций в 1875—1880 гг. Теме «Октябрьская революция и борьба польского рабочего класса за социальное освобождение» посвятил свое выступление д-р ист. наук П. Н. Ольшанский (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР). Доклад «Ленин и проблемы польского рабочего движения» прочитала д-р ист. наук И. С. Яжборовская (Ин-т международного рабочего движения АН СССР), «Национальные проблемы в политике СДКПиЛ и ППС на рубеже XIX и XX вв. (с учетом белорусского вопроса)» осветил канд. ист. наук А. К. Кавко.

Польские историки представили 10 докладов. Проф. Л. Базылёв охарактеризовал деятельность партии «Пролетариат» как один из важнейших источников вдохновения для последующих поколений. Он рассмотрел деятельность первых социалистических кружков, а затем партии «Пролетариат» и исторические результаты ее сотрудничества с русскими революционерами. Он подчеркнул, что «польское рабочее движение стало созревать для широкой деятельности, для организационного оформления, для борьбы за самую крупную в истории победу, когда исполнилось или должно было исполниться 110 лет со времени первого раздела, 90 лет зависимости, полвека ноябрьского восстания, почти двадцатилетие январского».

Проф. Т. Валихповский (Академия внутренних дел — Варшава) осветил традиции совместной борьбы народов России и Польши в современной программе ПОРП как неотъемлемую часть истории польского рабочего движения. Автор отметил, что «развернутые исследования источников позволили выявить много фактов, дающих возможность последовательно и с полной ответственностью отождествлять с революционным прошлым современные поколения поляков, объединен-

ных в рядах ПОРП, и тем самым с традициями совместной революционной борьбы народов России и Польши».

Я. Собчак посвятил свое выступление идеологическим аспектам польского рабочего движения. Он представил идейную и политическую родословную ПОРП, а также идейно-политические и организационные связи польского рабочего движения с движением международным. Автор констатировал, что польское рабочее движение никогда, собственно говоря, не было единым, оно развивалось в процессе борьбы взглядов и ориентаций, сопровождавшейся внутренними расколами. Он выразил надежду, что ученые тщательно изучат историю движения, которое наиболее полно смогло выразить интересы и стремления рабочего класса и всего народа, а также классовый и революционный характер его концепций, для извлечения опыта и популяризации его сущности.

«Россия в документах и публицистике „Пролетариата“» — тема исследования проф. М. Танты (Варшавский ун-т). Издания, выпускаемые в эмиграции: «Равенство», «Рассвет», «Пролетариат» и «Борьба классов», отражали взгляды польских социалистов. Автор подчеркнул, что польское и российское революционное движение периода «Пролетариата» по-разному понимало проблему развития России и польских земель. Доц. Г. Курписова (Гданьский ун-т), изучавшая отношение польской и российской эмиграции к революционному сотрудничеству (в 30—70-х годах XIX в.), констатировала, что «генезис лозунга революционного польско-российского союза в борьбе с общим врагом уходит своими корнями к началу XIX в., когда первые тайные организации в России поставили перед собой задачу осуществить смену государственного строя путем вооруженной борьбы». С возникновением движения декабристов в 20-х годах XIX в. появились предпосылки совместных действий.

Проф. М. Лечик (Военно-политическая академия), занимавшийся проблематикой вооруженной борьбы в истории польского рабочего движения, констатировал, что в противоположность французской историографии в польской историографии уделено слишком мало внимания взглядам рабочих партий на проблему вооруженной борьбы. Он рассмотрел формы вооруженной борьбы польского рабочего движения (ППС, СДКПиЛ) в революции 1905 г.

В докладе проф. В. Бортновского³ (Лодзинский ун-т) были охарактеризованы издания для рабочих (до 1914 г.): политическая литература, выпускаемая рабочими партиями, различными организациями и обществами, действующими легально, а также частными предпринимателями, заинтересованными в получении прибыли.

Проф. З. Лукавский (Ягеллонский ун-т) осветил пребывание членов «Пролетариата» в сибирской ссылке. Автор рассказал о положении осужденных на бессрочное поселение, а также на пребывание в ссылке в течение нескольких лет. Он напомнил, что на рубеже 70—80-х годов было выслано в Сибирь около 150 участников социалистического движения в Королевстве Польском, в том числе 116 деятелей «Пролетариата». «У истоков революционного сотрудничества поляков и народов Кавказа» — тема доклада проф. М. Закжевской-Дубасовой (Ун-т им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине). На основе документов и литературы автор охарактеризовала связи Польши с Кавказом от средневековья до 1917 г. Она рассказала также об участии армянских революционеров в борьбе варшавской группы «Военно-революционной организации» в 1905 г. Д-р О. Вышомирская-Кузьминская (Ин-т социалистических стран ПАН) проанализировала формы борьбы рабочего класса в Радомском и Келецком округах до 1914 г. Автор обратила внимание на то, что история рабочего движения в этом районе недостаточно изучена.

Подводя итоги, проф. Л. Базылёв подчеркнул, что конференция прошла успешно. Интересные и оригинальные доклады внесли много нового в исследование истории рабочего движения. Оценивая научную значимость очередного польско-советского симпозиума на фоне других мероприятий, состоявшихся в год столетия польского рабочего движения, проф. Базылёв выделил прежде всего актуальность, а также высокий уровень содержания выступлений. Все доклады имели солидную источниковую базу, при их написании принимались во внимание выработанные на совместных заседаниях Комиссии концепции и критерии. Было сделано немало новых, интересных наблюдений, в том числе в освещении деятельности партии «Пролетариат», результатов Октябрьской революции для польского народа.

³ В связи с болезнью проф. В. Бортновского доклад прочитал д-р П. Хмелевский (Лодзинский ун-т).

Проф. И. И. Костюшко выразил надежду, что традиции совместных исследований будут продолжаться и в будущем и отметил, что представленные доклады углубляют знания по проблемам рабочего движения и будут способствовать дальнейшей разработке этой проблематики.

Заседания Комиссии нашли отражение на страницах «Trybuny Ludu» и «Zycia Warszawy» в передачах Польского радио.

Во время XVII конференции польских и советских историков 9 декабря 1982 г. состоялось очередное заседание руководства обеих сторон Комиссии, в котором с польской стороны участвовали проф. Л. Базылёв, проф. Т. Валихновский и д-р О. Вышомирская-Кузьминская, с советской — проф. И. И. Костюшко и д-р ист. наук И. Б. Греков (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР). В этот же день делегацию советских историков, а также проф. Л. Базылёва принял секретарь Центрального Комитета ПОРП проф. Марян Ожеховский.

10 декабря членов советской делегации, а также президиум Польской части Комиссии принял ректор Академии внутренних дел проф. Т. Валихновский. В связи с предстоящим юбилеем 10-летия Академии проф. Т. Валихновский отметил плодотворность ее сотрудничества с соответствующими научными учреждениями в СССР, обмена сотрудниками и опытом, очевидные результаты этих контактов — переводы с русского языка на польский, подготовка и защита диссертаций, участие исследователей в ежегодных обменных курсах для специалистов. Участники встречи получили медали «За службу народу 1972—1982», а также юбилейные издания Академии внутренних дел.

В заключение встречи проф. И. И. Костюшко прочитал для сотрудников и слушателей Академии лекцию на тему «Исследования, проводимые Институтом славяноведения и балканистики АН СССР с учетом польской проблематики».

24—28 октября 1983 г. в Москве состоялась XVIII конференция Комиссии историков ПНР и СССР по проблеме «Культурные и научные контакты народов Восточной Европы XV—XVII вв.». В ней участвовала делегация польских историков в составе: проф. Ю. Бардах (Варшавский ун-т) — руководитель делегации, д-р О. Вышомирская-Кузьминская — научный секретарь Польской части Комиссии, а также члены комиссии: проф. В. А. Серчик (Ягеллонский ун-т), проф. Т. Валихновский и доцент С. Руссоцкий (Варшавский ун-т). Открыл засе-

дание акад. Б. А. Рыбаков (Ин-т археологии АН СССР) — председатель Советской части Комиссии. Приветствуя собравшихся, он подчеркнул, что «дальнейшая работа Комиссии требует расширения ее тематики». «До сих пор, — сказал он, — Комиссия занималась главным образом проблемами, общими для истории Польши и народов СССР, их взаимными отношениями. В течение 18-ти ежегодных сессий, начиная с 1965 г., много вопросов из этой области были освещены». Теперь, по мнению акад. Б. А. Рыбакова, настало время, чтобы расширить тематику заседаний Комиссии, поставить вопросы, которые могли бы заинтересовать широкий круг польских и советских историков, а также оказать существенное влияние на развитие исторической науки в обеих странах. Акад. Б. А. Рыбаков полагает, что в следующем двадцатилетии основной задачей деятельности Комиссии должна стать информация о главных направленных исследованиях, проводимых в обеих странах и могущих заинтересовать вторую сторону. Он высказал предложение о расширении «элемента дискуссии, который до сих пор занимал скромное место на сессиях Комиссии».

В своем выступлении проф. Ю. Бардах упоминал о многолетней непрерывно продолжающейся с 1965 г. работе Комиссии, активных и творческих контактах, способствующих углублению исторических знаний в обеих странах.

Всего на конференции был представлен 21 доклад. С польской стороны — шесть и с советской — пятнадцать. Проф. Ю. Бардах в докладе «Научная и политическая мысль Ю. Крижанича» рассмотрел роль науки в концепциях Ю. Крижанича, а также методологические основы его творчества, среди которых выделил сравнительный метод. Докладчик подчеркнул, что для понимания творчества Крижанича необходимо трактовать его во взаимосвязи со сложной и полной бурных событий биографией писателя. Анализируя основной труд Крижанича «Политика», содержащий модель совершенного, с его точки зрения, государственного устройства, Ю. Бардах высказал взгляд, что это был не трактат, адресованный царю — как принято считать, — а произведение типа «монаршего зеркала», представляющее идеал власти и властителя. В связи с этим Бардах осветил основы общественно-политического строя, смоделированного Крижаничем в противовес действительности России второй половины XVII в. Д-р ист. наук В. В. Зеленин (Ин-т славяноведения и

балканистики АН СССР) воссоздал образ Ю. Крижанича и рассказал о его деятельности. Взгляды Ю. Крижанича на русский религиозный раскол рассмотрел канд. ист. наук А. И. Рогов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР). В докладе канд. ист. наук Л. В. Заборовского (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) нашли отражение взгляды Ю. Крижанича на внутривосточную жизнь Речи Посполитой.

Проблемы войны и мира в трудах русских мыслителей второй половины XVII в. — С. Полоцкого и Ю. Крижанича были содержанием выступления д-ра ист. наук Л. Н. Пупкарева (Ин-т истории СССР АН СССР). Тематике венской битвы были посвящены выступления проф. В. А. Сергича, охарактеризовавшего роль европейской дипломатии накануне венской битвы, и проф. Т. Валихновского, представившего широкую панораму фактов, относящихся к легендам и реальности битвы 1683 г., а также сопоставившего отклики в польской, австрийской, немецкой, турецкой и русской историографии на это событие. Проф. Т. Валихновский полагает, что работы, написанные в связи с трехсотлетней годовщиной венской битвы, были значительно более исторически объективны, что несомненно было, помимо всего прочего, заслугой тех историков, которые активно включались в подготовку научных и культурных мероприятий, как в Польше, так и в Австрии. Полная оценка проведения юбилея в 1983 г. требует, однако, углубленных исследований, привлекая во внимание, что даже беглый просмотр газетных отчетов показывает, что большинство, например, венских мероприятий по-прежнему изобиловали тенденциозными суждениями, чуждыми исторической правде.

Реформации в балтийских странах и ее влиянию на национальную культуру был посвящен доклад акад. Ю. М. Юргиниса (Ин-т истории АН Литовской ССР). Канд. ист. наук Г. И. Голенченко (Ин-т истории АН Белорусской ССР) раскрыл проблему русской шлябейско-крестьянской ереси (Федосия Косого и его единомышленников), а также радикального реформационного движения в Великом княжестве Литовском и в Польше. Капл. ист. наук М. В. Дмитриев (Московский ун-т) рассказал о радикальной реформации на восточнославянских землях во второй половине XVI в., обращая особое внимание на ареал ее распространения в Восточной Европе. Проф. Е. В. Чистякова представила доклад на тему «Польские источники „Скифской

истории «А. И. Лызлова». Элементы польской литературы XVI и XVII вв. в русской генеалогии осветила канд. ист. наук М. Е. Бычкова (Ин-т истории СССР АН СССР). «Россия в польской историографии XV—XVI вв.» — такова была тема выступления канд. ист. наук И. А. Лимонова (Ленинградское отделение Ин-та истории СССР АН СССР). О культурно-политической деятельности армян в польском государстве в XVI—XVII вв. говорила канд. ист. наук И. Галустян (Ин-т истории АН Армянской ССР). Канд. ист. наук Л. Е. Семенова (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) рассмотрела политические и культурные связи дунайских княжеств с Россией в XVII в. Возникновению концепции «Москва — третий Рим» посвятила свое выступление канд. ист. наук Н. В. Сивичина (Ин-т истории СССР АН СССР). Д-р ист. наук М. А. Ючас (Ин-т истории АН Литовской ССР) рассказал об историографических интересах А. В. Кояловича. Канд. ист. наук С. Н. Плохий (Днепропетровский ун-т) подготовил доклад на основе французских материалов под названием «Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и французское общество второй половины XVII в.». Проблемы условных земельных пожалований рыцарству Центральной и Восточной Европы в позднее средневековье раскрыл доцент С. Руссоцкий. В выступлении проф. М. Танты освещена тема «Польско-русские культурные и научные связи в XVII веке». Д-р О. Вышомирская-Кузьминская дала в своем докладе картину культурных контактов Польши и Украины в XVII в.

В оживленной дискуссии на тему интерпретации источников полемизировали между собой исследователи из Москвы и Минска, а также из других республик. Приняли в ней участие также польские

историки (Ю. Бардах, В. А. Серчик, Т. Валихновский).

Обе стороны пришли к выводу, что конференция продемонстрировала большие научные достижения. Представленная на ней исследовательская тематика, особенно с польской стороны, до сих пор не затрагивалась на столь широком форуме. Это, например, культурные и научные контакты, характеризующиеся в рассматриваемом периоде (XV—XVII вв.) польским влиянием на Украину, Белоруссию и Литву, а также на Московское государство. Широкое отражение нашла история общественной и исторической мысли, история религиозных течений. Большой интерес вызвала реценция польского влияния в области просвещения, культуры, литературы, искусства, музыки, нравов, законодательства на этих землях в XVII в. Доклады были оригинальные, опирающиеся на до сих пор не использованные богатые архивные источники. Новые результаты исследований позволили шире и глубже, чем до сих пор, взглянуть на историю контактов народов Польши, Украины, России, Белоруссии и Литвы в XV—XVII вв. Они способствовали также — как следовало из выступлений — обогащению исторических знаний, лучшему пониманию той эпохи в истории обоих народов.

После окончания конференции польская делегация посетила Боголюбово и Владимир на Клязьме.

Состоялось также очередное заседание Комиссии историков ПНР и СССР для подготовки XIX научной конференции, посвященной 40-летию Народной Польши, развитию политических, экономических и культурных связей между Польшей и Советским Союзом (1944—1984), которая должна состояться в Польше.

Вышомирская-Кузьминская О.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Под таким названием 8—10 мая 1984 г. в Софии проходил международный симпозиум с участием историков Болгарии, Венгрии, Польши, СССР и Чехословакии, организованный Институтом истории БАН в соответствии с планом многостороннего сотрудничества по данной проблематике

(Целевой проект 21).

Симпозиум открыл заместитель директора Института истории БАН В. Василев. В своем выступлении он охарактеризовал основные этапы реализации проекта. Программа симпозиума предусматривала обсуждение таких тем, как: социальная

структура стран Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода; политические системы и политические движения; фашизм; структура крестьянства и крестьянское движение; методология исследования социальной структуры.

Обсуждение первой темы открылось докладом М. Лацко (Венгрия) «Обострение внутренних противоречий общественной структуры в Венгрии в период контрреволюционного режима (1919—1944)». Выступающий подчеркнул, что для общественной структуры Венгрии в период хортистского режима было характерно обострение внутренних противоречий. Влияние общего кризиса капитализма в своеобразных условиях победы контрреволюции в Венгрии привело, по его мнению, к усугублению пережитков феодализма, к своего рода «рефеодализации», выражавшейся в реставрации общественной и политической роли крупных землевладельцев, в застое индустриализации, в сохранении сословной изолированности крестьянства и ряде других явлений, свидетелемствовавших о том, что буржуазная унификация общественной структуры протекала замедленно и в ретроградных формах. Характеризуя высший слой хортистской Венгрии, докладчик отметил, что он складывался из экономически могущественных крупных землевладельцев, не столь сильной экономически, но политически активной крупной буржуазии, а также элиты власти — высшего государственного чиновничества, чье влияние базировалось на развитии государственного сектора хозяйства, связанном со сравнительно поздним формированием капитализма. Анализ так называемых средних слоев, занимавших немалое место в структуре общества межвоенной Венгрии, осложнен отсутствием четких качественных и количественных критериев понятий «буржуазия», «мелкая буржуазия», «интеллигенция» и т. д.

Социальной характеристике одной из таких групп — ремесленников и торговцев — был посвящен доклад Ж. Л. Надь (Венгрия). Эти категории, по данным, представленным в докладе, составляли соответственно 90% занятых в производстве и 80% — в торговле и кредите межвоенной Венгрии. В системе их жизненных представлений и духовных ценностей сохранялось много феодальных и консервативных элементов.

П. Шипош (Венгрия) в докладе «Изменение в структуре и организованности рабочего класса Венгрии (1919—1938)

проанализировал состав, положение, отраслевые черты, особенности образа жизни, уровень организованности промышленного пролетариата. Докладчик констатировал, что проводившаяся правительством политика автаркии способствовала росту промышленности и численности рабочего класса. Однако пополнение его рядов за счет неискущенного в политике сельского населения затрудняло распространение в его среде идей социализма. Эти и другие причины, а также попытки правительства на свой лад организовать досуг рабочей молодежи, привели к некоторому снижению числа членов профсоюзов накануне второй мировой войны.

В. Межецкий (Польша) в докладе «Общественно-политическая роль рабочего класса и его региональная и профессиональная дифференциация в Польше межвоенного периода» отметил, что рост численности пролетариата в это время опережал рост населения в целом, что рабочий класс был неоднороден по материальному положению, профессиональному, культурному уровню и престижу. Самые высокие позиции занимали квалифицированные рабочие государственных предприятий, на низших ступенях находились неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие. Структурный характер имела безработица, охватывая в среднем 10% трудоспособного населения. Существенны были региональные различия в социальном, политическом, профессиональном облике и численности рабочего класса, как и других классов и слоев, ибо интеграционные процессы, связанные с восстановлением независимой государственности, в рассматриваемый период не получили завершения. Важнейшей исследовательской проблемой докладчик считает выявление общественно-политической роли рабочего класса, его влияние на функции и форму государства.

Р. П. Гришина (СССР) в докладе «Особенности социально-экономической структуры и политического развития межвоенной Болгарии» подчеркнула, что в рассматриваемое время Болгария «приобрела деформированную структуру народного хозяйства, что выражалось в развитии ряда высших форм капиталистического способа производства, включая монополии и даже государственно-монополистический капитализм при количественном преобладании раннекапиталистических и даже докапиталистических форм». Участи господствующего

класса Болгарии,— утверждается в докладе,— в начале—середине 20-х годов уже появилась потребность в переходе к новым формам хозяйствования, которая способствовала установлению фашизма как специфической формы государственно-монополистического капитализма. Но тогда его отдельные элементы не были еще так существенны, чтобы серьезно повлиять на структуру базиса. В середине 30-х годов «государственно-монополистические процессы стали развиваться... столь значительно, что Болгарию даже стали... называть страной регулируемого хозяйства... Поскольку традиционно в Болгарии именно монарх выступал олицетворением государства, в 30-е годы фашистский режим стал приемлем для класса буржуазии именно в форме диктатуры монарха». Отсюда, по мнению автора, верхушечный характер монархо-фашистской диктатуры 30-х годов и военно-фашистского режима в 1923—1925 гг.

Рассмотрение второй темы началось выступлением К. Манчева (Болгария) «Государственная и политическая структура балканских стран между двумя мировыми войнами». Докладчик отметил, что общественная структура балканских стран складывалась в условиях слабого развития промышленности и преобладания мелкотоварного сельскохозяйственного производства. Существовала многопартийность и политическая раздробленность, при этом во многих случаях крестьянство было политически обособлено. В начале рассматриваемого периода типичной для политического процесса в этом регионе была буржуазно-демократическая тенденция, проявлявшаяся в республиканской или конституционно-монархической форме. Однако она преобладала недолго, ибо оказалась, по мнению докладчика, под ударами с противоположных сторон. Крупная буржуазия балканских стран, хотя на словах и апеллировала к демократии, предпочитала в союзе с государственной бюрократией и в некоторых случаях с земельной аристократией управлять диктаторски; революционно-демократический лагерь в 20-е годы отрицал буржуазное государство в любой форме; сторонники буржуазной демократии были разобщены и не имели ясной политической программы. Докладчик подчеркнул, что правильная оценка утвердившихся на Балканах в межвоенный период диктатур может быть дана путем раскрытия их сущности.

А. Х. Целеванский (СССР) в докладе «Коалиционные блоки правящих партий буржуазной Чехословакии: структура, характер, динамика» констатировал, что ведущие буржуазные партии Чехословакии в межвоенный период эволюционировали вправо, отступая в своей политической практике от норм и принципов буржуазной демократии, что, по его мнению, позволяет говорить об элементах фашизации политической системы Чехословацкой республики особенно в 30-е годы.

Вопросам социальной политики буржуазной Чехословакии был посвящен доклад З. Дейла (Чехословакия). После первой мировой войны, сообщил докладчик, государственная власть осуществляла более широкую, чем в предшествующий период социальную политику. Это позволяло ей оказывать влияние на положение отдельных социальных групп. Однако циклические экономические кризисы тормозили расширение социальной политики. В 30-е годы доля расходов на социальные нужды в государственном бюджете составляла 4,2% и была значительно ниже, чем в западных капиталистических странах. Имел значение тот факт, что чешская и словацкая буржуазия не обладала ключевыми позициями ни в одной отрасли промышленности, а буржуазия других национальностей оказывала влияние на социальную политику в удобном для себя направлении. Хроническими социальными проблемами буржуазной Чехословакии были: безработица, возникшая в традиционных отраслях промышленности еще до первой мировой войны; значительная до конца 20-х годов доля ремесленников и рабочих мелких промышленных предприятий, которые в социальных вопросах придерживались консервативных требований мелких производителей (именно на эти слои в своей политике ориентировалась самая влиятельная буржуазная аграрная партия); отсутствие единства в рабочем движении. Его реформистская часть, хотя и не соглашалась с социальной политикой аграриев, тем не менее составляла своего рода симбиоз с буржуазным государственным аппаратом.

Основные черты социал-реформизма и его роль в политической системе буржуазной Чехословакии были рассмотрены в докладе Й. Гарны (Чехословакия), который выделил пять этапов в истории социал-демократии Чехословакии межвоенного периода: 1) 1918—1921 гг.— период идейно-политической дифферен-

циации; 2) стремление к возрождению реформистской партии — до 1925 г.; 3) период лояльной оппозиции по отношению к буржуазному правительству — до 1929 г.; 4) переход на буржуазно-демократические позиции — до «Мюнхена»; 5) «попытка выжить», в том числе путем преобразования в конце 1938 г. в Национальную партию труда. На протяжении этой эволюции социал-демократическая партия теряла влияние в массах, так что во время второй мировой войны и в послевоенные годы с трудом заняла место на политической карте страны и вскоре совсем сошла на нет.

В докладе М. Д. Ерещенко (СССР) «Социально-экономическое развитие и проблемы политической стабильности буржуазной Румынии» показано, что начатая после первой мировой войны аграрная реформа и другие экономические мероприятия в некоторой степени стимулировали процесс капиталистического преобразования экономической структуры и первоначально способствовали относительному расширению элементов политического системы буржуазно-демократического типа. Однако развитие монополистических тенденций в экономике, особенно заметное в 30-е годы, сузило социальную базу государственной власти и обусловило переход к королевской диктатуре, открывшей фашизму путь к власти.

Ряд выступлений был посвящен проблемам изучения фашизма и его особенностей в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. Ормош и М. Инце (Венгрия), исследуя социальную базу фашизма в странах Дунайского бассейна, пришли к выводу, что к фашистским течениям здесь примыкали не все средние слои и мелкие собственники вообще, а те из них, которые разорились и опускались. Важно при этом, что в условиях незавершенности капиталистических преобразований этот процесс втягивал в свой водоворот прежде всего слои докапиталистического происхождения. Румынским крестьянам, например, примыкавшим к Железной гвардии, казалось, что они страдают от капитализма, на самом деле причина зла лежала в отставании его развития. Вместе с тем в докладе подчеркивалось, что феномен фашизма нельзя объяснить только отсталостью социально-экономических процессов, что наличие объективных социальных условий могло привести к успеху фашистских течений только при

определенных политических обстоятельствах.

З. Мичева (Болгария), охарактеризовав в своем докладе различные варианты диктатур, формировавшихся на Балканах в течение 1923—1939 гг., сделала вывод, что все они заключали в себе опасность перерастания в фашистские режимы. С. Радулов (Болгария) в докладе «Основные направления в болгарском фашизме» утверждал, что сразу после первой мировой войны сложилось два обособленных направления фашизма: 1) гражданский фашизм, вышедший из буржуазных политических кругов и претендовавший на политическую монополию фашистской партии; 2) военный фашизм, полностью отрицавший партийную систему и считавший беспартийную военную диктатуру не временным явлением, а постоянным фактором. Это направление, подчеркнуто в докладе, оформилось в октябре 1919 г. Решающими признаками, которые, по мнению автора, позволяют квалифицировать осуществляющуюся этими группировками власть как фашистскую, были антикоммунизм и отрицание ими буржуазной демократии.

Во время дискуссии отмечалось, что названные свойства характерны не только для фашизма, но и для других разновидностей авторитарной государственной власти. Между тем авторитарные режимы, установленные в межвоенный период в большинстве стран рассматриваемой части Европы, в отличие от фашистских диктатур в Германии и Италии не предполагали политической активизации большинства населения. Наоборот, скорее были рассчитаны на его инертность и пассивное повиновение. В этом плане они как бы наследовали традицию господствовавшей здесь ранее авторитарной власти старого типа — полуфеодальных монархических систем. Попытки же следовать в деле организации масс примеру фашистских государств, как правило, не давали тождественных «образцам» результатов.

При рассмотрении следующей темы И. В. Михутина (СССР) в докладе «О социальных аспектах в программах крестьянских партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы» высказала мнение, что наличие в этом регионе до второй мировой войны крестьянского движения, функционирование крестьянских партий являлись в большинстве случаев следствием незавершенности перехода крестьянства из феодального класса-

ссловия в социальный слой капиталистического общества. Крестьянские партии формировались по социально-классовому принципу и вносили в политические системы струю специфического демократизма и радикализма эксплуатируемых «визов». В межвоенное двадцатилетие не были изжиты социально-экономические условия, породившие в свое время крестьянское движение и его политические организации (исключение составляла Чехословакия — ее аграрная партия играла иную роль, чем крестьянские партии в других странах региона). Следовательно до тех пор, пока в рассматриваемых странах не созрели объективные и субъективные предпосылки социалистической революции, не иссякла демократическая и социальная сущность крестьянского движения и связанных с ним партий.

Д. Петрова (Болгария), посвятив свое выступление анализу идейно-теоретических принципов и политической практики в межвоенный период Болгарского земледельческого народного союза, пришла к выводу, что практическая деятельность этой влиятельной партии была более прогрессивна и политически значима, чем ее утопическая идеология и относительно умеренная программа.

А. Айненкель (Польша) в докладе «Крестьянство и крестьянские партии в политической системе Польши» охарактеризовал социальный состав крестьянских партий, интеграционные про-

цессы в крестьянском движении, приведшие к объединению нескольких партий в единое Стронництво людове, которое в период «санационной» диктатуры, опираясь на массовую поддержку крестьянства, представляло крупную силу, противостоявшую с демократических позиций реакционной государственной власти.

Социальная структура крестьянства в межвоенной Венгрии, тенденции и динамика ее преобразования, характеристика отдельных групп сельскохозяйственного населения, их численный состав, имущественное положение, условия труда и быта — таков круг вопросов, затронутых в выступлении М. Лацко, а также в докладе А. И. Пушкиаша (СССР) «Социальная дифференциация крестьянства и политические партии в Венгрии (20-е годы XX в.)».

За «круглым столом» состоялось обсуждение методологических проблем исследования общественных структур. Я. Жарновский (Польша) рассказал об исследованиях по истории общества межвоенного периода в Польше.

В дискуссии подчеркивалась необходимость сочетания анализа общественных структур в конкретном временном срезе с динамикой их развития и корреляции с политическими процессами.

В заключение состоялось заседание группы по Целевому проекту, на котором были рассмотрены вопросы дальнейшей работы.

И. М.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В МОСКВЕ

Одним из пунктов долгосрочной программы многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран в области общественных наук является выполнение Институтом балканистики АН НРБ, Институтом исторических наук Словацкой АН, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтом чехословацкой и всеобщей истории АН ЧССР при участии других академических и внеакадемических научных центров трех стран в 1983—1986 гг. целевого проекта № 12 «Образование и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе».

Первым шагом в осуществлении этого проекта стало проведение в Институте

славяноведения и балканистики АН СССР с 13 по 16 марта 1984 г. трехстороннего международного симпозиума «Социальная и этническая структура и ее эволюция в процессе зарождения и становления раннефеодальной государственности и раннефеодальной народности» (председатель оргкомитета — д-р ист. наук Г. Г. Литаврин — Москва). Разработка этой темы на современном этапе развития науки требует комплексного междисциплинарного подхода, что было обеспечено, прежде всего, включением в повестку дня докладов не только историков, но и археологов и лингвистов, представлявших кроме названных институтов также институты археологии АН НРБ, АН СССР, АН ЧССР (в Праге

и Брюя) и Софийский университет. Этой же цели служил и нетрадиционный подход многих докладчиков к проблеме, использование ими не только материалов по своей специальности, но гораздо более многообразного круга источников, анализируемых нередко в широком сравнительно-историческом контексте: сопоставление данных по ряду стран, в том числе и неоднотипным по своему внутреннему и внешнему развитию регионам.

Активное участие в заседаниях симпозиума приняли специалисты из других научных учреждений, главным образом московских (институты всеобщей истории, истории СССР, научной информации по общественным наукам, этнографии АН СССР, МГУ, Московского государственного историко-архивного института, Московского государственного заочного педагогического института, Сыктывкарского университета), в том числе большая группа молодых ученых.

Симпозиум открыл д-р ист. наук В. Н. Виноградов (Москва). Он приветствовал советских и иностранных ученых и подчеркнул важность проблематики симпозиума для дальнейшего развития исторической науки. После краткого выступления Г. Г. Литаврина, который охарактеризовал тему целевого проекта № 12 как одну из центральных для славистов-медиевистов и сформулировал основные задачи, стоящие перед ее исследователями, начались заседания.

За два дня было заслушано 18 докладов¹. Часть их была посвящена догосударственному периоду в истории изучаемых стран, преимущественно времени перехода от первобытнообщинного к раннефеодальному строю, существовавшему тогда формам политического и этнического объединения, важнейшим вопросам экономического и социального развития. Хронологически в этих выступлениях освещался период примерно с III по VIII в. Акад. Д. Ангелов (София) в докладе «Проблема предгосударственного периода на территории будущего болгарского государства» рассмотрел внутреннюю эволюцию южнославянских и протоболгарских племенных общностей вплоть до их симбиоза в едином государстве с конца VII в. Рассмотренная в докладе тема важна не только для истории Болгарии, но и в более широком, в том числе теоретическом, плане, как пример взаимодействия разных этносов и не-

¹ Кроме того, в распоряжение оргкомитета несколько позже поступил доклад д-ра А. Авенариуса.

схожих хозяйственно-культурных типов: кочевого либо полукочевого и оседлого, земледельческого. Среди многих поднятых докладчиком научно актуальных тем выделим две — о формах догосударственных объединений славян и о роли соприкосновения менее развитых этносоциальных организмов с государственными образованиями более высокого уровня (в данном случае, с Византийской империей). Эти вопросы стояли в центре внимания участников симпозиума.

Д-р ист. наук В. В. Седов (Москва) в докладе «Англы» на основе исторических и археологических источников проанализировал основные проблемы формирования, распространения, контактов, особенностей материальной и духовной культуры, этнического состава этого крупного диалектно-племенного образования восточного славянского, показал роль ангов в освоении Северного Причерноморья, Днепровского Левобережья, Балканского полуострова, побережья Адриатики и частично Среднего Подунавья (до VI—VII вв.). Д-р филол. наук Л. А. Гиндин (Москва) в докладе «Значение лингвофилологических данных для изучения ранних этапов славянизации Балкан», опираясь на тщательный отбор, строгий лингвистический анализ и интерпретацию ряда гидронимов, топонимов и глаголов обитания, признаваемых славянскими, из ранневизантийских памятников, обосновывал вывод о более раннем, чем общепринято в историографии, времени появления славян на Балканах, обрисовав ареал их обитания там.

В докладе Г. Г. Литаврина «Этносоциальная структура славянского общества в VI—VII вв. по византийским источникам» проблема была рассмотрена на более широком, чем заявлено в названии, материале, использовались и известия латинских авторов и археологические данные. Докладчик дал «социальный портрет» трех главных групп древнеславянского общества (свободных общинников, рабов и племенной знати) по важнейшим параметрам (состояние хозяйства, эволюция общины, развитие частной собственности, социальные отношения и пр.). Доклад очень важен для крупных сравнительно-исторических обобщений. В частности, весьма интересен анализ роли рабства в углублении расслоения в общине. О. В. Иванова (Москва) в докладе «Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII—VIII вв.» на основе тщательного изу-

чения имеющихся крайне скудных данных византийских источников сделала попытку реконструировать основные формы догосударственных объединений славян в Македонии и Греции — славиний и союзов славиний, проследила их внутреннюю структуру и эволюцию в условиях конфронтации и усиления зависимости от Византийской империи. Доклад канд. ист. наук С. А. Иванова (Москва) «Дипломатическая терминология у Прокония Кесарийского и племена Подунавья» был посвящен характеристике соответствующих терминов, применявшихся византийским автором VI в., и возможностям использования полученных результатов в изучении отношений империи с варварами Подунавья.

В докладе д-ра А. Авенариуса (Братислава) «Государство Само: проблемы археологии и истории» рассмотрена степень изученности этого во многих отношениях все еще загадочного образования и предложены авторские, либо основанные на новейших исследованиях других ученых, решения ряда связанных с данной проблемой важнейших вопросов (территория, генезис, контингент, характер так называемого государства Само).

Во второй группе докладов представлены разные стороны процесса формирования и развития раннефеодальных славянских государств во всех районах их возникновения — на Балканах, в Центральной и, отчасти, Восточной Европе. Д-р ист. наук Е. П. Наумов (Москва) в докладе «К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян (эпоха раннего средневековья)» остановился на важных и спорных аспектах этнических процессов в этом районе, проблемах иерархии этнических общностей, уровней этнического самосознания. Интересно было выступление проф. В. Тыпковой-Займовой (София) «Формы власти в Византии и балканских государствах (до X в.)», посвященное сопоставительному анализу общего и особенного в развитии раннегосударственных моделей в восточной и западной областях Балканского полуострова (Болгария, Сербия, Хорватия, часть Каринтия). Автор отметила, что своеобразие этих процессов во многом определялось сочетанием местных традиций, воздействием иных, в том числе более развитых государственных форм, межславянских влияний. По тематике примыкал к предыдущему доклад д-ра Е. Койчевой (София) «К вопросу о характере аристократии в раннефеодальных державах на Балканах», в

котором рассмотрены основные этапы и характерные особенности формирования раннефеодальной аристократии (прежде всего в Византии и Болгарии) как руководящей социальной силы в формирующихся и укрепляющихся государствах. Некоторые экономические аспекты этого же процесса показаны в докладе д-ра Е. Годоровой (София) «К вопросу о товарообмене на Балканах в период раннего средневековья», характеризующем, главным образом, недостаточно исследованную и спорную в историографии тематику болгаро-византийских торговых связей и их места в более широкой системе тогдашней международной торговли.

Три доклада были посвящены проблемам внешнеполитической истории, тесно связанным с вопросами внутреннего развития славянских государств в раннем средневековье. Проф. Н. Кочев (София) раскрыл тему «Христианство и политика Византии по отношению к балканским странам в эпоху образования раннефеодальных государств» и в общен историческом плане, и на конкретном материале болгаро-византийских отношений IX в. — переломного периода в процессе феодализации на Балканах и в Византии. Д-р П. Ангелов (София) в сообщении «Роль дипломатии в создании и укреплении Болгарского государства» проанализировал основные задачи болгарской внешней политики в раннефеодальный период, особенно во взаимоотношениях с Византийской империей, показал методы и средства, применявшиеся развивавшейся дипломатической службой страны для осуществления этих задач. Сходного круга вопросов, но в применении к центральноевропейскому региону и к контактам с германским миром, коснулся канд. ист. наук В. К. Ронин (Москва) в докладе «Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII — начале IX в.»

Его выступление можно назвать мостиком к трем следующим, в которых основой стал среднеевропейский, в особенности чешский и моравский, источниковый материал. Д-р Й. Жемлячка (Прага) в докладе «Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии)» рассмотрел сложный комплекс проблем, связанный с историей освоения славянами моравских и чешских земель, появлением великоморавского раннефеодального государственного образования IX в., эволюцией догосударственных форм

на территории Чехии в VIII—IX вв. и длительным процессом возникновения государства Пржемысловичей и его развития вплоть до начала XI в., подчеркивая особо роль связей с великоморавским центром. Д-р Д. Тржештик (Прага) посвятил свое выступление («Среднеевропейское государство периода раннего феодализма: модель и ее происхождение») сравнительному анализу основных черт раннефеодальных государств в Чехии, Польше и Венгрии, обоснованию не только их сходства, но и существования единой среднеевропейской государственной модели раннего средневековья, отличной от западноевропейского типа. Докладчик высказал мнение не только о типологическом, но и о генетическом сходстве этих государств, и в качестве перводеи для них назвал Великоморавское государство. Доклад д-ра П. Соммера (Прага) «Роль церкви в раннесредневековом чешском государстве» был посвящен имеющей значительную историографическую традицию теме складывания церковной организационной системы как одного из важных элементов раннегосударственной структуры в Чехии. Привлечение нового, прежде всего археологического, материала, а также широкое использование известных письменных источников позволили докладчику сделать существенные наблюдения и предложить собственные решения некоторых спорных вопросов.

В докладе д-ра ист. наук Б. Н. Флори (Москва) «Служебная организация у восточных славян» предпринята весьма плодотворная попытка расширить источниковую базу для сравнительно-исторических суждений о характере и роли этого важного элемента государственной и социальной структуры раннефеодального общества стран Центральной Европы. Привлечение более поздних восточноевропейских материалов свидетельствует о существовании служебной организации и в данном регионе и позволяет высказать ряд общих принципиальных суждений о ее сущности и эволюции как здесь, так и в других районах.

Д-р Х. Матапов (София) в докладе «Региональные особенности образования государств на Балканах в период феодальной раздробленности» обосновал типологию появления новых государственных организмов и их районирование на Балканах в более позднее время, что было важно и в сравнительном плане, и для

более глубокого понимания основных черт процесса формирования государств со сложившимися народностями, начавшегося в раннем средневековье.

В целом, в докладах были освещены важнейшие стороны проблематики симпозиума, что стало хорошей основой для дискуссий. Обсуждения прошли очень плодотворно, в конструктивном духе, они выявили и группу тем и вопросов, вызывающих споры, нуждающихся в дополнительных сопоставительных исследованиях, например, о механизме и роли взаимодействия разных культурно-хозяйственных типов и этносов на Балканах, о сравнительной оценке славянских догосударственных образований, в частности, балканских славяний, их структуры, внутреннего развития, о сходстве и различиях интеграционных процессов у славян в раннем средневековье и др.

В заключение ответственные от трех стран за осуществление ЦП-12 И. Жемличка, Г. Г. Литаврин, В. Тыпкопа-Заимова отметили, что заложен хороший фундамент для дальнейшей работы. Очень важен был обмен информацией о достижениях и проблемах национальных историографий по тематике симпозиума, поиски общих и особенных черт в типологических сдвигах на Балканах и в Центральной Европе в раннем средневековье. В ряде докладов сделаны успешные попытки синтеза накопленного материала. Зарубежные коллеги отметили высокий профессиональный и организационный уровень симпозиума.

Были проведены также заседания международной рабочей группы по выполнению ЦП-12 в составе И. Жемлички, Г. Г. Литаврина и В. Тыпковой-Заимовой и подписан протокол, конкретизирующий пути дальнейшего сотрудничества. Определены темы будущих симпозиумов: «Общественно-политическая мысль, идеология и культура в раннефеодальных славянских государствах» (София, 1985, на базе Ин-та балканистики БАН) и «Структура власти: раннефеодальные славянские государства в политической системе Европы» (ЧССР, 1986). Завершением работы по ЦП-12 станет издание коллективного труда (по теме третьего симпозиума), в котором будут изложены и теоретически обобщены важнейшие результаты исследований.

Заборовский Л. В., Иванова О. В.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МГУ

28 XI—2 XII 1983 г. на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова проходила научная конференция, посвященная сорокалетию «возрождения» кафедры славянской филологии. Деятельность кафедры в области подготовки специалистов по славянским языкам и литературам и в плане научных исследований хорошо известна у нас в стране и за рубежом. Поэтому конференция привлекла огромное число гостей, среди которых было немало выпускников кафедры.

В работе конференции приняли участие профессор, доценты и преподаватели университетов и вузов страны (Ленинградский, Белорусский, Киевский, Одесский, Львовский, Тартуский, Воронежский, Ужгородский, Гродненский, Черновицкий, Башкирский ун-ты; Вильнюсский, Кутаисский, Костромской пединституты; Дипломатическая академия МИД СССР), сотрудники ведущих научных учреждений (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Ин-т языкознания АН СССР) и других организаций. На конференции присутствовали работающие на кафедре иностранные преподаватели славянских языков из Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, а также зам. декана философского ф-та Карлова университета в Праге проф. М. Грала и зав. кафедрой русистики в Университете им. Палацкого (г. Оломоуц) проф. М. Заградка.

Работа конференции проходила по трем секциям: славянского языкознания, литературоведения, методики и практики преподавания славянских языков. В целом на секционных и пленарном заседаниях было прочитано 64 доклада.

Открывая конференцию, декан филологического ф-та МГУ проф. И. Ф. Волков отметил большие успехи университетских славистов в деле подготовки славистических кадров, достижения в развитии славянской филологии и охарактеризовал кафедру славянской филологии как одну из ведущих кафедр факультета.

На пленарном заседании было заслушано выступление проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова (ЛГУ) — «Проблемы совершенствования преподавания славянских языков и литературы в вузах СССР», в котором заключалась обширная информация о содержании и

объеме славистического образования в нашей стране.

Большее половины докладов конференции было посвящено вопросам славянского языкознания и методике преподавания славянских языков в высшей школе. Лингвистическая проблематика освещалась в двух названных выше секциях, кроме того, доклады проф. С. Б. Бернштейна (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, — далее Исб), проф. А. Г. Широковой (МГУ) и проф. Н. И. Толстого (Исб) были зачитаны на пленарном заседании.

Общие пути лингвистических исследований и проблемы славянского языкознания на современном этапе были изложены в докладе проф. С. Б. Бернштейна, с именем которого прежде всего связано возрождение славянской филологии на филологическом факультете МГУ, воспитание и объединение ученых-славистов и создание московского центра в области славянского языкознания; работы которого широко известны не только советской научной общественности, но получили большое признание за рубежом.

Проблематика большинства докладов была связана с сопоставительным аспектом изучения славянских языков — теоретические принципы подобного исследования грамматической структуры были предложены в докладе проф. А. Г. Широковой; о методах типологического сопоставления литературных славянских языков в процессе их исторического формирования говорил проф. Н. И. Толстой.

Особенности конфронтации славянских языков рассматривались на различных языковых уровнях: ст. науч. сотр. Т. В. Попова (Исб) раскрыла проблематику сопоставительного изучения славянской морфологии; канд. филол. наук Е. В. Петрухина (МГУ), доц. В. Ф. Аскоченкова (Воронежский ун-т), преп. Т. А. Адаркина (МГУ) рассмотрели вопросы грамматического строя, в частности — сопоставительного изучения категории вида в славянских языках.

Ряд докладов был посвящен исследованиям в области славянского словообразования: Г. П. Нешименко (ст. науч. сотр., Исб) изложила основные теоретические аспекты изучения славянской деривации. Конкретным вопросам были посвящены сообщения доц. А. К. Смоль-

ской (Одесский ун-т), М. А. Осиповой (Исб), ст. преп. И. П. Бондарь (Киевский ун-т), канд. филол. наук Г. Г. Тяпко (Дипломатическая академия МИД СССР).

Синтаксическая проблематика нашла свое отражение в докладах проф. В. И. Сабинниковой (Воронежский ун-т), охарактеризовавшей типы безличных предложений в славянских языках, и доц. Б. Ю. Нормана (Белорусский ун-т).

Рассматривались проблемы лексики и фразеологии. Отметим выступления проф. В. М. Мокиенко (ЛГУ) о принципах сопоставительного изучения славянской фразеологии и проф. А. Е. Супруна (Белорусский ун-т) о программе комплексного типологического сопоставительного анализа лексики славянских языков по выработанной авторами схеме.

Доклады, посвященные лексической проблематике, касались различных аспектов: д-р филол. наук Л. Н. Смирнов (Исб) рассмотрел принципы интернационализации лексики современных славянских языков, доц. Р. Х. Тугушева (ЛГУ) рассказала о проникновении интернациональной лексики в чешский и словацкий языки, проф. П. П. Чучка (Ужгородский ун-т) осветил особенности функционирования патронимов в лексической системе славянских языков. Сообщения Л. И. Неруш (Ин-т языкознания АН УССР), Г. А. Мартыновой (изд-во «Русский язык») касались вопросов лексикографии.

Доц. Т. С. Тихомирова (МГУ), опираясь на социолингвистические факторы, указала способы проникновения русизмов в польский язык. Смешанным вопросам синтаксической лексикологии и фразеологии в славянских языках посвятили свои доклады О. А. Просвирина (изд-во «Русский язык») и канд. филол. наук В. Ф. Васильева, которая описала особенности сочетаемости лексем, рассматриваемые как явление, формирующееся в результате взаимодействия разных языковых уровней, изучение которого должно включать исследование ономастологических категорий и узуса отдельных славянских языков. Вопросы языковой ситуации в современных славянских языках были подняты ст. научн. сотр. З. Н. Стрекаловой (Исб) и проф. А. Д. Дуличенко (Тартуский ун-т). С интересом заслушали присутствующие сообщение доц. А. В. Каупуж (Вильнюсский ун-т), в котором были представлены материалы рецензий Бодуэна де Куртене, относящиеся к сопоставительному изучению славянских языков.

В сфере внимания конференции оказались и проблемы межславянских переводов. Проф. Г. А. Лилич (ЛГУ) указала на способы наиболее адекватной передачи лексики и фразеологии произведений В. И. Лепина при их переводе на славянские языки. Культурно-исторической функции перевода художественной литературы посвятил свой доклад доц. В. Жидлицкий (Карлов ун-т, ЧССР), рассмотрев роль переводов М. Вовчок в развитии чешской литературы XIX—XX вв. Ст. преп. Т. П. Попова (МГУ) определила место переводческого цикла в системе образования филологов-славистов, в частности специфику ознакомления студентов с теорией и практикой художественного перевода.

Поскольку славянские языки преподаются в вузах студентам различных профилей, на методической секции обсуждался довольно широкий круг дидактических вопросов и рекомендаций. В центре внимания оказались доклады, связанные с преподаванием славянских языков в филологической аудитории. Этому были посвящены выступления доц. В. П. Гудкова (МГУ) и доц. Н. В. Котовой (МГУ), сообщение доц. К. М. Гюлумянц (Белорусский ун-т), коллективное сообщение доц. Н. Е. Ананьевой, канд. филол. наук М. П. Киришовой, преп. Е. В. Тимониной (МГУ). Сообщения Д. Василевской (ППР, Варшавский ун-т), доц. В. Н. Зенчук (МГУ), доц. Л. И. Новиковой (Москва), Т. С. Мочаловой (Дипломатическая академия МИД СССР) касались ряда актуальных аспектов преподавания славянских языков.

Большой интерес участников конференции и гостей вызвали заседания литературоведческой секции (проблемам литературы было посвящено более 20 докладов, из них два — проф. В. Д. Андреева и проф. Е. З. Цыбенко — вошли в программу пленарного заседания).

В центре внимания выступавших находились проблемы современного литературного процесса и социалистического реализма, сравнительного изучения литератур стран социалистического сотрудничества, а также вопросы традиций и повторства, исследования классического наследия и вершинных достижений литературы наших дней, идейно-художественного своеобразия творчества ведущих писателей и отдельных произведений. Все доклады отличались высоким теоретическим и научным уровнем, актуальностью проблематики, своеобразием

подхода к решению разнообразных литературоведческих проблем.

В докладе проф. В. Д. Андреева (ЛГУ), посвященном проблеме построения лекционного курса «Сравнительно-типологическое изучение славянских литератур», были намечены основные аспекты исследовательской работы в данной области. Подчеркнув необходимость включения в учебную программу университета чтения общего курса единой социалистической культуры, докладчик обозначил ряд узловых моментов курса.

О проблемах сопоставительного изучения современных славянских литератур в контексте литератур социалистических стран Европы рассказали проф. Е. З. Цыбенко (МГУ), проф. Р. Р. Кузнецова (МГУ), д-р филол. наук С. А. Шерлаимова (Исб), ст. научн. сотр. Ю. В. Богданов (Исб), доц. И. В. Шабловская (Белорусский ун-т). Проф. Е. З. Цыбенко остановилась на вопросах периодизации послевоенного развития этих литератур, общего и национально специфического в них; обстоятельно показала все возрастающую роль литературы социалистических стран в мировом литературном развитии, необходимость изучения славянских литератур в широком контексте литератур всех стран социалистического содружества. Проф. Р. Р. Кузнецова проследила направление идейно-художественных поисков в литературах социалистических стран. Рассмотрев ряд новейших произведений советской, словацкой, чешской, болгарской прозы, она поставила вопрос о выработке новых критериев оценки литературы наших дней. Об актуальности проблемы сравнительного изучения современных славянских литератур говорила д-р филол. наук С. А. Шерлаимова. Значительные задачи, стоящие перед литературоведами Института славяноведения и балканистики АН СССР, осветил зам. директора Института ст. научн. сотр. Ю. В. Богданов, познакомивший присутствующих с научной проблематикой и перспективами работы Института на ближайшее время. Доц. И. В. Шабловская рассмотрела особенности развития антифашистской прозы в послевоенных славянских литературах.

При чтении лекционных курсов по современным славянским литературам и написании учебников и учебных пособий большое значение приобретает проблема периодизации послевоенных литератур. Выявлению основных критериев и принципов периодизации словацкой литера-

туры после 1945 г., а также характеристике отдельных ее этапов и был посвящен доклад доц. А. Г. Машковой (МГУ).

Многих советских и зарубежных исследователей интересуют самые различные аспекты преемственности, традиций, новаторства. Одним из интереснейших представляется изучение преемственности литературного развития, связи классического наследия с литературой наших дней, впитавшей в себя и творчески освоившей все лучшие достижения прошлого. Об этом говорил, в частности, д-р филол. наук В. А. Хорев (Исб). Подчеркнув методологический аспект исследуемой проблемы, он убедительно показал, как традиции помогают выявить общие закономерности развития литературного процесса, ориентацию художника на определенные идейно-художественные ценности. Проблему традиций и новаторства рассмотрели также ст. научн. сотрудники А. П. Соловьева (Исб) и Р. Ф. Доронина (Исб), проф. А. Р. Волков и преп. Д. П. Бак (Черновицкий ун-т), доц. В. Г. Зинченко (Одесский ун-т), доц. В. К. Житник (Киевский ун-т).

Третью тематическую группу составили доклады, в которых рассматривались связи русской и советской литературы с литературами славянских народов. Известно, что из русских писателей-классиков наиболее заметный след в развитии славянских культур оставил Л. Толстой. Теме «Толстой и славянские народы», заслуженно привлекающей внимание славистов разных стран, на конференции было посвящено два выступления — доц. И. М. Порочкиной (ЛГУ) и ст. научн. сотр. А. Г. Пиотровской (Институт мировой литературы АН СССР), — в которых были освещены ее новые, до сих пор малоизученные стороны.

Доц. В. Е. Смирнова (Москва) показала интенсивное проникновение в русскую культуру польской литературы на рубеже столетий. С этим выступлением перекликается сообщение преп. А. И. Баранова (Костромской пединститут). О близости русской и польской литератур начала XX в. говорила доц. В. И. Оцхели (Кутаисский пединститут). Новые данные о связях польского писателя Ю. Крашевского с Литвой и ее культурой представила преп. М. И. Недзвецкая (Вильнюсский пединститут).

Самостоятельную тематическую группу составили доклады, посвященные отдельным актуальным проблемам славянских литератур XX в.: идейно-художественному своеобразию творчества видных

славянских писателей и их оценке критикой, стилю, жанрам и т. д. В частности в интересном выступлении д-ра филол. наук С. В. Никольского (Исб) на основании имеющихся материалов были высказаны предположения о содержании и идейной направленности ненаписанных частей романа «Похождения бравого солдата Швейка».

Результатами детального анализа стиля романов З. Налковской 20—40-х годов поделилась с участниками конференции преп. Г. Л. Рубанова (Львовский ун-т); о восприятии и оценках современным чехословацким и советским литературоведением творчества Яр. Кратохвила рассказал в своем выступлении ст. преп. А. М. Медников (Львовский ун-т).

Различные аспекты одной из актуальнейших проблем современного литературоведения — проблемы жанра — были рассмотрены на примерах чешской, болгарской, сербской литератур XX в.

Так, с докладом о сложной системе жанров в чешской литературе социалистического реализма 20—30-х годов выступила д-р филол. наук Н. Ф. Копытянская (Львовский ун-т); о проблеме циклизации современной болгарской прозы — доц. З. И. Карцева (МГУ), о жанровых особенностях романа-эпопеи «Знамена» М. Крлежи — ст. научн. сотр. Г. Я. Ильина (Исб), о жанровой специфике сербского исторического романа — канд. филол. наук Н. А. Непорожня (Киевский ун-т).

Закрывая заседания, руководители секций выразили большое удовлетворение по поводу прошедшей конференции, отметили высокий научный уровень докладов и важную роль инициативы университетских филологов-славистов в деле дальнейшего развития славистической науки.

Машкова А. Г., Попова Т. П.

ВАЦЛАВ КРАЛ

12 декабря 1983 г. скоропостижно скончался Вацлав Крал — крупный чехословацкий историк, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда.

Историческая наука потеряла в его лице ученого разносторонних интересов, внесшего значительный вклад в разработку актуальных и ключевых проблем новейшей истории Чехословакии, советско-чехословацких и международных отношений, истории второй мировой войны, рабочего и национально-освободительного движения.

Вацлав Крал родился в 1926 г. в пролетарской семье. После окончания в 1949 г. Пражского университета и прохождения военной службы стал работать, начиная с 1951 г., научным сотрудником сначала в Военно-историческом институте, а затем в Историческом институте ЧСАН, где в течение девяти лет заведовал отделом. В 1963 г. был назначен директором Института истории социалистических стран ЧСАН, а с 1969 г. до конца жизни занимал пост директора Чехословацко-советского института ЧСАН, являясь одновременно председателем Научной коллегии истории, аналогичной Отделению истории АН СССР.

Его перу принадлежит 47 монографических исследований и сборников документов и более 100 научных статей. Среди них можно назвать первую, переведенную на русский язык еще в 1955 г. работу В. Крала «О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша».

Как эту, так и все последующие работы ученого-коммуниста характеризует интернационалистский, марксистско-ленинский подход к оценке исследуемых проблем и событий.

Особенно ярко талант глубокого исследователя и неиссякаемое трудолюбие

В. Крала раскрылись в процессе подготовки фундаментального трехтомного исследования «Вопросы экономического и социального развития чешских земель 1938—1945 гг.». Появление этой работы, отмеченной Государственной премией имени Клемента Готвальда, стало крупным событием в становлении тогда еще молодой чехословацкой марксистской историографии, свидетельством ее несомненного успеха. Содержащийся в книге богатейший фактический материал позволил автору раскрыть механизм экспансии немецких монополий и ее социально-экономические последствия в поработанной стране, проанализировать экономические основы сотрудничества крупной чешской буржуазии с германским империализмом, что и стало решающей предпосылкой ее политического коллаборационизма, прислужничества оккупантам. Всесторонне охарактеризовав бедственное экономическое и бесправное политическое положение чешского рабочего класса в период оккупации, проанализировав формы его классовой борьбы, В. Крал убедительно обосновал и показал процесс завоевания рабочим классом авангардной роли в национально-освободительном движении, в национальной и демократической революции.

К этому труду тематически примыкает ряд других крупных работ В. Крала («Правда об оккупации», «Преступления против Европы» и др.), в которых автор показал, что цель и содержание политики германского фашизма заключались в жесточайшем угнетении поработанных народов. Тотальное уничтожение всех, кто оказывал сопротивление гитлеровскому режиму, являлось основой нацистской европейской политики.

В последние годы В. Крал сосредоточился на выяснении вопроса о причинах национальной трагедии народов Чехословакии в дни Мюнхена и последующей

утраты ими своей государственности и свободы. В двух книгах «План Зет» и «Дни, которые потрясли Чехословакию» он талантливо и убедительно показал все пружины закулисного сговора английских, французских и американских правящих кругов с германским империализмом за счет чехословацкого народа. Эти книги В. Крала, благодаря переводу на русский язык, стали также доступны широким кругам советских читателей и по достоинству получили их высокую оценку.

Изучение разнообразных и важнейших документальных материалов, содержащихся в отечественных и многих зарубежных, в том числе и советских архивах, позволило В. Кралу развернуть исследование советско-чехословацких отношений, провести анализ международного положения Чехословакии. В этих работах он показал, что только в лице Советского Союза страна находила своего верного союзника, что только советское социалистическое государство является нерушимой опорой и надежной защитой ее государственности, суверенитета и свободного развития по пути к социализму. Такой вывод сформулирован им в работах «Чехословакия и Советский Союз. 1917—1945 гг.», «Чехословакия и Советский Союз. 1917—1971 гг.», в фундаментальных трудах «Чехословацко-советское союзничество в европейской политике», «Освобождение Чехословакии» и ряде других. Каждая из них характерна богатством документального материала, отличается несокрушимой логикой и убедительностью.

Будучи историком-марксистом, В. Крал уделял пристальное внимание изучению влияния ленинизма на политическое развитие страны и, в особенности, на его роль в революционизировании рабочего движения, в формировании последовательной марксистской партии чехословацких рабочих. Эта сторона его научной деятельности представлена

такими крупными работами, как «Путь к ленинизму», которая получила высокую оценку в советской научной печати, «Ленин и современность» и другие.

Его перу принадлежат прекрасные статьи о Клементе Готвальде как стратеge национально-демократической и социалистической революции.

Много внимания В. Крал уделял воспитанию молодого поколения историков. Он был заведующим кафедрой чехословацкой истории в Пражском университете. Его перу принадлежит прекрасная книга «Мир идей истории», ряд крупных историографических статей.

Вацлав Крал пользовался заслуженным уважением и авторитетом не только среди чехословацких ученых. Его хорошо знала и высоко ценила советская научная общественность. Об этом свидетельствует избрание его почетным доктором (*honoris causa*) Московского университета.

Советские историки, как и их чехословацкие коллеги с болью восприняли эту потерю в рядах историков-марксистов.

Автору этих строк довелось встречаться с В. Кралом на международных конференциях и симпозиумах, заседаниях Комиссии историков СССР и ЧССР, при работе над многотомной советско-чехословацкой публикацией «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», просто дружески беседовать. Последняя из таких встреч была 29 октября в доме Советской науки и культуры в Праге, где нам довелось вместе выступать перед лекторами Союза советско-чехословацкой дружбы в связи с 40-летием Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой республикой. Это был один из примеров его большой общественной деятельности по укреплению советско-чехословацких отношений и дружбы между народами двух стран.

Недорезов А. И.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1984 Г.

СТАТЬИ

Алексеев А. А. Принципы историко-филологического изучения литературного наследия Кирилла и Мефодия	№ 2
Базилевский А. Б. Гротеск в поэмах Ю. Тувиима и К. И. Галчиньского 20—30-х годов	№ 5
Бернштейн С. Б. Еще раз о Срезневском	№ 2
Бирман М. А. Связи революционных социал-демократов России и Балкан в начале XX века	№ 2
Бобрин М. Н. Сотрудничество СССР — ПНР в деле подготовки и проведения общеевропейского Совещания (1964—1975)	№ 6
Большакова К. В. Советско-польские театральные контакты в 1946—1949 годах (По материалам ВОКС и ОПСД)	№ 2
Волокитина Т. В. Советско-болгарские отношения на современном этапе: курс на всестороннее сближение	№ 4
Вяземская Е. К. Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 году	№ 1
Гаврюшина Л. К. Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского	№ 1
Гибянский Л. Я. Советский Союз и югославское народно-освободительное движение в 1941—1943 годах	№ 5
Грачева Л. Е. Вопросы революционного движения России в трудах Г. Бакалова	№ 2
Греков И. Османская империя, Крым и международные отношения в Восточной Европе в первые годы Ливонской войны (1558—1572)	№ 3
Дмитрисв М. В. Антифеодальные тенденции в реформационном движении в Речи Посполитой второй половины XVI века	№ 5
Дьяков В. А., Фрейдзон В. И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке	№ 2
Желицки Б. И., Копашева М. И. Классовые отношения в социалистических странах Европы (социально-экономические аспекты развития)	№ 2
Журавлев В. К. Проблемы истории славянских литературных языков	№ 3
Зуев Ф. Г. Борьба демократических сил Польши за освобождение страны от гитлеровских захватчиков и установление народной власти (январь—июль 1944 г.)	№ 3
Ищенко Д. С. Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита	№ 6
Карасев В. Г., Костюшко И. И., Уткина Л. И. Обучение студентов из зарубежных славянских стран в Московском университете (вторая половина XIX — начало XX в.)	№ 6
Кириллова О. «Дом на отшибе» как отражение художественного мира И. Андрича	№ 4
Колесницкая И. М. Болгарские и восточнославянские свадебные песни	№ 5
Костюшко И. И. IX Международный съезд славистов	№ 2
Костюшко И. 40-летие Польской Народной Республики	№ 4
Кузьмин М. Н. Педагогическое творчество Я. А. Коменского в контексте социокультурных процессов перехода от феодализма к капитализму	№ 5
Лешкова О. О. К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках	№ 5
Миллер А. И. К вопросу о становлении политического течения «станьчюков» (Полемика Ю. Шуйского с П. Попелем в 1864—1867 гг.)	№ 2
Михутина И. В. Международные антифашистские и антивоенные конгрессы 30-х годов: участие в них деятелей культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6

Мочалова В. К истории восприятия Яна Кохановского в России («Трени» в оценке русской критики и в переводах)	№ 6
Мурашко Г. П. О позиции КПЧ по вопросу национализации основных средств производства в условиях перерастания национально-демократической революции в социалистическую	№ 1
Муртузалев С. И. Идея сопротивления исламизации в устном народном творчестве болгар XV—XVI веков	№ 6
Мурьянов М. Ф. Фрагмент культурной истории древних славян	№ 1
Муслиенко С. Ф. Гродненский период творчества Зофы Налковской	№ 1
Обращение участников IX Международного съезда славистов ко всем ученым мира	№ 2
Осипова М. А. К вопросу о сопоставительном описании глагольной префиксации в славянских языках	№ 6
Петров Е. В. Славяно-германские отношения в Юго-Восточной Баварии в VI—X веках	№ 5
Позолотин М. Е. Болгария на новом этапе хозяйственного развития (К 40-летию социалистической революции в Болгарии)	№ 4
Покивайлова Т. А. К 40-летию освобождения Румынии от фашизма	№ 4
Попова Т. В. О некоторых проблемах сопоставительного изучения славянской морфологии	№ 5
Ронин В. К. О «власти» Карла Великого над славянами	№ 1
Седякова И. А. К описанию лексики и символики новогодней обрядности болгар (Рожественские обрядовые хлебы)	№ 1
Семенова Л. Е. Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV века	№ 5
Серапионова Е. Провал планов создания польско-чехословацкой конфедерации (1941—1943)	№ 3
Славин Г. М. Советская печать о югославской культуре периода народно-освободительной войны	№ 3
Станков Н. Н. Проблема польско-германской границы и американская дипломатия в 1945—1950 годах	№ 3
Титова Л. Театр в системе культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций (К постановке проблемы)	№ 3
Удалецов И. И. Проблемы чешского национального возрождения в работах Йозефа Кочи (Историографические заметки)	№ 3
Участникам IX Международного съезда славистов	№ 2
Флоря Б. Н. Научная деятельность В. Д. Королюка	№ 4
Хорев В. А. От абстрактного гуманизма к социалистическому (Идейно-художественная эволюция ряда польских писателей в 1945—1948 гг.)	№ 4
Цвилюк С. А. Издания болгарских интернационалистов в Советской России (1918—1920)	№ 3
Черпьявский Г. И. Западная буржуазная историография о коммунистическом и рабочем движении в Болгарии между мировыми войнами	№ 4
Штудинер М. А. Судьба долгих согласных в словацком языке	№ 4

СООБЩЕНИЯ

Акинфиев А. Тодор Бурмов — болгарский общественный и политический деятель и публицист	№ 5
Будзыньский Р. (ПНР) Польско-советское сотрудничество в области общественных наук (1971—1975)	№ 5
Николаев С. И. Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Паскалина»	№ 6
Титова А. А. Позиция Польской социалистической партии по вопросу аграрной реформы в 1924—1925 годах	№ 6
Чернецов А. В. Об одном русском изображении Юстиниана I (XVI в.)	№ 6

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Свердлина С. В. Переписка А. С. Грибоедова о назначении врача А. Семашко в русское посольство в Тегеране	№ 4

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Билунов Б. Н. Н. Н. Червенков. Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х — 60-е годы XIX века	№ 5
Верещагин Е. Супрасълски или Ретков сборник	№ 6
Волков А. Р. С. В. Никольский. Две эпохи чешской культуры	№ 6
Волокитина Т. История и культура Болгарии. К 1300-летию образования Болгарского государства	№ 3
Глобачев М. О. Eleonora Syzdek. W jednym życiu tak wiele Opowieść o Wandzie Wasilewskiej	№ 2
Традианская Н., Смирнов Л. Jozef Hroziencič. Turčianski olej-kári a šafraníci	№ 2

Грибовская А. И., Моторный В. А. З. Урбан. Чехи и болгары. Культурни взаимоотношения	№ 1
Данилова А. Slavische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20.	№ 4
Иванов Ю. Ф. Вопросы истории славян	№ 1
Кабачкова Г. И. Výroční obvežeje: Současný stav a proměny	№ 4
Касаткин Н. И. Јован Р. Бојовић. Осма покрајинска конференција КПЈ за Црну Гору, Боку, Санџак, Косово и Метохију	№ 2
Колесницкий Н. Ф. Вопросы этногенеза и этнического самосознания славян	№ 6
Крапивин А. В., Ю. Лъвунин, В. Кузько. Георгий Димитров и международное профсоюзное движение	№ 4
Лешеловская И. И. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел	№ 5
Лиллич Г. А. Hubert Rösel. Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J. A. Comenius	№ 4
Л. К. Новые библиографические издания «Славянской библиотеки»	№ 1
Л. К. Сравнительно литературознание	№ 6
Матвеев Г. Ф. Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)	№ 3
Мокшенко В. М.— Sermák František. Idiomatika a frazeologie češtiny	№ 5
Наумов Е. П. Национальные движения в Габсбургской монархии после революций 1848—1849 годов	№ 1
Николюцкий С. Hoření Z. Jaroslav Hašek novinář.	№ 1
Опучин А. Н. J. Novák. Rodové erby na Slovensku. 1. Kubínyiho zbierka rečati	№ 1
Прокопова И. И. В. А. Перод. Интернациональные связи трудящихся Украинской ССР и Польши. 1929—1933	№ 2
Слива А. Библиографија радова о Светозару Марковићу	№ 4
Смирнов С. В. Славяноведение и балканистика в зарубежных странах	№ 6
Смолякова Н. К. Ничева. Българска фразеология	№ 6
Флоря Б. Přehled dějin Československa. I/1 (do roku 1526)	№ 3
Фрейденберг М. М. Р. В. Петровић. Племя Кучи 1684—1796	№ 2
Фрейдзон В. И. Ю. В. Бромлей. Очерки теории этноса	№ 3
Шерлаимова С. Новая польская книга о чешской и словацкой литературе	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вышомирская-Кузьминская О. (ПНР). Научные конференции Комиссии историков ПНР и СССР	№ 6
Гуляева Е. Калужская И. II Международный семинар по славянской палеографии и дипломатике и Международная конференция «Украшение балканской рукописной книги до XVIII века»	№ 2
Жакова Н. К. Заседание секции Научно-методического совета	№ 2
Заборовский Л. В., Иванова О. О работе сектора древней истории и истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР	№ 1
Заборовский Л. В., Иванова О. В. Международный симпозиум в Москве	№ 6
И. К. Научная конференция «Университеты и студенты»	№ 2
И. М. Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами	№ 6
Ляпский А. Е. Научная конференция «40 лет народной Польши»	№ 6
Маращев Я. Н. Памяти первопечатника	№ 4
Машкова А. Г., Попова Т. П. Научная конференция на кафедре славянской филологии МГУ	№ 6
Молошная Т. Н., Судник Т. М. Две конференции в секторе структурной типологии	№ 5
Мыльников А. С. Международная конференция славистов в Котбусе (ГДР)	№ 2
Наумов Е. Конференция советских медиевистов в Белорусском университете	№ 2
Середя В. История литератур европейских социалистических стран: точки зрения на исследование	№ 4
Терновская О. А. Конференция «Полесье и этногенез славян»	№ 1
Яворская Г. М. Чтения памяти Л. А. Булаховского	№ 2

НЕКРОЛОГИ

Недорезов А. И. <u>Вацлав Крал</u>	№ 6
Созин И. В. Памяти профессора А. И. Воронкова	№ 3

CONTENTS

<i>Bobrik M. N.</i> Soviet-Polish cooperation in the preparation and work of the European Conference in Helsinki (1964—1975). <i>Mihutina I. V.</i> International antifascist and anti-war congresses of the 1930s: the participation of creative workers from Central and South-Eastern Europe. <i>Karasev V. G.</i>, <i>Kost'uško I. I.</i>, <i>Utkina L. I.</i> Students from Slavic countries in the Moscow University (2nd half of the XIX — beginning of the XX century). <i>Močalova V.</i> On the history of Jan Kochanowski in Russia (Russian critical works and translations). <i>Murtuzaliev S. I.</i> The idea of resistance against islamization in the Bulgarian folklore (XV—XVI centuries). <i>Osipova M. A.</i> On the contrastive description of prefixal verbs Slavic languages	3

COMMUNICATIONS

<i>Titova A. A.</i> The attitude of the Polish Socialist Party towards the agrarian reform in 1924—1925. <i>Nikolaev S. I.</i> An unknown edition of the Twardowski's poem «The beautiful Pasqualina». <i>Černecov A. V.</i> On a Russian portrait of Justinian I (XVI century). <i>Išenko D. S.</i> The Hilander copy of the Slavic translation of Theodor Studite's sermons.	72

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kolesnicki N. F.</i> Вопросы этногенеза и этнического самосознания славян. <i>Volkov A. R.</i> С. В. Никольский. Две эпохи чешской культуры. <i>L. K.</i> Сравнительно литературознание. <i>Smirnov S. V.</i> Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. <i>Verescašin E.</i> Супрасьельски или Ретков сборник. <i>Smol'akova N. K.</i> Ничева. Българска фразеология	88

SCIENTIFIC LIFE

<i>Lipski A. E.</i> The scientific conference «40 years of the People's Poland». <i>Wyszomirska-Kuźmińska O.</i> (Poland). Scientific conferences of the Commission of Polish and Soviet Historians. <i>I. M.</i> Social structure and political movements in Central and South-Eastern Europe between two World wars. <i>Zaborovski L. V.</i>, <i>Ivanova O. V.</i> The international conference in Moscow. <i>Maškova A. G.</i>, <i>Popova T. P.</i> A scientific conference at the chair of Slavic philology, Moscow University	104
<i>Nedorezov A. I.</i> <u>Vaclav Kral</u>	123
Index of Articles Published in 1984	125

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10.08.84	Подписано к печати 22.10.84	Т-13378	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отг. 13,3 тыс.	Уч.-изд. л. 13,0
	Тираж 1148 экз.	Зан. 447	Бум. л. 4,0

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В ОРДНИКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ Н И
70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

И